

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 3 (48)
2017**

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 3 (48) 2017 г.

Выходит 6 раз в год.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредитель журнала:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет».

Адрес редакции:

ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 413,

г. Сургут, Тюменская обл.,

ХМАО – Югра, 628417

Телефон: 8 (3462) 22-31-87

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Сдано в печать 30.08.2017 г.

Формат 70x100/16

Авт. л. 7,9

Печать цифровая

Гарнитура DeJaVu Serif

Тираж 1000

Заказ № 41

Техническая редакция, вёрстка – РИО СурГПУ

Отпечатано в РИО СурГПУ

ISSN 2078-7626

Surgut
State
Pedagogical
University

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

**№ 3 (48)
2017**

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

This Bulletin has started its publishing activity since 2007 in the form of 6 issues annually.

This academic journal has been registered in the Russian Federal Agency supervising over the mass media, tele- and radio- communication saving in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.

Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra «Surgut State Pedagogical University».

The editorial office address is:

50 let VLKSM st., 10/2, room № 413,
Surgut, Tyumen region,
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra,
Russia, 628417

Telephone number: 8 (3462) 22-31-87

E-mail: vestnik@surgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ**СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**

Зборовский Г.Е., Мельниченко С.В.	Теоретико-методологические основы управления человеческим капиталом образовательной общности в вузе	7
Шуклина Е.А.	Сетевой университет как фактор регионального развития	13
Каташинских В.С.	Специфика типологии вузов в индустриальном макрорегионе	24
Шуклина Е.А., Гаврилина Т.О.	Пространство неформального образования города: опыт освоения и проживания	33

**СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА
И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ**

Казакова А.Ю.	Феномен жилищной депривации в социальных и естественно- научных исследованиях: концептуализация и изученность (научно-аналитический обзор)	46
Ишкинина М.Х.	Социальная ответственность организаций перед работниками: факторы формирования и особенности реализации в современных условиях	63
Ефанов А.А.	К вопросу об амбивалентности социальных изменений в результате влияния моральных паник на общество	71

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА

Ермолаев Т.С.	Стратегии межэтнического взаимодействия в условиях нового освоения Южной Якутии	76
----------------------	--	----

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА И
БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Багнетова Е.А.	Факторы профессионального стресса педагогов общеобразовательных школ в современных условиях	84
Щербакова А.Э.	Психологические и психофизические особенности участников олимпиады по основам безопасности жизнедеятельности	89
Проккопенко В.И.	Традиционные состязания в системе современного процесса физического воспитания подрастающего поколения народа манси	93

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	100
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ	102

CONTENTS

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Zborovskiy G.E., Melnichenko S.V.	Theoretic and Methodological Foundations of Managing Human Capital of Educational Communities in the University	7
Shuklina E.A.	Network University as a Factor of Region Development	13
Katashinskikh S.V.	Specificity of the Typology of Universities of the Industrial Macro-Region	24
Shuklina E.A., Gavrilina T.O.	Informal Education Space of the City: Living and Development Experience	33

**SOCIOLOGY WORK
AND SOCIAL STRATIFICATION**

Kazakova A.Y.	The Phenomenon of Housing Deprivation in Social Science Research: Conceptualization and Knowledge	46
Ishkinina M.Kh.	Social Responsibility of Organisations to Employees: Formation Factors and Realisation Features in Present-Day Conditions	63
Yefanov A.A.	To the Issue of Social Changes Ambivalence as the Result of Moral Panics Influence on Society	71

SOCIOLOGY OF REGION

Ermolaev T.S.	Strategies of Inter-Ethnic Interaction in New Development of Southern Yakutia	76
----------------------	--	----

**THEORY AND METHODOLOGY
OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT
AND BIOLOGICAL PROBLEMS
OF EDUCATIONAL SPACE SECURITY**

Bagnetova E.A.	Factors of Professional Stress of Educators in General Education Schools	84
Shcherbakova A.E.	Psychological and Psychophysiological Characteristics of Participants of Health and Safety Olympiad	89
Prokopenko V.I.	Traditional Competitions in the System of Modern Process of Physical Education of the Younger Generation of Mansi People.....	93
INFORMATION ABOUT AUTHORS		100

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIOLOGY OF EDUCATION

УДК 316
ББК 60.54

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ,
С.В. МЕЛЬНИЧЕНКО

G.E. ZBOROVSKY,
S.V. MELNICHENKO

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБШНОСТИ В ВУЗЕ**

**THEORETIC AND METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS OF MANAGING HUMAN CAPITAL
OF EDUCATIONAL COMMUNITIES
IN THE UNIVERSITY**

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051
«Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе
в условиях социальной неопределенности»*

В данной статье представлены и описаны теоретико-методологические основы управления человеческим капиталом образовательной общности в вузе. Изложены результаты теоретического исследования, связанного с характеристиками понятий человеческого капитала, вузовских образовательных общностей, управления процессом создания их человеческого капитала.

This article presents and describes the theoretical and methodological foundations of human capital management in the educational community in the university. The results of theoretical research within the framework of this topic are expressed in the characteristics of such concepts as human capital, university educational communities, management of process creation of their human capital.

Ключевые слова: ВУЗ, высшее образование, человеческий капитал, управление человеческим капиталом, социальная общность, образовательные общности.

Key words: university, higher education, human capital, human capital management, social community, educational communities.

Тема грамотного управления человеческим капиталом день ото дня становится все более актуальной. Особенно это касается высших учебных заведений, по отношению к которым предъявляются растущие требования по подготовке грамотных специалистов, успешно адаптирующихся к качественному профессиональному труду и активной жизни в обществе. Роль образовательных учреждений по «вращиванию умов» и управлению накопленным человеческим капиталом неопределимо велика. Именно правильно выстроенная система управления человеческим капиталом образовательных общностей ведет к развитию как вузовской, так и в целом социальной и духовной среды.

В наши дни одним из важнейших компонентов развития общества являются знания. Доля знаний, выработанных за последние полвека, составляет примерно 85% от всемирного объема имеющихся знаний на сегодняшний день. Еще в 1962 г. американский ученый Ф. Махлуп писал: «Производство знаний – процесс, посредством которого кто-то узнает что-либо ему до того

неизвестное, даже если это уже известно другим» [6, с. 35]. Направленность экономики и сферы производства заставляет ученых обращать активное внимание на феномен человеческого капитала, основным компонентом которого является знание.

Человеческий капитал высшего учебного заведения строится на базе человеческих капиталов работающих и обучающихся в нем индивидов. Их мотивация на процесс получения и овладения знаниями, обучение и воспитание, образование и опыт влияют на процесс накопления человеческого капитала. Это означает необходимость стремиться к повышению уровня образованности и педагогов, и студентов как основных образовательных сообществ вуза.

Между тем в нашей стране развитию человеческого капитала, управлению им (не только в вузе) уделяется недостаточное внимание. Одна из причин этого заложена в том, что зачастую формирование и развитие человеческого капитала не рассматривается как основа общественного прогресса, на него попросту не ориентируются. Если и уделяется внимание политическому и социально-экономическому развитию, то вне связи с обогащением человеческого капитала.

Такой подход является ограниченным. По нашему мнению, следует рассматривать человеческий капитал как феномен, который должен быть органично присущ позитивному развитию как экономики, так и науки, образования и культуры. Отсюда и необходимость внедрения в практику производства управления развитием человеческого капитала, а в науку – исследования этого процесса. Это особенно важно для нашей страны, поскольку ранее в ней теория человеческого капитала подвергалась жесткой критике.

Еще одна проблема, требующая своего решения, вызвана к жизни несовершенством практического опыта по оценке и развитию человеческого капитала как общественного ресурса в нашей стране. Следовательно, актуальность проблемы формирования человеческого капитала обусловлена объективными потребностями существующего этапа общемирового социально-экономического развития, спецификой современной ситуации в России.

Как показывает анализ литературы, человеческий капитал рассматривается сегодня как один из важных феноменов развития общества. Он определяется как «интенсивный производительный фактор развития экономики и общества, включающий трудовые ресурсы, знания, инструменты интеллектуального и организационного труда, среду обитания и интеллектуальной работы, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование человеческого капитала как производительного фактора развития» [4].

Управление человеческим капиталом – это воздействие на процессы его жизненного цикла, осуществляемое в соответствии со стратегией конкретной организации в целях повышения ее конкурентоспособности в инновационной экономике [5]. Аналогичный подход может быть применен к трактовке управления человеческим капиталом в вузе. Изменение касается лишь целеполагания: речь должна идти о конкурентоспособности образовательной организации, причем в первую очередь в системе высшего образования.

Основные задачи управления человеческим капиталом заключаются в обеспечении роста его ценности, непрерывности воспроизводства, усиления взаимодействия между различными его элементами, а также эффективности инвестиций в человеческие активы. Основой человеческого капитала в ВУЗе являются его основные носители (субъекты) – образовательные сообщества. Для того чтобы понять их специфику, следует обратиться к понятию социальной общности, которое является базовым для рассмотрения образовательных сообществ.

Ф. Теннис пишет, что социальные связи между людьми в общности основаны на симпатии и бессознательном доверии, на взаимном знакомстве и знании друг друга, для них характерны близость, открытость, искренность и глубина чувств, взаимопомощь, взаимовыручка и т.п. Общественная соци-

альная связь, согласно позиции немецкого социолога, основана на взаимном недоверии. В этом смысле она противоположна общностной. Общество – это социальная связь между чужими, незнакомыми людьми, не знающими друг друга и часто не желающими к этому стремиться. Тённис полагает, что общественная связь основана на договоре (контракте), а смысл его в одном: даю, чтобы и ты мне дал.

Таким образом, общность, или общностные социальные связи следует понимать в первую очередь как тесную сплоченность, солидарность, спаянность в единство на естественной эмоционально-волевой основе, которая отсутствует в обществе, где рациональный договор искусственно кладет конец состоянию «войны всех против всех». Общность является носителем качеств, которые высоко оценивались во все времена как обыденным сознанием, так и многими моральными системами. К таким качествам относятся прежде всего человеческая близость, доверие, глубина чувств, бескорыстие, верность, готовность прийти на помощь и т.п. Общностная совместная жизнь, примером которой является общность матери и ребенка, не может быть сознательно организована, преднамеренно сконструирована. Общность – это единство, складывающееся естественно-исторически. Общностным социальным связям чужд эгоистический расчет пользы или выгоды; члены общности чувствуют себя в безопасности, защищенными, но в то же время нравственно обязанными и ответственными перед отдельными членами общности и всей общностью в целом. Конфликты и временные разногласия, как правило, не в состоянии разрушить эмоционально-волевого единства и солидарности между членами общности [1, с. 63; 7, гл. 1].

Один из авторов данной статьи рассматривает социальные общности как конкретную реальность, в которой живут люди. «Социальные общности чаще всего рассматриваются как проявления совместной жизнедеятельности людей, формы человеческого общежития» [2, с. 7]. Они возникают тогда, когда есть единый быт, идеи, ценности, культура, интересы, совместное дело.

Разнообразные социальные общности возникают в результате взаимодействия людей, в процессе которого между людьми образуются новые связи и отношения, создающие коллективное единство между ранее независимыми индивидами. Они обладают общими условиями существования и налаживают регулярное взаимодействие друг с другом. Именно термином «социальная общность» обозначают все устойчивые формы совместной жизни [3, с. 9].

Существует целый ряд базовых позиций, которые можно рассматривать как критерии общностнообразующих признаков, возникающих на разной предметной основе. В качестве таких оснований можно выделить следующие критерии:

- 1) характер общественного производства;
- 2) этническая принадлежность;
- 3) естественные социально-демографические факторы (пол, возраст, принадлежность к определенному социальному слою);
- 4) культурные особенности (различные культурные общности);
- 5) политические структуры.

Перечень таких оснований может быть продолжен, но в контексте данной статьи в этом нет необходимости.

«Социальная общность оказывается своеобразным соединительным механизмом, реальным связующим звеном между личностью и обществом» [2, с. 6]. Благодаря близости взглядов, положения, веры и других факторов люди образуют целостную систему и действуют сообща на определенный результат. Определенные характеристики, не свойственные отдельным индивидам, могут проявляться только в социальной общности (к примеру, формирование собственной культуры). Из данного утверждения можем сделать вывод, что социальная общность обладает некими формирующими свойствами влияния на личность. Именно в социальной общности может раскрыть-

ся потенциал индивида, его человеческий капитал. Вместе с тем индивид может видоизменять социальную общность в своих интересах, точнее говоря, участвовать в этом процессе вместе с другими ее членами. «Это вовсе не означает, что люди за социальными общностями, в которые они включены, не видят ничего другого» [2, с. 6]. Они живут и взаимодействуют с другими социальными общностями, которые они не считают «своими».

Что касается количества социальных общностей, к которым может принадлежать индивид, то их может быть достаточно много. Уровень его «социальности», включенности в систему общественных отношений во многом зависит от тех социальных общностей, в рамках которых он реализует свой человеческий капитал. Каждый вид деятельности может закреплять за человеком место в определенной социальной общности. Это тем более важно отметить, что человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», т.е. определенной социальной общности. Лучший способ это сделать – стремиться реализовать в ней какую-то часть своего человеческого капитала. Это будет означать своеобразный вклад личности в существование и развитие данной социальной общности.

Наряду с качествами, присущими исключительно индивиду, мы можем назвать качества, «принадлежащие» только социальной общности. Это:

- спонтанность и стихийность возникновения (характерно для событийной общности);
- «...выявление взаимосвязей, взаимодействий, отношений между элементами...» [3, с. 205], образующими общность;
- неформальный характер связей и отношений, их эмоциональная окрашенность;
- первичность группы, непосредственное взаимодействие ее участников;
- духовная близость, «чувство общности», эмоционально-психологическая «включенность» в него каждого члена социальной общности;
- первоначальное отсутствие структуры, если же она появляется, то самостоятельно в процессе существования общности;
- проявление и существование в открытом межпозиционном взаимодействии;
- диффузность и смешанность микрогрупп внутри общности;
- размытость границ в связи с изменчивостью общности, свободой входа и выхода, отсутствием постоянства состава.

В целом же социальная общность может быть охарактеризована как взаимосвязь людей, характеризующаяся наличием необходимых ресурсов для осуществления своей деятельности и являющаяся самостоятельным субъектом социального действия. Эта взаимосвязь характеризуется также относительным единством, сходством целей, задач и интересов [3, с. 271].

Перейдем к понятию образовательной общности. Один из авторов данной статьи понимает под ней взаимосвязь (совокупность) людей, которая характеризуется доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

В социальном пространстве системы образования образовательные общности выполняют функцию его ядра, занимая основные социальные позиции, которые позволяют в процессе взаимодействия формировать человеческий (интеллектуальный, культурный, нравственный) капитал как «людей образования», так и многих других социальных общностей. От успешности функционирования этих взаимодействующих общностей во многом зависит эффективность деятельности всей системы образования и не только ее [3, с. 280–290].

Помимо названных выше признаков образовательной общности можно выделить еще некоторые дополнительные:

- «плодом» деятельности является новое знание, процесс познания;
- подразумевает наличие ролей и образцов поведения (студент, преподаватель и т.д.);
- предполагает наличие единой идеологии (образование, равенство и т.д.);
- несет в себе некий процесс образовательной деятельности (учебной, научной, воспитательной).

В контексте сказанного выше имеет смысл оперировать понятием «общностное знание». «Его наличие означает существование определенного объема информации, принадлежащей взаимодействующим индивидам» [3, с. 282]. Таким образом, образовательная общность выступает носителем знаний. Она является источником развития познавательной деятельности и субъектом образования.

Можно выделить и иные категории социальных общностей, которые в той или иной мере соприкасаются с образовательными практиками: общности работающих людей, получающих в то же время образование по заочной, вечерней либо дистанционной форме обучения, родители, дети которых обучаются, работники систем управления в образовательных учреждениях. «От их деятельности во многом зависит содержание и направленность всего образовательного процесса в обществе» [3, с. 281].

При изучении образовательных общностей следует уделить внимание принципу парности в анализе функционирования социальных общностей. Парность – это наличие общностей, которые не могут существовать друг без друга, рассматриваются в единстве. Ярким примером парности являются общности преподавателей и учащихся. Эти общности неразрывно связаны между собой в процессе образовательной деятельности.

Система связей и отношений внутри образовательной общности выстраивается в коллективной познавательной активности через общий интерес, коллективное целеполагание, планирование и анализ. В процессе совместной деятельности члены общности испытывают совместные переживания эмоциональных драматических моментов (незачет, неудовлетворительная оценка) или общей радости (сдача сессии). В общности проявляются групповые ценности и смыслы, индивидуальные и коллективные действия, общение как совместная деятельность.

Исходя из вышесказанного, можно выделить в качестве примера уникальные черты студенчества – одной из образовательных общностей. Среди них: присутствие познавательной деятельности во всех процессах; быстрая адаптация к восприятию большого количества новой информации; перспективная деятельность, нацеленность на будущее и результат; готовность брать на себя инициативу, быстрое принятие решений.

В заключительной части статьи путем синтеза всех вышеизложенных понятий сформулируем понятие человеческого капитала образовательных общностей в ВУЗе. Человеческий капитал образовательных общностей в ВУЗе – это запас навыков, знаний, способностей, умений, компетенций, накопленный и реализованный в многочисленных совместных образовательных практиках совокупностью людей, взаимодействующих в рамках образовательной организации высшей школы. Основными характеристиками образовательных общностей являются устойчивость существования, наличие схожих целей и доминанта образовательной деятельности, наличие человеческого капитала для дальнейшего целесообразного использования его в процессе общественного производства.

Исходя из результатов теоретического анализа, выделим наиболее важные проблемы изучения человеческого капитала образовательных общностей в ВУЗе. Первая проблема связана с наличием различных подходов к человеческому капиталу. Из-за наличия нескольких подходов, изучающих

феномен на микро- и макроуровнях отсутствует единая трактовка понятия «человеческий капитал», что затрудняет его исследование.

Вторая проблема связана с методологией и методикой реализации эмпирических исследований, направленных на измерение показателей человеческого капитала анализируемых общностей. Для оценки человеческого капитала предлагаем в качестве основных ресурсов рассматривать: образовательные (знания, умения, навыки, компетенции, выраженные в образовании и практическом опыте); профессиональные ресурсы (профессиональные навыки и реальный опыт работы); социальные ресурсы, характеризующие социальное здоровье (социальная активность, досуг, культурный капитал); физические ресурсы, характеризующие биологическое здоровье (физический капитал). Также важны личностные ресурсы, характеризующие психологическое здоровье (удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и т.д.).

Третья проблема сопряжена с определением четких границ, отделяющих образовательные общности от других общностей и друг от друга и связанных с их многообразными видами деятельности.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что развитие современного мира тесно связано с формированием и развитием человеческого капитала. В период обучения в ВУЗе человеческий капитал формируется особенно активно, так как образование является одним из важнейших аспектов этой деятельности. ВУЗ помогает студентам овладеть компетенциями, с помощью которых они смогут приумножить свой капитал. Сегодня ВУЗ выполняет не только образовательную функцию, позволяющую развить знаниевый аспект человеческого капитала, но и играет роль базы социокультурной практики обучающегося, позволяющей сформировать человеческие и профессиональные качества современного специалиста. Современная система высшего образования ориентирована на подготовку высококвалифицированных, мобильных специалистов, готовых к постоянному самообразованию и повышению квалификации, что ярко демонстрирует активное использование концепции образования на протяжении всей жизни.

Литература

1. Горохов, В.Ф. О соотношении категорий «социальная общность» и «социальная группа» [Текст] / В.Ф. Горохов, Н.Н. Васнева // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. - 2014. - № 4 (132). - С. 12-21.
2. Зборовский, Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности [Текст] / Г.Е. Зборовский // Социологические исследования. - 2010. - № 4. - С. 3-12.
3. Зборовский, Г.Е. Теория социальной общности [Текст] / Г.Е. Зборовский. - Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. - 300 с.
4. Корчагин, Ю.А. Человеческий капитал, сущность, развитие, роль в экономике [Электронный ресурс] / Ю.А. Корчагин. - Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=16> (дата обращения: 21.10.2016).
5. Краковская, И.Н. Человеческий капитал организации как фактор ее инновационного развития: управление по стадиям жизненного цикла [Электронный ресурс] / И.Н. Краковская // Креативная экономика. - 2011. - № 1. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-organizatsii-kak-faktor-ee-innovatsionnogo-razvitiya-upravlenie-po-stadiyam-zhiznennogo-tsikla> (дата обращения: 05.11.16).
6. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США [Текст] / Ф. Махлуп. - М. : Прогресс, 1966. - 462 с.
7. Тённис, Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии [Текст] / Ф. Тённис. - СПб. : Владимир Даль, 2002. - 386 с.

УДК 378.4
ББК 60.55

Е.А. ШУКЛИНА

E.A. SHUKLINA

СЕТЕВОЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

NETWORK UNIVERSITY AS A FACTOR OF REGION DEVELOPMENT

*Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего
образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности»)*

Одним из приоритетных путей развития высшего образования является расширение его сетевых связей со стейкхолдерами. Это предполагает постепенную, но кардинальную смену модели управления не только высшей школой, но и всей системой взаимодействия «вузы – бизнес – академическая наука – органы власти». На материалах региональных исследований, проведенных в одном из крупнейших и наиболее развитых округов России – Уральском федеральном округе – мы показываем как изменение системы управления высшим образованием на базе внедрения концепции сетевого университета может стать фактором развития региона в целом.

One of the top ways of higher education development is expansion of its network relations with stakeholders. This implies a gradual but radical change of management model not only of higher education but also of the whole system of interaction «universities – business – science – authorities». On the materials of regional studies carried out in one of the largest and most developed districts of Russia – Ural Federal district – the author shows how change in the system of higher education management on the basis of introducing the concept of network University can become a factor of region development in whole.

Ключевые слова: высшее образование, сетевой университет, региональное развитие.

Key words: higher education, network University, region development.

Актуальность проблемы

Последние десятилетия высшее образование в России прошло через череду реформ, связанных с изменением его общей стратегии и конкретных механизмов развития. Целью реформирования стал переход высшего образования на новый современный уровень, повышение его конкурентоспособности, востребованности на мировом рынке образовательных услуг, достижение признания в международном научном сообществе. Вместе с тем институциональные трансформации высшего образования привели к противоречиям, связанным с реализацией данной стратегии. Прежде всего, это противоречия между потребностями регионов и новыми целями развития вузов, находящихся на их территории. Данный разрыв имеет тенденцию к углублению.

Появление этой тенденции исторически обусловлено. История становления высшего образования в России предопределила его институциональную дистанцированность, определенную разобщенность с институтами академической науки и работодателей. Командно-административная система управления образованием в советский период не способствовала установлению тесных и органичных межинституциональных связей. В настоящее время ситуация усложнилась целым рядом обстоятельств, связанных с противоречием между государственным управлением образованием (включая государственное финансирование) и ориентацией высшего образования на рыночные механизмы функционирования. В условиях медленной экономической

стагнации последних лет возникло ослабление взаимодействия высшей школы и рынка труда. Работодатели все меньше заинтересованы в долгосрочных связях и поддержке высшего образования [7].

Несмотря на то что высшее образование продолжает оставаться значимым фактором развития региона, серьезной региональной социальной политики, направленной на поддержку высшей школы и укрепление ее связей с региональным бизнесом и территориальными субъектами, нет. Более того, федеральная образовательная политика поддержки международной конкурентоспособности вузов, ориентированных на вхождение в программу «5-100», слияния вузов и сокращения филиалов в региональных центрах приводит к оттоку лучших абитуриентов в мегаполисы, постепенной демографической деградации территориальных образований, лишившихся филиалов и небольших вузов.

В этой связи становится актуальной задача укрепления «присутствия» вузов в регионах, их становления как образовательных структур, имеющих комплексные функции социально-экономического и социокультурного регионального развития. Важным направлением в реализации этих целей является развитие сетевых связей между вузами и появлением региональных/макрорегиональных сетевых университетов. Нужно понимать, что высшее образование не только полиструктурно и многослойно, но и имеет сетевой тип организации. Развитие сетевого взаимодействия между вузами обеспечивают наращивание социального капитала как отдельных вузов, так и всей системы высшей школы в целом. Оно ориентировано на обеспечение инновационного развития образовательных организаций за счет умножения их ресурсов путем эффективных обменов с партнерами.

Жесткая управленческая вертикаль в сфере образования не способствует саморазвитию сетевых взаимодействий, тогда как именно формирование горизонтальных связей между вузами повышает социальную и экономическую эффективность системы. Нормативное закрепление сетевых взаимодействий в законе об образовании – это только первый шаг в развитии в этом направлении [5].

Теоретическая рамка исследования

В основе представлений о сетевых связях лежит сетевая теория как реляционное направление теоретико-социологических подходов к рассмотрению социальной структуры [3]. В контексте анализа сетевых взаимодействий в сфере образования особую важность приобретает методология исследования социального капитала [2]. Сети являются источником социального капитала как ресурса взаимодействующих акторов (индивидов, социальных групп, общностей, организаций). Воспроизводство сети зависит от того, насколько включенные в нее социальные субъекты смогут распорядиться данными ресурсами (информационными, коммуникативными, материальными, социокультурными и пр.).

Особенности сетевых взаимодействий определяются комплексом факторов: их частотой и динамикой; правилами и способами их воспроизводства; спецификой включенных в них социальных субъектов (макро/микроуровней); характером сетевого пространства, представленного совокупностью социальных отношений, социальных позиций, ролей и нормативных рамок их регламентирующих; особенностями ресурсных потоков (типом, размером, интенсивностью и пр.).

Применительно к высшему образованию речь идет о взаимодействии между субъектами разного уровня: индивидуальными субъектами внутри преподавательского и студенческого сообществ (одного и разных вузов, российских и зарубежных); коллективными субъектами – между вузами, вузами и публичной властью, бизнесом, общественными организациями, организациями культуры, академическими структурами. Важны и внутрисистемные сетевые взаимодействия между вузами и общим средним, средним профес-

сиональным, дополнительным образованием. Причем взаимодействие здесь также формируется на индивидуальном, групповом, организационном уровнях.

Исходя из общих представлений о феномене сети, можно сказать, что основными принципами сетевых форм взаимодействия выступают инициативность и добровольность участия широкого круга социальных акторов (индивидов, общностей и групп, организаций); их потребность во взаимовыгодных обменах, выраженная в системе долгосрочных и краткосрочных целей; гибкость, вариативность и многослойность сетевых структур, ориентированных на реализацию этих целей.

В образовательном пространстве возникают сети централизованные (с доминантным социальным субъектом) и децентрализованные, но как те, так и другие имеют выраженные преимущества перед иерархическими структурами, заключающиеся в гибкости, подвижности, адаптивности социальным реалиям. И те, и другие формируются на региональном/макрорегиональном уровне и имеют перспективы развития.

Один из основателей сетевого подхода М. Грановеттер под сетью понимал «совокупность устойчивых контактов или сходных с ними социальных отношений между индивидами или группами» [8, с. 30], при этом делая акцент на значимости для сетевого взаимодействия «слабых связей» [6]. Смещение акцента с сетевых узлов на слабые связи подчеркивает специфику сетевой формы организации этого вида взаимодействия. Особое значение «слабые связи» обретают в обеспечении интеграции субъектов образовательной деятельности в социальную среду. При этом критерии «сетевизации» и формы сетевых связей социальных субъектов многообразны. Чаще всего «слабые связи» – это неформальные связи. Они вполне успешно складываются на региональном уровне, актуализируются и формализуются при необходимости для формирования ресурсных потоков.

Ресурсные потоки как часть сетевого пространства определяются системой норм и представляют собой обмены ресурсами разного типа. Обмены образовательными ресурсами законом об образовании определены как сетевая форма реализации образовательных программ [5]. Особой разновидностью образовательных ресурсных потоков является академическая мобильность студентов и преподавателей. Научно-исследовательские потоки – это обмены научно-исследовательской деятельностью и ее результатами, инновациями, технологиями и условиями для их создания и разработки. Информационные потоки могут представлять собой обмены на уровне сетевых межвузовских библиотек, обмены методическими и информационными материалами. Событийные потоки – это обмены событиями, мероприятиями в межвузовской сети. Наиболее перспективным типом регионального сетевого взаимодействия является ориентация сетевых субъектов на использование распределенных (по территории, отраслевым кластерам, организациям, социальным общностям и пр.) ресурсов.

Одним из значимых факторов «сетевизации» образовательной среды является развитие культуры сетевого взаимодействия, ее ценностей, стандартов поведения, формальных и неформальных норм и правил коммуникации сетевых партнеров. Этот тип культуры в образовательной сфере и прежде всего в области образовательного менеджмента в настоящее время в России находится на стадии становления, что является одним из барьеров развития сетевых связей на уровне регионов.

Методологические подходы к исследованию

Формирование сетевых связей – это процесс постоянного развития и поиска эффективных форм взаимодействия социальных субъектов на принципах автономности и независимости интересов. Для организации системы эффективного взаимодействия необходимо учитывать уровень развития демократических принципов организации образовательной среды; степень ее от-

крытости, готовность к сетевым преобразованиям. Важна постоянная трансформация институциональной среды, т.е. совокупности юридических правил, социокультурных норм, образующих базис для развития сетевых связей.

Поэтому, с нашей точки зрения, сочетание сетевого и институционального подходов применительно к сфере образования является необходимым. Образование – формализованный социальный институт. Сетевизация образования, с одной стороны, связана с институциональными изменениями, зависит от них, с другой – обеспечивает выход за пределы институциональных норм и стандартов, тем самым стимулирует их постоянное развитие.

Процесс сетевизации высшего образования связан с его институциональными функциями. Выделим три базовых институциональных элемента сетевизации, которые определяют смысл и основные задачи управления сетевыми ресурсными потоками.

1. Образование.

Базовая функция сетевизации – развитие социального и человеческого капитала образовательных общностей. *Ядром сетевой формы организации образования являются индивидуальная стратегия обучения студента и индивидуальная стратегия профессиональной деятельности педагога/научного работника высшей школы.* Индивидуальная стратегия – это институциональный феномен. Интегрируя нормативные и организационные условия, он формирует направление ресурсных потоков, обеспечивающих индивидуализацию развития образовательных общностей.

Индивидуальные стратегии как сетевая форма организации влияют на развитие как внутриинституциональных (между общностями студентов и преподавателей), так и межинституциональных взаимодействий: «вуз – вуз», «вуз – академическая наука», «вуз – бизнес». Эта сетевая форма образования и профессиональной деятельности обеспечивает развитие горизонтальных связей между институциональными субъектами, что возможно только при адекватном нормативном обеспечении, ответственном за эффективность их регулирования.

2. Инновации и технологии.

Вторая функция сетевизации заключается в решении конкретных проблем развития сектора науки и инноваций в сфере высоких технологий на федеральном и региональном уровнях. *Ядром этой сетевой формы организации выступает траектория реализации инновационного проекта.* Он может быть реализован в рамках инновационной стратегии развития вуза, на уровне региона или федеральных стратегических программ. Чаще его траектория проходит на стыке разных институциональных структур. Обеспечить эффективность такой траектории, а значит, и развитие инноваций в сфере науки и технологий – стратегическая и тактическая задача управления сетевыми объектами (консорциумом вузов, инновационным кластером и пр.).

3. Социокультурное проектирование. Третьей функцией сетевизации, которая полностью соотносится с так называемой третьей функцией высшего образования, является социокультурное развитие территорий и отдельных социумов. Здесь речь идет о наращивании человеческого капитала посредством разных институциональных структур: от глобальных международных до региональных и локальных. *Ядром сетевой формы организации выступает траектория реализации социального проекта.* Он может быть ориентирован на социальный заказ разного уровня: соотноситься с социальной политикой вуза, муниципалитета или региона, работать на решение глобальных проблем.

В любом случае социальная функция вуза как сетевой структуры – это сочетание локального и глобального. Реализация социального проекта через сетевые ресурсные потоки возможна при эффективном межинституциональном взаимодействии высшего образования с публичной властью, бизнесом разного типа и разной локализации, институтом культуры, общественными организациями и движениями. Для сетевых структур образования это функция

может быть как явной (активно реализуемой на практике в виде конкретных проектов), так и латентной. Так, сам факт дислокации сетевой структуры (как проекта) в каком-либо территориальном образовании меняет его социокультурную среду, позволяя решать проблемы развития человеческого капитала.

Сетевые структуры в образовании различны, они представлены сетевыми образовательными программами, научно-исследовательскими и социальными проектами и деятельностью, образовательными организациями, связями (консорциумами) образовательных организаций, связями образовательных и иных организаций. Каждая из сетевых структур может выполнять одну или несколько рассмотренных выше функций. Комплексно рассмотренные функции сетевизации реализуют сетевые университеты.

Сетевой университет: подходы к типологизации

Подходы к определению понятия сетевого университета многообразны. Так, с позиции уровня эволюции сетевизации выделяют четыре типа университета: распределенный (образовательно-научный комплекс с развитой инфраструктурой образовательных, научных, инновационных, производственных ресурсов), территориально распределенный (образовательно-научный комплекс, реализующий образовательные услуги через филиалы в различных регионах страны и за рубежом), виртуальный (образовательно-научный комплекс, предоставляющий услуги в формате электронного обучения и дистанционных образовательных программ) и электронный сетевой (это виртуальный университет, реализующий «инновационное стратегическое партнерство университета, научно-исследовательских, производственных, инновационных и предпринимательских предприятий и организаций», расположенных как в пределах, так и за пределами страны/региона) [4].

В силу того что в нормативных документах термин «распределенный университет» отсутствует, мы будем использовать понятие «сетевой университет», не дифференцируя его более тонкие видовые различия. Рассмотрим классификацию сетевых университетов по ряду критериев.

По типу организации образовательного пространства:

1. Сетевые университеты в международном образовательном пространстве. Одной из их специфических задач является укрепление стратегических альянсов с вузами-партнерами за рубежом.

К ним относятся сетевой университет БРИКС (объединение образовательных организаций высшего образования Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки); сетевой университет ШОС (функционирует как сеть уже существующих университетов в государствах-членах ШОС); сетевой университет СНГ (направлен на развитие академической мобильности студентов государств – участников СНГ по ряду магистерских образовательных программ); Евразийский сетевой университет (пилотный проект 2017 г.).

2. Сетевые университеты в российском образовательном пространстве (региональные/макрорегиональные/межрегиональные).

Эти университеты возникают в отдельных российских регионах или межрегиональном пространстве. К ним относятся территориально распределенные университеты, имеющие развитые сетевые структуры в виде научно-образовательных комплексов с филиалами и представительствами, производственными, научно исследовательскими и инновационными предприятиями, использующие технологии электронного и дистанционного обучения (например, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – 58 филиалов).

Их задачей является решение проблем регионального развития, в том числе и имеющих компенсаторный характер. Например, открытый сетевой университет Подмосковья, целью которого является организация доступного высшего образования для жителей Московской области; Башкирский сетевой университет, ориентированный на создание конкуренции федеральным университетам с целью сокращения оттока абитуриентов из региона и др.

По отраслевой принадлежности и характеру организации можно выделить:

1. Распределенные университеты отраслевого типа, имеющие развитые технологии электронного и дистанционного обучения. Примером такой сетевой организацией является Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, которым в рамках единого пространства сетевого университета создана многоуровневая система образования. Он имеет более 20 обособленных подразделений по всей стране, объединяет 14 вузов России в рамках Ассоциации «Консорциум опорных вузов Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»».

2. Отраслевые сетевые университеты, созданные на инициативных началах вузов. Они, как правило, межрегиональные и ориентированы на достижение синергетического эффекта от внутриотраслевых обменов. Так, сетевой педагогический университет объединяет на правах стратегического партнерства три педагогических вуза Поволжья и Урала (ПГГПУ, ЧелГПУ, БГПУ), сотрудничество которых выстроено по принципу дополнительности.

3. Отраслевые сетевые университеты, созданные органами власти для реализации их задач. Например, сетевой университет Ростехнадзора (возник по инициативе Ростехнадзора в сфере промышленной, ядерной и энергетической безопасности), электронный муниципальный сетевой университет (возник как структура для переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих).

Данные подходы к типологизации позволяют увидеть возможности развития сетевых университетов в регионе/макрорегионе. При этом нужно понимать, что процессы сетевизации зависят от конкретных запросов региона, уровня развития вузовской инфраструктуры, степени готовности основных субъектов к работе по созданию сетевых связей или даже самостоятельной структуры – сетевого университета.

Проанализируем некоторые из этих условий на примере прикладного междисциплинарного исследования.

Используемые методы

Исследование проблем высшего образования в Уральском федеральном округе проводилось научным коллективом Уральского федерального университета под руководством Г.Е. Зборовского в 2016–17 гг. Оно базировалось на комплексных методиках множественного кейс-стади, предполагавшего массовый опрос преподавателей и студентов региона, глубинные экспертные интервью. Был осуществлен документальный анализ кейсов-проблем, которыми выступили: 1) виды сетевых университетов; 2) виды сетевых связей между университетами; 3) виды сетевых связей вузов и бизнеса; 4) виды сетевых взаимодействий вузов и органов власти.

Полевые работы осуществлялись в два этапа. На первом этапе (май – октябрь 2016 г.) проводились экспертные опросы методом глубинного и полуструктуризованного интервью. Было опрошено 80 экспертов, представителей профессионального педагогического сообщества, активно включенных в процессы реформирования высшей школы, администрации вузов разного уровня (ректоры, проректоры, директора институтов, деканы, заведующие кафедрами и т.д.), бизнес-сообщества, напрямую связанных с образовательным и/или управленческим процессом в вузе. Для отбора экспертов была использована восьмиочная выборка (И. Штейнберг). Полученная информация сопоставлялась с данными статистики, вторичных исследований, разведывательного он-лайн опроса преподавателей (N=233 чел.). В рамках первого этапа было проведено семь фокус-групп с ключевыми информантами.

Второй этап (январь – март 2017 г.) исследования включал массовый опрос преподавателей и студентов макрорегиона Уральского федерального округа (в генеральную совокупность входил 51 вуз УрФО). В ходе исследования была реализована квотная выборка, она формировалась на основе стати-

стических данных об образовательных общностях регионов УрФО (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу; ЯНАО не был включен в выборку, поскольку в нем нет самостоятельных вузов). Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое). Здесь мы использовали открытую информацию, размещенную на сайтах вузов. Объем выборочной совокупности преподавателей составил 810 чел., объем выборочной совокупности студентов – 1860 чел. (были опрошены студенты 3-4-го курсов и магистранты).

Результаты прикладного исследования

В связи с рассмотренными методологическими подходами проанализируем ситуацию в Уральском федеральном округе (УрФО) относительно развития сетевых взаимодействий между вузами.

Макрорегион представлен 51 вузом. Среди них: 3 федеральных автономных, 29 федеральных бюджетных, 2 федеральных казенных, 1 опорный, 5 региональных, 1 муниципальный, 10 частных вузов. Общая численность студентов в УрФО порядка 310 тыс. По размеру вузы макрорегиона распределяются на очень крупные (более 20 тыс. студентов) – 3; крупные (от 10 до 20 тыс.) – 6, средние (от 3 до 10 тыс.) – 19, мелкие – (от 500 до 3 тыс.) – 13, микровузы (до 500) – 10.

Часть вузов (62,3%) нами была типологизирована по отраслевой принадлежности, направлениям, в рамках которых возможно формирование сетевых связей. К ним относятся вузы: педагогические (15,7%), управленческие (10,0%), экономические (8,4%), горные (5,9%), аграрные (6,0%), медицинские (4,9%), транспортные (4,7%), творческие (4,0%), спортивные (1,7%), военные, МЧС (1,0%) [3].

В УрФО существуют вузы, входящие в международные сетевые университеты, например, Уральский федеральный университет, который является членом сетевых университетов ШОС и БРИКС.

Есть региональные/макрорегиональные/межрегиональные сетевые вузы. Они, как правило, относятся к типу территориально распределенных университетов, имеют развитые сетевые структуры в виде территориально распределенных научно-образовательных комплексов, большая часть из них применяет дистанционные формы образования и начинает активно использовать технологии электронного обучения. К ним относятся федеральные университеты (Южно-Уральский государственный университет, Уральский федеральный университет, Тюменский государственный университет).

Вместе с тем на территории макрорегиона отсутствуют сетевые университеты, которые сформировались инициативно как объединение самостоятельных вузов, существующих на базе стратегического партнерства либо сетевых связей в виде консорциума (по примеру Сети федеральных университетов – «Клуба десяти», целью которого является формирование единого образовательного и интеллектуального пространства, поддержка национально-культурных особенностей каждой территории).

В ходе нашего исследования мы пытались ответить на вопрос: существуют ли возможности для объединения такого типа? Опрос экспертов показал, что внутрирегиональные сетевые связи между вузами являются крайне необходимыми для УрФО. Они будут способствовать не только созданию единого образовательного пространства, но и в процессе формирования межинституциональных взаимодействий с бизнесом, академической наукой, органами власти станут драйвером инновационного развития и социокультурных преобразований.

Основным ограничением для осуществления проектов такого типа являются дефицит финансовых возможностей самих вузов и бюджетных средств, необходимых для государственных программ по их реализации.

Эксперт (проректор, муж.) «В законе у нас сетевое взаимодействие прописано. Но дело в том, что это ничем не подкреплено. Кто платит? Сетевые взаимодействия в европейском образовательном пространстве уже отработаны десятилетиями. Осталось только перенести этот опыт к нам с маленьким условием: государство будет за все платить. Сетевые взаимодействия, определённо, надо развивать, но как это делать без финансирования?»

Эксперты утверждают, что для развития сетевых связей нужна не только финансовая, но и организационная помощь со стороны государственных структур.

Эксперт (ректор, муж.) «Стоит объявить грант на сетевое образование, и все станут его организовывать. Нужно применить программу типа Erasmus, но только для России».

Итак, инициатива, по мнению экспертов, должна исходить со стороны федеральных либо региональных властей, инициативы «снизу» могут появиться и развиваться только на этой основе.

Опросы преподавательского сообщества показали, что тип управления в сфере образования оценивается ими как авторитарно-бюрократический (76,8%), и, соответственно, возможности для формирования стратегических инициатив «снизу» на уровне вуза и социальных партнеров (9,9%) крайне ограничены. Именно поэтому, по их мнению, формирование межвузовских горизонтальных связей в макрорегионе проблематично.

Однако, если не в ближайшей (16,3%), то в отдаленной перспективе (75,9%) преподаватели рассчитывают на кардинальную смену типа управленческой политики. В этом случае возможно формирование межвузовских сетевых структур. При этом 22,5% преподавателей считают приоритетным сетевое сотрудничество с российскими вузами, 66,9% ориентированы на сотрудничество как с зарубежными, так и российскими партнерами в равной степени.

Оценка респондентами уровня готовности вузов региона и преподавательского сообщества к реализации сетевых образовательных программ представлена в таблице 1.

Таблица 1

Оценка преподавателями готовности вузов и преподавательского сообщества к реализации сетевых образовательных программ (среднее значение, где 1 - низкий уровень, 5 - высокий уровень)

<i>Критерии</i>	<i>Среднее значение</i>
Готовность вуза к разработке совместных образовательных программ с другими вузами УрФО	3,4
Личная готовность преподавателя к такой работе	3,4
Готовность ближайших коллег респондента к участию в разработке совместных образовательных программ с коллегами из других вузов УрФО	3,3
уровень развития в вузе совместных образовательных программ с вузами-партнерами УрФО	2,7
Уровень развития в вузе совместных образовательных программ с зарубежными вузами-партнерами	2,6

Табличные данные показывают, что преподаватели достаточно высоко оценивают готовность своего вуза, себя и коллег разрабатывать сетевые образовательные программы, которые обеспечат реализацию индивидуальной образовательной траектории студента.

66,7% преподавателей считают, что их вуз заинтересован в развитии внутри- и межрегиональной академической мобильности; 50,1% даже уве-

рены в том, что для этого у вуза есть резервы. Больше половины студентов вузов готовы принять участие в программах студенческого обмена внутри региона (51,4%), в России (54,9%), за рубежом (56,8%). Однако лишь 47,7% преподавателей думают, что в ближайшее время развитие академической мобильности будет перспективным направлением.

Проблемы виртуальной мобильности стоят еще более остро. Общая тенденция модернизации российского высшего образования связана с использованием разных моделей электронного обучения. Использование этих технологий на уровне макрорегиона, по мнению экспертов, может быть очень эффективным. Однако проблем модернизации такого рода много. Они связаны даже не столько с уровнем технического оснащения вузов и готовности преподавательского сообщества и студентов применять новые технологии обучения. Прежде всего, это проблемы доверия образованию этого типа и невысокой оценки его эффективности.

Преподаватели УрФО, использующие информационные технологии разного типа (табл. 2), считают наиболее эффективной из них электронное обучение (56,2%). Практику применения дистанционного обучения они оценивают порой крайне негативно и не считают ее перспективным направлением развития региональных и межрегиональных связей. Национальная платформа «Открытое образование» является новым и пока слабо оснащенным ресурсом, его используют лишь 10,0% преподавателей, только третья их часть считает его эффективным фактором развития высшего образования. По их мнению, этот ресурс, как и массовые он-лайн курсы, вряд ли окажут существенное влияние на развитие сетевых межвузовских связей в регионе.

Таблица 2

**Преподаватели вузов о характере использования
информационных технологий в образовании
(в % к числу ответивших)**

<i>Преподаватели об использовании ресурсов</i>	<i>Знают о них</i>	<i>Используют (% от тех, кто знает)</i>	<i>Считают эффективными</i>
Электронное обучение	52,5	80,0	56,2
Дистанционное образование	63,4	52,7	36,4
Национальная платформа «Открытое образование»	74,1	10,0	36,8
Массовые открытые онлайн- курсы	78,4	7,2	35,0
Итого	268,4	149,9	164,4

Анализ мнений преподавателей об основных факторах, ограничивающих процесс развития сетевых связей между вузами макрорегиона, показал, что это прежде всего проблемы нормативного обеспечения и дефицита материальных ресурсов вузов (табл. 3). Следующим блоком сдерживающих факторов выступают организационные и мотивационные элементы культуры сетевого взаимодействия. Преподавательское сообщество видит необходимость формирования нового типа управления сетевыми взаимодействиями в макрорегионе с использованием информационных технологий.

**Мнение преподавателей о факторах ограничения
развития сетевых связей между вузами в УрФО
(в % к числу ответивших)**

<i>По мнению преподавателей, развитие связей с вузами-партнерами в УрФО ограничено отсутствием</i>	%
Проработанной нормативной базы по формам оплаты труда и распределению нагрузки преподавателям, разработке сетевых учебных планов и пр.	47,8
Материальных возможностей вузов	44,5
Проработанной нормативной базы по обмену преподавателями и студентами, по реализации электронных форм обучения, открытого образования и др.	40,1
Наработанной практики применения	34,2
Организационных условий	28,0
Заинтересованности преподавателей	27,6
Заинтересованности администрации вузов, управленческой воли	23,3
Понимания перспектив в развитии вузов, связанных с этой формой образования	22,6
Заинтересованности студентов	15,6
Указаний (приказов, рекомендаций) от вышестоящих органов управления образованием	10,3
Ничем не ограничено	5,9
Другое	0,6
Итого	300,6

Выводы

Создание сетевого университета – типичное проявление нелинейных процессов в образовательной сфере. В качестве субъектов сетевого взаимодействия могут выступать организационные структуры разного типа, не связанные между собой иерархически. Сетевой университет призван обеспечивать их взаимодействие как внутри страны (на уровне регионов/макрорегионов), так и за ее пределами. В условиях диспропорций развития высшего образования в России появление региональных и межрегиональных сетевых университетов станет значимым фактором влияния высшего образования на решение с региональных проблем.

Ядром сетевой формы образования является индивидуальная стратегия обучающегося, это институциональный элемент, объединяющий вокруг себя организационные структуры, ресурсы, нормативность, ориентированную на обеспечение личностной и социальной эффективности данной стратегии. Сетевое образование включает как формальные, так неформальные элементы образовательной деятельности, апеллирует к широкому спектру ресурсов (материальных, организационных, учебных, научных, воспитательных), использует самые различные, в том числе наиболее актуальные и современные технологии образования.

В сетевом взаимодействии участвуют организации, относящиеся к различным сферам деятельности: науке, промышленному производству, сфере бизнеса, культуре, здравоохранению, физической культуре и спорту и т.д. При этом все они должны обладать ресурсами, необходимыми для осуществления образовательной деятельности. Создание сетевого университета в макрорегионе позволит, с одной стороны, оптимизировать региональную ресурсную базу, с другой – эффективно решать с помощью сетевой формы образования региональные проблемы.

Анализ уровня готовности организационных структур и образовательных общностей УрФО к межвузовским сетевым взаимодействиям показал, что сложившаяся в макрорегионе образовательная инфраструктура способ-

ствует формированию сетевых связей на отраслевом уровне межвузовского взаимодействия. Образовательные общности педагогов и студентов ориентированы на развитие сетевых связей. Вместе с тем существует ряд объективных препятствий для осуществления этих задач. К первому виду барьеров можно отнести традиционно сложившуюся иерархическую структуру управления высшим образованием и связанную с этим неготовность региональных властей ставить перед высшим образованием проблемы региона и участвовать в управлении их решением.

Второй вид ограничений связан с недостатком материальных ресурсов. Сетевой университет, сетевое взаимодействие как совместная деятельность образовательных организаций осуществляется за счет средств субсидий, получаемых образовательной организацией (в т.ч. выделяемых в рамках национальных проектов); собственных средств вузов (в т.ч. фондов); личных средств участников сетевого взаимодействия. В условиях ограничения финансирования высшего образования недостаток материальных ресурсов становится препятствием к развитию сетевых связей.

К третьему виду барьеров можно отнести проблемы культуры сетевого управления. Управление образованием сетевого типа предполагает изменения его конфигурации, характера и качества. Пока управленческий аппарат демонстрирует крайне невысокий уровень готовности работать в новых условиях, что порождает проблемы организационного, нормативного характера, конфликты взаимодействия с общностями педагогов и студентов.

Дальнейший анализ указанных проблем позволит региональным властям и образовательным организациям осуществлять более тесное сотрудничество в ходе решения проблем развития макрорегиона и высшего образования.

Литература

1. Каташинских, В.С. Дизайн макрорегиональных образовательных систем: проблемы типологии [Текст] / В.С. Каташинских // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – Т. 21. – № 1. – С. 126-137.
2. Коулман, Д.С. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Д.С. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.
3. Мальцева, Д.В. О современных сетевых теориях в социологии [Текст] / Д.В. Мальцева, Н.В. Романовский // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 28-37.
4. Механизмы сетевого управления распределенным университетом [Текст] / Я.А. Бутенко [и др.]. – М. : Русайнс, 2014. – 210 с.
5. Об образовании в Российской Федерации : ст. 15. Сетевая форма реализации образовательных программ [Электронный ресурс] : Федеральный закон N 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 03.07.2016). – Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 15.06.2017).
6. Ритцер, Дж. Современные социологические теории [Текст] / Дж. Ритцер. – СПб. : Питер, 2001. – 343 с.
7. Шуклина, Е.А. Высшее профессиональное образование и институт работодателей: проблемы эффективности межинституциональных взаимодействий [Текст] / Е.А. Шуклина, М.В. Певная // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – № 1 (159). – С. 155-163.
8. Granovetter, M. The Sociology of Economic Life [Text] / M. Granovetter, R. Swedberg. – Boulder : Westview Press, 2001. – 129 p.

В.С. КАТАШИНСКИХ

V.S. KATASHINSKIKH

СПЕЦИФИКА ТИПОЛОГИИ ВУЗОВ
В ИНДУСТРИАЛЬНОМ МАКРОРЕГИОНЕSPECIFICITY OF THE TYPOLOGY OF UNIVERSITIES
OF THE INDUSTRIAL MACRO-REGION

*Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели
российского высшего образования в регионе в условиях экономической
и социальной неопределенности».*

В данной статье описаны основные проблемы и противоречия высшего образования индустриального макрорегиона. Изложены результаты исследований количественных характеристик вузов Уральского федерального округа (УрФО). Представлена типология вузов индустриального макрорегиона. Автором выделены четыре группы вузов, каждая из которых обладает своими особенностями.

This article describes the main problems and contradictions in the higher education of the industrial macro-region. The results of research on the quantitative characteristics of Ural Federal District universities are presented. Typology of the universities of the industrial macro-region is also presented in this article. The author singled out four groups of universities, each of which has its own characteristics.

Ключевые слова: макрорегион; типология; вуз; высшее образование; модель высшего образования; инженерно-техническое высшее образование.

Key words: macro-region; typology; university; higher education; model of the higher education; engineering and technical higher education.

Введение

Каждый макрорегион (федеральный округ) в Российской Федерации обладает своими особенностями: географическими, культурными, историческими, экономическими. Федеральные округа дифференцированы также и по количеству входящих в них регионов, численности населения, площади. Каждый макрорегион может характеризоваться определенной направленностью своего функционирования и развития. Это касается и Уральского федерального округа - макрорегиона, который по праву считается индустриальным.

Уральский федеральный округ (далее УрФО) занимает 10,6% территории России, на его долю приходится 8,4% населения страны. Он занимает одно из ведущих мест в экономике России. По данным за 2015 год, в нем производится около 14% валового регионального продукта (ВРП) Российской Федерации, почти пятая часть общероссийского объема продукции промышленности и около 7% продукции сельского хозяйства [1]. УрФО - самый индустриальный округ в стране: доля промышленности в ВРП составляет около 50% [10].

УрФО характеризуется высоким уровнем связей между регионами, входящими в его состав. Каждый из них имеет свою специфику. «Здесь есть чисто индустриальный регион - Челябинская область, Свердловская - уже торгово-индустриальная, Курганская - аграрно-индустриальная, ХМАО, ЯНАО, Тюменская область - сырьевые» [9]. Однако промышленное производство все же является преобладающим. Поэтому столь актуальными становятся вопросы качества инженерно-технического высшего образования: «Проблемы подготовки специалистов в области техники и технологий и состояния отечественного инженерного дела остаются в фокусе острых дис-

куссий со стороны специалистов» [2, с. 29]. Актуальность этого вопроса для УрФО, как индустриального макрорегиона, отчетливо отражена и в Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года. Главные перспективы развития экономики Уральского федерального округа связаны с двумя мегакластерами: на севере (Западная Сибирь) – топливно-энергетический комплекс, обеспеченный ресурсной базой мирового значения, уникальной системой трубопроводного транспорта и обеспечивающий до 50 процентов экспорта Российской Федерации, развитие электроэнергетики, нефтегазопереработки и нефтегазохимии; на юге (промышленный Урал) – базовый для страны центр обрабатывающей промышленности, прежде всего машиностроения и металлургии, ядро оборонно-промышленного комплекса, в том числе ведущие предприятия, развивающие самые современные технологии (ядерные, ракетостроения и др.), комплекс научно-исследовательских и образовательных центров [7].

Ориентация на рост технологий, наукоемких производств требует от института высшего образования, в частности от конкретных вузов, создания и развития соответствующих направлений подготовки, обучения студентов по данным программам, повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Все это невозможно без активного сотрудничества вуза и работодателя, вуза и бизнеса, вуза и власти. Именно в рамках такого сотрудничества возможен обмен опытом, расширение ресурсной и материально-технической базы вузов для подготовки будущих специалистов. В этой связи уральские ученые утверждают, что «количественная и качественная потребность в инженерных кадрах в ближайшее время будет только увеличиваться, так как перед УрФО стоят задачи инновационных стратегий развития. Однако спрос на инженерные кадры сегодня превышает предложение» [2, с. 30]. Здесь актуализируются вопросы, связанные с возможностями и ограничениями каждого конкретного вуза, ведь в современных условиях мы констатируем, что вузы УрФО значительно дифференцированы по материально-технической базе, кадровому составу, интеллектуальному потенциалу студентов. А для эффективного функционирования вуза в макро-региональном пространстве необходимо четко понимать специфику его деятельности, особенности развития.

Выделить разные виды вузов по критериям, отвечающим задачам индустриального макрорегиона, позволит типология вузов. С ее помощью мы сможем выявить группы вузов, обладающих сходными характеристиками; обозначить проблемные зоны каждой такой группы; дать оценку состоянию деятельности вузов, ведущих подготовку по инженерно-техническим направлениям в УрФО.

Характеристике образовательного пространства макрорегионов посвящено не так много научных работ. Стоит отметить, что в Уральском федеральном округе определенные разработки имеются. Часть из них касается формальных показателей рынка высшего образования в УрФО [4]. Так, подробно анализируются показатели финансирования высшего образования, кадрового состава, структуры студентов и выпускников, научного потенциала студентов и преподавателей и т.п. Вместе с тем в последние годы появляются научные работы, характеризующие высшее образование УрФО не только с количественной, но и с качественной стороны. Это исследования, связанные с оценкой качества высшего образования, его проблем, противоречий, перспектив, основных тенденций развития [6], возможных вариантов сетевых взаимодействий между вузами и основными стейкхолдерами высшего образования [3]. Также опубликован ряд научных работ по проблемам подготовки и оценки результатов обучения инженерно-технических кадров [8], технической элиты [12], профессиональному самоопределению будущих инженеров, качеству образовательной среды, гендерным аспектам инженерного образования [2].

Методология и методика исследования

Методологической основой нашего исследования являются теории системного, сетевого, типологического, нелинейного анализа. Теоретическим основанием исследования выступает концепция нелинейного развития высшего образования [13]. Она включает ряд условий, которые так или иначе должны быть реализованы в процессе перехода к его нелинейной модели. Среди них: наращивание инновационного потенциала образовательных общностей и вуза в целом; демократизация управления вузом; трансформация академической мобильности с внешней (зарубежной) на внутреннюю (макро-региональную) ориентацию; расширение взаимодействия вуза с его стейкхолдерами; развитие сетевых взаимодействий с другими вузами макрорегиона и стейкхолдерами высшего образования.

Эмпирическое исследование и полевые работы в его рамках осуществлялись научной группой Уральского федерального университета (включая автора статьи) под руководством Г.Е. Зборовского в два этапа. На первом этапе (май-октябрь 2016 г.) проводились экспертные опросы методом глубинного полуструктурированного интервью. Было опрошено 80 экспертов – представителей профессионального педагогического сообщества, активно включенных в процессы реформирования высшей школы, администрации вузов разного уровня (ректоры, проректоры, директора институтов, деканы, заведующие кафедрами и т.д.), бизнес-сообщества, напрямую связанных с образовательным и/или управленческим процессом в вузе. На втором этапе (январь – март 2017 г.) было проведено крупное и по-своему уникальное эмпирическое исследование высшего образования, впервые осуществленное в масштабах целого федерального округа. Оно включало массовый опрос преподавателей и студентов вузов УрФО. Объем выборочной совокупности преподавателей составил 810 чел., студентов – 1860 чел. (были опрошены студенты 3–4 курсов и магистранты).

Помимо экспертных интервью и анкетирования, был проведен контент-анализ данных 53 вузов Уральского макрорегиона, размещенных на их официальных сайтах. Именно его результаты и легли в основу этой статьи. Также были проанализированы данные официальной статистики [11], результаты Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Минобрнауки за 2017 год [4]. Типология вузов, ведущих подготовку по инженерно-техническим направлениям, была предложена на основании иерархического кластерного анализа.

Типологические характеристики вузов индустриального макрорегиона

Пространство высшего образования УрФО многогранно. В его рамках функционируют вузы всех существующих ныне типов: федеральные, автономные, бюджетные, казенные, региональные, муниципальные, частные; вузы всех статусов: федеральный, опорный, национальный исследовательский; вузы, разные по размеру, по отраслевой принадлежности. Однако количество вузов в УрФО с абсолютной точностью определить не представляется возможным. Официальные данные, размещенные в разных источниках, отличаются. Так, например, в информационно-аналитических материалах по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Минобрнауки за 2017 г. [4] указаны вузы, которые находятся в стадии реорганизации, а также действующие, но лишенные аккредитации. Вместе с тем не учтены образовательные организации федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка и не предоставивших сведения о своей деятельности в рамках мониторинга. Мы в своем исследовании учитываем реально действующие аккредитованные вузы, а также образовательные организации федеральных государственных органов, осуществляющих подго-

товку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, о которых имеются данные в открытых источниках. Таким образом, согласно нашим данным, в УрФО 53 действующих аккредитованных вуза, около 60 филиалов иногородних вузов. Общая численность студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры – 329 000 чел. Распределение приведенного контингента студентов УрФО по отраслям представлено в табл. 1 (**источник:** сост. автором по: [4]).

Таблица 1

Распределение приведенного контингента студентов УрФО по отраслям

<i>Отрасль знания</i>	<i>Доля приведенного контингента студентов в УрФО, %</i>
Науки об обществе	31,9
Инженерное дело, технологии, технические науки	31,8
Образование и педагогические науки	11,9
Здравоохранение и медицинские науки	7,2
Математические и естественные науки	5,1
Гуманитарные науки	4,9
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	4,2
Искусство и культура	3,0

Согласно данным таблицы 1, в УрФО самое большое количество студентов обучаются наукам об обществе, а также инженерному делу и техническим наукам – по трети приведенного контингента. Это распределение отражает отраслевую структуру УрФО, где традиционно преобладает промышленность, а также значимое место занимает сфера услуг (треть в структуре ВРП [11]).

Пространство высшего образования УрФО как индустриального макрорегиона характеризуется рядом проблем и противоречий. Они присущи всему российскому высшему образованию, но в рамках индустриального макрорегиона приобретают свои особенности. Эти проблемы можно условно разделить на несколько групп: кадровые, финансовые, вопросы взаимодействия вузов с их стейкхолдерами.

Среди кадровых проблем можно выделить, во-первых, старение кадров в высшем инженерно-техническом образовании. Возможности и ресурсы специалистов, получивших образование в советское время, часто недостаточны для работы с новыми технологиями. Особенно острой эта проблема является для инженерно-технических отраслей, ведь технологии – основа их деятельности. Далеко не все современные преподаватели, особенно старшего возраста, имеют возможности и желание для освоения новых технологий производства.

Вместе с тем на структуру современного профессорско-преподавательского состава повлияло развитие системы высшего образования за последние 30 лет. Массовое закрытие или упадок производств, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов привело к резкому снижению зарплаток, сокращению численности инженерно-технических кадров, снижению престижа инженерно-технических профессий на рубеже XX–XXI вв. В результате этого сейчас работодатели говорят об ограниченном количестве молодых инженерно-технических специалистов высокой квалификации.

Во-вторых, среди кадровых проблем инженерно-технической отрасли можно выделить «утечку мозгов». Как бы скептически в последние годы ни относились к этому явлению, но факт остается фактом: высокопрофессиональные специалисты, обладающие значительным интеллектуальным потенциалом, если не уезжают за границу, то переезжают в центральные регионы

России, где сосредоточено значительное количество наукоемких предприятий. С другой стороны, эксперты утверждают, что, например, *«УрГУ и УПИ – за свою жизнь выпустили более 300 тыс. выпускников. А они где работают? Они в основной массе здесь работали и работают. У нас, я уверен (хотя статистики нет), что по Свердловской области количество специалистов с дипломами вузов неуральского региона исчезающе маленькая величина»* (И.А., заместитель проректора). Поэтому готовить инженерные кадры уральские вузы должны в первую очередь для нужд своего макрорегиона.

К финансовым проблемам относятся, в первую очередь, устаревшая материально-техническая база, отсутствие современного оборудования в вузах. Это обусловлено низким уровнем финансирования большинства современных вузов России в целом и УрФО в частности. Однако, по мнению некоторых экспертов, ситуация может быть изменена благодаря созданию или возрождению предприятий, отвечающих запросам современного рынка: *«В силу ряда причин сейчас возрождаются предприятия, связанные с отраслевой наукой, прикладными исследованиями и разработками. Туда вкладываются государством деньги, и в силу этого те регионы, в которых есть такого рода «индустрия с деньгами», и будут активными игроками на рынке высшего образования»* (Б.Б., директор института).

Проблемы взаимодействия вузов с их стейкхолдерами в инженерно-технической области кроются в рамках сотрудничества вузов с наукой и с производством. К ним относятся, во-первых, проблемы, связанные с научной работой субъектов образовательного процесса. Ведь слабая научная активность преподавателей, низкий уровень вовлеченности студентов в научную работу сказывается как на общем кругозоре, так и на развитии конкретных областей знания, в которых студенты и преподаватели могли бы принимать посильное участие. Во-вторых, высшее инженерно-техническое образование оторвано от производства. Отчасти это вызвано несоответствием темпов развития технологий и темпов обучения, когда по окончании вуза выпускник уже не может применять на практике полученные знания и навыки, так как они устарели.

Эту проблему фиксируют не только работодатели, но и представители вузов: *«Поскольку наш регион, так или иначе, промышленный, от высшей школы ждут кадрового обеспечения промышленного производства. И даже не промышленного, а вообще кадрового обеспечения экономической деятельности. Это означает, что от университета ожидается выпуск специалистов, которых можно ставить на функциональное рабочее место и они, после краткого «курса молодого бойца», полностью овладевают тем функционалом, которого от них требует работодатель. Но проблема состоит в том, что возникает разрыв между ожиданиями работодателя по компетенциям»* (С.К., первый проректор).

Вместе с этим стремительное развитие новых технологий, на которых, собственно, и базируется практически любое производство, ведет к необходимости для работников постоянно обучаться и совершенствовать свои знания и умения. В современных условиях только единичные компании вкладываются в обучение своих сотрудников, а повышать квалификацию самостоятельно российские работники не стремятся в силу многих причин как финансового, так и временного характера.

Решение этих проблем должно осуществляться как в комплексе на уровне макрорегиона, так и в каждом конкретном вузе с учетом его специфики. Именно поэтому типология вузов индустриального макрорегиона будет способствовать выявлению проблем каждого из них. Типология вузов должна дать возможность определить место каждого из вузов в образовательном пространстве макрорегиона. А это в свою очередь позволит увидеть специфику не только любого конкретного вуза, но и макрорегиона в целом. Для этого такая типология должна быть основана на критериях, которые отражали бы специфику вузов, ориентированных на подготовку инженерно-технических кадров.

Учитывая это обстоятельство, для формирования типологии вузов индустриального макрорегиона могут быть использованы следующие критерии: численность студентов в вузе, доля приведенного контингента студентов, обучающихся на инженерно-технических направлениях подготовки в вузе, количество лицензионных соглашений вуза, количество персональных компьютеров в расчете на одного студента (приведенного контингента), удельный вес стоимости машин и оборудования не старше 5 лет, количество технопарков, количество бизнес-инкубаторов, количество коллективных центров пользования научным оборудованием, количество малых предприятий, доля ППС моложе 40 лет, число предприятий, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов, число предприятий, являющихся базами практики, с которыми оформлены договорные отношения у вуза.

Попытка проведения кластерного анализа показала: данные по заявленным критериям в вузах УрФО настолько дифференцированы, что учесть все критерии не представляется возможным. В связи с этим в основу кластерного анализа легли следующие критерии: доля вуза в макрорегионе (отношение численности студентов в конкретном вузе к общей численности студентов в УрФО), доля приведенного контингента студентов инженерно-технических направлений подготовки, удельный вес машин и оборудования не старше 5 лет, количество технопарков, количество коллективных центров пользования научным оборудованием. Данные по этим критериям были получены на основе Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Минобрнауки за 2017 год [4]. На основании вышеназванных критериев были выделены следующие группы вузов индустриального макрорегиона:

1. Вузы, где не ведется подготовка по инженерно-техническим направлениям либо о деятельности которых нет данных. К этой группе относится 21 образовательная организация. Доля рынка этих вузов в УрФО составляет 10,4%. Это в основном малые, частные, творческие вузы. Как мы видим, несмотря на значительное их количество, доля рынка этих вузов незначительна.

2. Вузы базового инженерно-технического образования. В эту группу попадают вузы со значительной долей приведенного контингента студентов, обучающихся по инженерно-техническим направлениям подготовки, но слабой материально-технической базой. Удельный вес стоимости машин и оборудования не старше 5 лет составляет 20% в среднем по вузу; количество персональных компьютеров на одного студента – 0,5; технопарков и бизнес-инкубаторов в среднем по группе – по 0,5 на вуз. Вместе с тем доля приведенного контингента студентов инженерно-технических направлений подготовки в этих вузах составляет от трети до двух третей (среднее значение – 52%). Учитывая это значение, можем предположить, что среди профессорско-преподавательского состава вузов этой группы значительную часть составляют преподаватели инженерно-технических дисциплин. Среднее значение доли преподавателей моложе 40 лет в вузах этой группы – 30%. Эта цифра соответствует данным по макрорегиону в целом и говорит о невысоком числе молодых преподавателей.

В описываемую группу входит семь вузов УрФО. Эти вузы готовят примерно 34% приведенного контингента студентов, обучающихся по инженерно-техническим направлениям подготовки. Среди них шесть государственных и один частный. Среди вузов базового инженерно-технического образования оказались средние вузы, за исключением ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», который является вузом очень крупным, по уровню подчинения – автономной образовательной организацией и по статусу – единственным в УрФО национальным исследовательским университетом. Однако его место в данной группе определил невысокий уровень материально-технической базы. Вместе с тем он существенно выделяется по количеству малых предприятий. Их в ЮУрГУ – 67.

Основной проблемой вузов данной группы, по мнению наших экспертов, является нехватка финансирования: *«Если говорить о проблеме высшей школы, то это материальная база вузов. К сожалению, всегда проблемы сводятся к сильной нехватке финансов. Средства, вкладываемые в образование, в том числе высшее, должны бы быть в 100 раз больше, чем сейчас»* (И.А., заместитель проректора).

3. Вузы основного инженерно-технического образования. Эта группа вузов состоит из 10 образовательных организаций, среди которых 8 государственных вузов и 2 частных. Доля приведенного контингента студентов, обучающихся по инженерно-техническим направлениям подготовки в этих вузах, колеблется около 50%. Группа вузов основного инженерно-технического образования достаточно разнородна по основным показателям, однако характеризуется высоким удельным весом стоимости машин и оборудования не старше 5 лет (среднее значение – 61%). Количество технопарков в среднем по группе составляет 1,0 на каждый вуз, а коллективных центров пользования научным оборудованием – 1,67. К этой группе относятся вузы очень крупные, крупные и средние с самой разной долей приведенного контингента студентов, обучающихся по инженерно-техническим направлениям подготовки. В число вузов этой группы также входят лидеры рынка высшего образования региона, которые имеют более широкие финансовые возможности, нежели все остальные вузы. Поэтому именно они являются опорой инженерно-технического образования уральского макрорегиона. Очевидно, что это вузы с самой сильной инженерно-технической подготовкой в макрорегионе. Однако в рамках этой группы вузов есть ощутимые проблемы финансирования. Материалы экспертных интервью подтверждают этот тезис: *«...основная проблема высшей школы России хорошо известна и понятна – это проблема неадекватного финансирования. Если не говорить о двух-трех университетах, находящихся на особом положении, то надо признать, что бюджет ведущего российского университета не сопоставим не только с бюджетом исследовательского университета из развитой страны, но и с бюджетами заметных в рейтингах университетов стран БРИКС. Причем речь идет не только о государственном финансировании, но и вкладе со стороны индустрии»* (А.О., директор института).

4. Вузы общего инженерно-технического образования. Описываемая группа вузов характеризуется малой долей студентов, обучающихся на инженерно-технических направлениях (до 20%, в среднем – 10%), невысоким удельным весом машин и оборудования не старше 5 лет (среднее значение по группе – 20%). К вузам общего инженерно-технического образования в УрФО относится 15 образовательных организаций. В основном это малые вузы, хотя среди них есть 6 средних и даже один крупный вуз. Но это образовательные организации с явно выраженной гуманитарной и социально-экономической направленностью, где инженерно-техническое образование второстепенно. Доля проведенного контингента студентов УрФО, обучающихся по инженерно-техническим направлениям подготовки в этих вузах, в среднем составляет 16%.

Выводы

Уральский федеральный округ – индустриальный макрорегион. Для эффективного функционирования и развития он должен быть обеспечен высококвалифицированными специалистами. Это обстоятельство актуализирует проблемы подготовки инженерно-технических кадров вузами макрорегиона. Однако высшее образование УрФО характеризуется целым рядом проблем и противоречий. Большинство из них обретают свою специфику в инженерно-технических отраслях знания. Вместе с тем существует целый спектр вопросов, связанных с деятельностью вузов: финансированием, кадровым составом, отраслевой структурой.

С целью выявления и описания вышеназванных проблем в рамках этой статьи была предложена типология вузов, обучающих студентов по инженерно-техническим направлениям подготовки. Автором были выделены четыре группы вузов, каждая из которых имеет свои особенности: вузы, где не ведется подготовка по инженерно-техническим направлениям; вузы базового инженерно-технического образования; вузы основного инженерно-технического образования; вузы общего инженерно-технического образования.

Исследование показало, что инженерно-техническая подготовка ведется в более чем половине вузов УрФО. В основном это средние, крупные и очень крупные государственные вузы. Однако в группе вузов, где обучается наибольшая доля приведенного контингента студентов по инженерно-техническим направлениям подготовки, мы зафиксировали не самый высокий уровень материально-технического обеспечения. Образовательных организаций, где высокая доля приведенного контингента студентов по инженерно-техническим направлениям подготовки сочетается с сильной материально-технической базой, – единицы. Однако именно в этих вузах сосредоточено 50% приведенного контингента студентов инженерно-технических направлений подготовки. В целом полученное распределение отражает общую ситуацию в высшем образовании УрФО, когда самые большие ресурсы сосредоточены точно, в статусных или узкопрофильных вузах, в то время как основная масса вузов финансируется по остаточному принципу.

Литература

1. Валовой региональный продукт [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_20/Main.htm (дата обращения: 20.06.2017).
2. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени [Текст] / под общ. ред. Л.Н. Банниковой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 364 с.
3. Зборовский, Г.Е. Сетевое взаимодействие вузов в системе высшего образования Уральского макрорегиона [Текст] / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 446–456.
4. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. Московский технологический университет. Главный информационно-вычислительный центр. – Режим доступа: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения: 25.05.2017).
5. Кокшаров, В.А. Оценка развития системы высшего образования в России [Текст] / В.А. Кокшаров // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 30–44.
6. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе : Теоретическая концепция и практические возможности [Текст] / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, В.С. Каташинских [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 336 с.
7. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Профессиональные справочные системы «Техэксперт». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902307636> (дата обращения: 21.08.2017).
8. Оценка системы подготовки инженерно-технических кадров: материалы комплексного исследования потребностей крупнейших региональных работодателей [Текст] : монография / И.И. Шолина [и др.]. – Екатеринбург : ИД «Ажур», 2016. – 272 с.
9. Почему уральские муниципалитеты развиваются бессистемно [Электронный ресурс] // Российская газета. – № 7287. – 06.06.2017. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/06/reg-urfo/pochemu-goroda-razvivaiutsia-bessistemno.html> (дата обращения: 10.06.2017).
10. Структура валового регионального продукта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 12.09.2017).

11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : официальный сайт. - Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.08.2017).
12. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ [Текст] / Л.Н. Банникова, Л.Н. Боронина, Ю.Р. Вишневский и др. ; под ред. Л.Н. Банниковой, Ю.Р. Вишневского. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. - 216 с.
13. Эмпирическая методология и методика исследования нелинейной модели высшего образования [Текст] / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина, Н.В. Шаброва, П.А. Амбарова // Социология образования. - 2016. - № 7. - С. 4-15.

УДК 37.015.4
ББК 60.561.9

Е.А. ШУКЛИНА,
Т.О. ГАВРИЛИНА

E.A. SHUKLINA,
T.O. GAVRILINA

**ПРОСТРАНСТВО
НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА:
ОПЫТ ОСВОЕНИЯ И ПРОЖИВАНИЯ**

**INFORMAL EDUCATION SPACE OF THE CITY:
LIVING AND DEVELOPMENT EXPERIENCE**

*Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект № 16-03-00051
«Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе
в условиях социальной неопределенности»).*

В современных условиях образовательная среда мегаполиса активно, динамично и порой кардинально трансформируется. Одним из фундаментальных сдвигов является изменение соотношения между подсистемами формального и неформального образования в реальных условиях города. Авторы статьи на материалах эмпирических исследований показывают практики освоения студенческой молодежью пространства неформального образования мегаполиса и делают вывод о необходимости комплексных исследований для развития социальной политики управления образованием на муниципальном уровне.

At present day educational environment of a mega polis is transforming actively, dynamically and sometimes dramatically. One of the fundamental shifts is a change in correlation between subsystems of formal and informal education in actual conditions of a city. The authors of the article show the practice of mastering informal education space by students in a mega polis on the materials of empirical research. The conclusion of the article is about the necessity of complex studies for social policy development of education at the municipal level.

Ключевые слова: институт образования, образовательное пространство, неформальное образование, формальное образование, образовательная общность.

Key words: institution of education, educational space, informal education, formal education, educational communities.

Актуальность проблемы

В современных условиях образовательная среда мегаполиса активно, динамично и порой кардинально трансформируется. Даже не затрагивая здесь чрезвычайно актуальную проблему воздействия информатизации на образовательные процессы (поскольку образование в информационном пространстве в определенном отношении отменяет территориальные ограничения, в частности городские), мы полагаем, что современное образование сталкивается со значительными изменениями под воздействием специфических территориально локализованных сред. Одним из таких фундаментальных сдвигов, с нашей точки зрения, является изменение соотношения между подсистемами формального и неформального образования в реальных условиях мегаполиса.

Каковы основные тенденции данных изменений? Прежде всего, они связаны с трансформацией потребностно-мотивационной структуры социальных общностей обучающихся и обучаемых. Можно утверждать, что продолжается смещение терминальных мотивов обучения от формального образования к неформальному. Его причина в сохраняющейся тенденции массовизации, унификации, стандартизации формального образования, которое рассматривается обучающимися исключительно как инструментальная ценность. Как показывают многочисленные исследования, политика расширения так назы-

ваемого «массового высшего образования», при котором студенты-бакалавры получают общие профессиональные знания без углубленной специализации, приводит к тому, что формальное образование такого типа востребовано обучающимися как необходимое звено жизненной траектории. С ним соотносятся в качестве доминантных социально-статусные, экономически престижные ориентации на профессию и образование, тогда как личностно значимые ценности и цели саморазвития и самореализации все активнее смещаются к различным видам неформального образования.

Вторая тенденция изменения соотношения между формальным и неформальным образованием связана со структурными и организационными сдвигами, и прежде всего с расширением в условиях мегаполиса количества и видового разнообразия услуг сферы неформального образования. Количественный рост определяется актуализацией образовательной функции смежных социокультурных институтов. Так, сфера культуры предлагает современному горожанину-потребителю социокультурных услуг широкий спектр видов образовательной деятельности. Современные концепции музеев, библиотек, филармоний, театров, планетариев уже не предполагают своего развития без предоставления образовательных курсов, занятий, серий лекций, мастер-классов, тематических клубов по интересам, встреч с деятелями науки и культуры, научно-популярных ток-шоу, интеллектуальных игр, фестивалей, конкурсов и чемпионатов для всех сегментов потребительского рынка. Эти образовательные услуги отличаются активностью, интерактивностью, использованием нетрадиционных, инновационных подходов, современных технологий и моделей общения с разными группами населения. Условия конкуренции, в которые поставлены учреждения культуры, необходимость выполнения государственного заказа, а также реализации стратегии продвижения ставит их перед задачей расширения форм взаимодействия с потребителем и, что закономерно, использования неформального образования как средства активного привлечения зрителей и формирования потенциального участника социокультурной жизни из детских аудиторий.

В последнее время все большее развитие в городской среде получает особая сфера образовательных услуг – открытое офф-лайн образование. Отдельные институции, чаще образовательные и общественные организации, разрабатывают этот сегмент образовательных услуг для решения целого комплекса задач: формирования различных форм гражданской активности, удовлетворения образовательных интересов взрослого населения, трансляции информации о новых типах образования, новых проблемах в сфере науки, культуры, социальной жизни и т.д. Примерами открытого офф-лайн образования в г. Екатеринбурге может быть серия образовательно-просветительских программ в Президентском центре Б.Н. Ельцина, неделя открытого образования института «Стрелка», реализованная летом 2017 г. и др.

Бизнес-сфера все чаще предлагает различные виды неформального образования с целью либо продвижения определенной, часто наукоемкой сферы деятельности, либо расширения своей потребительской аудитории. Крупные промышленные компании создают особые сегменты образовательных услуг неформального типа, ориентированные на формирование потребности в определенном виде образования (например, инженерном, компьютерном и пр.), ориентации на ту или иную отрасль, например, атомную промышленность, нефтегазодобычу и пр. Организационно это представлено как создание и спонсирование частных музеев, научно-образовательных центров, занимающихся просвещением и популяризацией соответствующих знаний. Сфера торговли все активнее использует неформальное образование как инструмент PR-деятельности, например, проводя серии обучающих мастер-классов (бьюти-мастер-классы, обучение дизайну, стилистике одежды, фотографии и др.).

Особой областью неформального образования можно считать муниципальные программы в сфере культуры и образования, календарные планы ко-

торых ежегодно формируют городское образовательное пространство с помощью сети культурно-образовательных событий: культурно-массовых мероприятий, спектаклей, концертов, публичных выступлений.

Активизация деятельности общественных структур, организаций, движений, объединений в мегаполисе создает особую среду неформального образования, доступную либо в виде постоянной деятельности, например, участия в получающем все более широкое развитие волонтерском движении, либо в виде event-мероприятий общественного характера, городских событиях типа общественных слушаний и других, имеющих публичный характер.

Итак, современный мегаполис создает сложную, многомерную культурно-образовательную среду, в которой неформальное образование, во многом определяя содержание и динамику ее развития, играет важную социальную роль. При этом необходимо понимать, что неформальное образование является исключительно индивидуально-личностной сферой жизни горожанина, существует и развивается только тогда, когда отвечает личностным потребностям, интересам, жизненным ценностям и целям человека, напрямую связано с его саморазвитием и самореализацией. Это сочетание социального и сугубо индивидуального, глобального и локального, внешнего и внутреннего задает непростые задачи исследователю, старающемуся понять особенности его развития в условиях мегаполиса.

Целью данной статьи является анализ изменения социальной роли неформального образования в развитии мегаполиса сквозь призму оценочных суждений молодежного сообщества и особенностей освоения им городского социокультурного пространства.

Методологическая рамка исследования

Образовательное пространство города – это система социальных отношений, сложившихся в образовательной сфере и «привязанных» к городу как определенному территориальному образованию. Прежде всего это внутри- и межинституциональные отношения. Внутриинституциональные отношения образования сложны и многообразны, поскольку данный социальный институт включает в себя систему субинститутов, обладающих высокой долей самостоятельности, таких как институт высшего, среднего профессионального, общего, дополнительного образования и пр. При этом комплекс норм, санкций, система социальных статусов и ролей, определяющих внутриинституциональное пространство образования, могут быть лишь опосредованно связаны с городом, а образовательные организации (например, федеральные вузы) слабо ориентированы на его потребности. В силу этого специфика образовательного пространства города проявляется именно в межинституциональных взаимодействиях образования и города как социальных институтов.

Институциональный подход к городу разработан далеко не в полной мере и не всегда востребован в исследовательской практике как методологический инструмент. Однако даже самые поверхностные представления о нем показывают, что система нормативного регулирования города создает территориально фиксированное (ограниченное) поле взаимодействия различных институтов, принадлежащих экономической, социально-политической, социокультурной сферам. Образовательное пространство города формируется в системе межинституциональных взаимодействий города и образования как базовых социальных институтов, а также институтов культуры, науки, производства, торговли, спорта, туризма, индустрии досуга и др.

Городское образовательное пространство во многом определяется типом города и особенностями инфраструктуры, выраженной в виде совокупности отраслей и видов деятельности, обеспечивающих функционирование его производственной и непроизводственной сфер. На городскую образовательную среду оказывает влияние пространственная организация города, характер его зонирования, выделение в нем структурных территориальных элементов в виде ядра, центральных районов, периферии и специализиро-

ванных зон, выполняющих разные функции. Различия между центральными и периферийными зонами, как правило, влияют на равномерность развития образовательных организаций города, а возникновение специализированных районов приводит к формированию достаточно обособленных сегментов образовательной среды.

Организационно образовательное пространство города представляет собой выстроенный как горизонтально, так иерархически вертикально комплекс образовательных учреждений: от дошкольных до постпрофессиональных, имеющих разные формы собственности и тип подчинения (муниципальных, региональных, федеральных, находящихся в черте города).

Особый методологический срез анализа возникает при рассмотрении социокультурного контекста образования. История становления города – это процесс его институционализации в системе экономических, политических и социокультурных практик. Конкретно-исторический процесс формирования образовательной среды города определяет как ее специфику, так и лицо города в целом. Он обуславливает характер взаимосвязей и взаимодействий между образовательными общностями обучающихся, обучающихся, представителей образовательного менеджмента разного уровня, с одной стороны, и муниципальных властей и городских сообществ, с другой.

Анализ определений городского пространства в контексте социокультурного подхода показывает, что его дефиниции в ходе развития социологической науки, претерпевая существенные изменения, фиксировали в качестве его сущностных характеристик ценностно-нормативные и смысловые параметры. Например, Р. Парк и Э. Берджесс представляли городское пространство как совокупность определенных районов, в которых проживают городские жители. При этом Р. Парк подчеркивал такую характеристику городской жизни, как свобода: 1) свобода передвижения, 2) свобода конкуренции за место в общей экономике, 3) политическая свобода, 4) свобода самовыражения [7, с. 11–18]. Г. Зиммель рассматривал городское пространство как место соединения разнородных духовных элементов (взглядов, ценностей, смыслов), как совокупность «точек вращения»: горожанин «вращается в разных кругах», соприкасаясь с различными социокультурными мирами. Точка пространства – место локализации отношений по поводу обмена взглядами, центр кристаллизации новых социальных связей, возникающих внетерриториально [4, с. 1–12].

Методология социокультурного подхода важна, поскольку городское пространство создает социокультурный контекст для развития образования, выступающего во всем его многообразии как в институционализированной, так и внеинституционализированной формах. С другой стороны, само образование, будучи самостоятельным социокультурным миром, формирует и видоизменяет городскую среду, создает «точки вращения» для разных городских сообществ.

Являясь социокультурными центрами, города не только притягивают к себе интеллектуальные силы, но и развивают и закрепляют новые социальные отношения и традиции. Население в процессе жизнедеятельности создает культурно-образовательную городскую среду, в которой отражается его система ценностей, закреплённая в определенном образе жизни горожан. Соответственно носителем городской культуры является городское население как массовая социальная общность.

Городское пространство представляет собой территорию, которая отражает не столько межпоколенную историю людей, запечатлеваемую в культурном ландшафте, сколько особенности функционального взаимодействия между группами людей, каждая из которых решает собственные задачи [8, с. 31]. Городская жизнь многогранна и определяется характером и условиями жизнедеятельности взаимодействующих социальных сообществ. Социальные общности формируют городское пространство, а различия между ними способствуют его зонированию.

Дефиниции «городское сообщество» и «образовательная общность» являются ключевыми в нашем анализе, восходят к базовому понятию социальной общности, лежат в основе общностного подхода, используемого нами в качестве методологии исследования. Под социальной общностью следует понимать не только взаимосвязь индивидов, обусловленную общностью интересов, материальной, производственной и иной деятельности, близостью субъективных представлений, целей и задач этой деятельности [2, с. 100], но и взаимосвязь ценностей, норм, верований, обычаев, традиций, языка и т.д., на которых «держится» эта общность и которые скрепляют отношения между ее членами [2, с. 26].

Насколько многообразны образовательные и городские общности, настолько будет насыщенной и полной жизнь людей мегаполиса, включенных в их деятельность. Социальная общность оказывается своеобразным соединительным механизмом, реальным связующим звеном между личностью и городским социумом. Изучение и знание этого механизма позволяет, с одной стороны, перейти к конкретному рассмотрению общественной жизни, социальных процессов мегаполиса, с другой – типологизировать конкретные проявления повседневных практик горожан, выявить возможности социальной интеграции личности в городскую среду посредством анализа ее деятельности в различных социальных общностях [2, с. 149].

Методика исследования

Статья базируется на исследовании, проведенном авторами в 2017 г. в рамках проекта «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности». В ходе исследования было использовано сочетание методов картографирования и биографического эссе.

Они решали комплекс задач. С одной стороны, это задачи выявления понимания студентами роли неформального образования в их личностном становлении; идентификации широкого спектра социокультурных объектов города Екатеринбурга с реализуемыми ими образовательными функциями и оценки студентами их неформального воздействия на процессы саморазвития и самореализации; фиксации видов социокультурной деятельности, которые имеют для студентов значимую образовательную составляющую и оцениваются ими как неформальное образование.

С другой стороны, мы ставили перед собой задачу охарактеризовать пространство неформального образования города с точки зрения его структуры сквозь призму оценочных суждений студентов.

Первый блок задач предполагал использование метода социологического эссе, позволяющего понять личностные смыслы, вкладываемые респондентами в описание объектов и видов деятельности, связанных с неформальным образованием. Результатом стала классификация социокультурных объектов неформального образования и типологизация видов деятельности, которую студенты идентифицировали как неформальное образование. Процессы классификации и типологизации осуществлялись на основе аналитических методов с опорой на полученную эмпирическую базу.

Второй блок задач базировался на методе картографирования и позволил создать интерактивную карту Екатеринбурга, на которой визуально представлено расположение объектов неформального образования, представляющих для студенческого сообщества определенную ценность. На карте каждый объект сопровождается комплексом высказываний (фрагментов эссе), характеризующих его как носителя личностных смыслов студенческого сообщества.

Необходимо отметить, что объектом исследования целенаправленно была выбрана достаточно узкая социальная группа. Это студенты УрФУ 1 и 2 курсов. Эта группа репрезентирует ту часть студенчества, которая проходит процесс адаптации к образовательной деятельности вуза и в то же вре-

мя является носителем еще актуальных образовательных практик школьного периода. Она дает возможность зафиксировать ретроспективные оценки респондентами своих образовательных предпочтений в школьный период и процессы перехода к освоению новых моделей неформального образования, характерных для вузовской среды. Кроме того, эта группа включает в себя как постоянно проживающих в Екатеринбурге студентов, так и приезжих из области, других регионов и стран, что позволяет рассмотреть процесс включения студенчества в пространство неформального образования Екатеринбурга. Итак, выбор данной группы дал возможность увидеть образовательное пространство города их глазами в статике и динамике, процессе освоения новых видов неформального образования и городских объектов, являющихся его репрезентантами, а также выявить субъективную оценку студентами изменений ценностей образовательной деятельности и представлений о роли неформального образования в их жизни.

Всего было получено 137 эссе, в которых представлено около 200 социокультурных объектов города, рассматриваемых как традиционные и нетрадиционные инструменты (средства) образовательной деятельности неформального типа.

Результаты исследования

Для описания результатов исследования охарактеризуем понятийный блок его эмпирической методологии.

Смысловые оттенки трактовки понятия «неформальное образование» различны и простираются от принятых ЮНЕСКО положений о неформальном образовании как институциональной деятельности, которая, будучи идентичной по целям, не в полной мере совпадает по средствам и результатам с деятельностью учреждений, входящих в формальные структуры образования, до представлений о неформальном образовании как неорганизованном обучении, связанном с любительскими занятиями, расширением кругозора, приобретением знаний и умений, необходимых в быту и сфере личностного общения. В некоторых случаях неформальное образование идентифицируется с процессом стихийного освоения социокультурных ценностей, что корректней было бы соотнести с понятием информального образования, определенного Меморандумом непрерывного образования ЕС в качестве индивидуальной познавательной деятельности, сопровождающей повседневную жизнь [6]. Совет Европы рекомендует рассматривать неформальное образование как партнера в образовании через всю жизнь [9].

Широта трактовки неформального образования позволяет соотносить его как с институциональными видами образования – основным и дополнительным, так и с неинституциональными – информальным образованием и самообразованием. Данный феномен сложен, неоднозначен, имеет институциональные и неинституциональные характеристики, может выступать в виде специально организованной и стихийной деятельности, имеет групповой и индивидуальный характер.

Виды неформального образования можно выделить по нескольким критериям: 1) субъектам/объектам; 2) содержанию; 3) социальным функциям; 4) целям и результатам; 5) способам организации и степени формализации; 6) средствам реализации (методам); 7) видам образовательной деятельности [1, с. 334].

Описанный комплекс методологических подходов к широкому толкованию неформального образования позволил смоделировать его типологию в контексте городского образовательного пространства по двум критериям: а) объектам реализации и б) видам образовательной деятельности.

Типологии представлены в таблицах 1 и 2. Количественные данные в таблицах имеют исключительно иллюстративный характер, поскольку эссе представляет собой качественный метод сбора информации. Однако доста-

точный (статистически значимый) объем собранных данных позволил осуществить их количественную обработку и анализ процентных распределений, цель которого – дать предварительную информацию о ранжировании видов неформального образования по предпочтениям разных групп студенческой молодежи.

Типология неформального образования по объектам его реализации (табл. 1) была сконструирована на основе рассмотрения существующих классификаций организаций дополнительного образования, а также анализа студенческих описаний институций неформального образования, наиболее привлекательных для них.

Таблица 1

**Типология неформального образования по объектам его реализации
(структура студенческих предпочтений в зависимости
от места проживания студента до поступления в вуз)
(в % к ответившим)**

<i>Классификация неформального образования по объектам реализации</i>	<i>Местные жители</i>	<i>Приезжие</i>
Музеи	13,8	7,1
Театры	13,8	23,8
Галереи	7,4	11,9
Дома культуры/ дворцы молодежи	1,1	2,4
Библиотеки	1,1	0,0
Детские художественные школы	4,3	0,0
Музыкальные школы	4,3	0,0
Спортивные школы и секции	0,0	2,4
Детские подростковые клубы	1,1	2,4
Школы искусств	2,1	2,4
Социокультурные объекты	11,9	21,3
Общественные организации	16,0	19,0
Досуговые центры	3,6	9,5
Кинотеатры	4,9	2,4
Школа (дополнительное образование)	6,4	4,8
Вуз (дополнительное образование и общественная деятельность)	2,1	11,9
Торговые центры (образовательные PR-проекты)	1,1	0,0
Культурные события	7,4	4,8
Городские события	8,5	2,4
Мобильное освоение городского пространства (экскурсии, квесты разного типа)	7,4	11,9
Итого	127,7	111,9

Понятийный анализ неформального образования и изучение идентификации студентами разных форм собственной активности с образовательной деятельностью позволили смоделировать типологию неформального образования по второму критерию – видам образовательной деятельности (табл. 2).

Типология неформального образования по видам образовательной деятельности (структура студенческих предпочтений в зависимости от места проживания студента до поступления в вуз, в % к ответившим)

<i>Классификация неформального образования по видам деятельности</i>	<i>Местные жители</i>	<i>Приезжие</i>
Институционализированное самообразование в учреждениях культуры (посещение театров, музеев, выставок, кинотеатров и пр.)	27,7	31,0
Событийное самообразование (пассивное участие в городских событиях, мероприятиях – культурных, образовательных, спортивных и др.)	14,9	14,3
Самообразование через получение образовательных услуг в общественных, некоммерческих организациях города (Ельцин-центр, экологические и др. организации)	13,8	16,7
Самообразование как взаимодействие с социокультурными объектами (памятниками, архитектурными объектами городской среды, культурно освоенными природными объектами)	11,9	19,1
Институциональное образование в организациях дополнительного образования (государственных и частных)	11,7	7,1
Самообразование через получение образовательных услуг в досуговой сфере (кафе/антикафе, досуговые центры, торговые центры и пр.)	8,5	14,3
Дополнительное образование в организациях общего и профессионального образования	7,4	14,3
Образование/самообразование через мобильное освоение городских пространств (экскурсии, квесты разного типа)	7,4	9,5
Самообразование через получение образовательных услуг в сфере культуры (специальные образовательные программы в музеях, театрах, филармонии, библиотеках)	3,2	0,0
Самообразование как социокультурная деятельность в городской среде (активная, созидающая, клубная, художественная, выставочная, концертная и др.)	2,1	0,0
Самообразование как общественная и волонтерская деятельность по организации городской среды (участие в общественных слушаниях, общественных движениях, объединениях, организациях и пр.)	2,1	0,0
Самообразование посредством получения услуг в системе открытого образования	1,0	0,0
Итого	118,9	119,1

На основе анализа студенческих эссе можно увидеть, что производство пространства неформального образования города осуществляется прежде всего через традиционные институциональные механизмы культуры, ее инфраструктуру (театры, музеи, выставки, кинотеатры и пр.). Студенты идентифицируют взаимодействие с культурными институциями с сугубо индивидуализированной и лично значимой образовательной деятельностью.

«Я открыла для себя театр и поняла, насколько всепроникающим может быть это искусство символов. И что немаловажно – зрителю тоже приходится работать наравне с актерами, дорисовывая в своем воображении то, что невозможно выразить словами и действиями на сцене» (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранена. – Прим. Е. Ш., Т. Г.).

Процесс становления этих образовательных практик характеризуется как растянутый во времени, достаточно устойчивый, стабильный, несмотря на разную степень активности и включенности респондентов в культурную жизнь города.

«Впервые мне довелось посетить театр Драмы в возрасте 10 лет. С тех пор я посещаю спектакли, мюзиклы и постановки, как только появляется свободное время».

Образовательная деятельность этого типа постоянно воспроизводится благодаря развитой культурной инфраструктуре города, создающей условия для поисков и открытий, которые делает для себя взрослеющий человек, проходящий активное личностное становление.

«Мое знакомство с Коляда-Театром было случайным... От увиденного завораживает дух, сначала ты находишься в состоянии шока и потом просто не можешь выразить свои эмоции, которые накрывают тебя, хочется прочувствовать это снова и снова. Для меня это, безусловно, является самым сильным местом, где я могу погрузиться в мир театра. Это заставляет пересмотреть свое видение мира, жизненные ценности и внутренние моральные качества».

Образовательные открытия, связанные с традиционными институтами культуры, характерны в большей степени для студентов, недавно переехавших в Екатеринбург, в связи с поступлением в вуз, и проходящих адаптацию через погружение в социокультурную среду города.

Развитость культурной инфраструктуры городской среды делает включение в традиционные институциональные модели социокультурного потребления индивидуализированным, отвечающим специфическим образовательным потребностям молодежной аудитории.

«“Салют” является моим любимым кинотеатром. Мне особенно нравится, что там показывают фильмы на языке оригинала. Английский язык, я выучила дома, чтобы заниматься искусством, и “Салют” помогает смотреть кино, как оно было задумано, на большом экране. “Салют” “Колизей” – эти кинотеатры можно считать Олимпом Екатеринбурга. В почетные упоминания идут “Синема Парк” и “Титаник Синема”. И надо упомянуть всю сеть кинотеатров “Премьер зал”».

Еще один из видов образовательной деятельности студентов – институционализированное самообразование через получение образовательных услуг в сфере культуры (специальные образовательные программы в музеях, театрах, филармонии, библиотеках).

«Я увидела рекламу Государственного Центра Современного Искусства, в которой была информация о годичном курсе “Современное искусство как иностранный язык”. Лекции проходят 2-3 раза в неделю, для студентов очной формы обучения предоставляется скидка... На этих лекциях я не только узнала о понятии «искусство», но и научилась размышлять о нем: какова природа искусства? что такое произведение: вещь или идея? где пролегает граница между искусством и жизнью? для чего нужна теория искусства?».

При этом наиболее востребованы студентами культурные институции, в которых происходит смена коммуникативной парадигмы взаимодействия со зрителем, поиск языка адекватного восприятию молодежных сообществ.

«Первое, на что я обратила внимание, это то, что художественная выставка не была застеклена. Всё можно трогать, рассматривать, не боясь, что на тебя набросятся с криками: “Руками не трогать!”».

«“Свитер” (галерея уличного искусства) – это то место, где уличные художники могут проявлять себя, найти единомышленников и новую аудиторию. Здесь царит дух молодежной безудержности, раскрепощенности и вместе с этим здесь бесконечно уютно. В “Свитере” всегда можно найти собеседника по душе, открыть для себя что-то новое или просто расслабиться на занятиях по йоге. Да-да, здесь проводится йога, а так же другие интересные открытые уроки».

Студенты все более ориентированы на культурные институции, которые воспроизводят город, его историю, ценности, смыслы через образовательный контекст. Причем это касается как тех, кто не так давно приехал в

Екатеринбург, так и местных жителей, интерес которых подогревается постоянно меняющейся городской средой.

«Впервые оказавшись в Екатеринбурге, я не мог не заметить необычность местных трамваев. Вагоны имели и имеют до сих пор весьма раритетный вид. Они будто отмотали время на несколько десятилетий назад, в страну, знакомую мне только по старым снимкам. Именно поэтому одним из первых музеев, которые я посетил, стал “Музей истории развития трамвайно-троллейбусного управления”. Для людей, увлекающихся историей развития городского транспорта, это место очень интересно».

Элементом самообразования для студентов является и взаимодействие с социокультурными объектами (памятниками, городской архитектурой, парками как культурно освоенными природными объектами). Чаще в этом качестве их воспринимают студенты, недавно переехавшие в Екатеринбург.

«За 9 месяцев моего пребывания в этом городе именно Исторический сквер (Плотина городского пруда) позволил мне прочувствовать культуру Екатеринбурга, познакомиться с его традициями, понять какие люди живут в городе. Кроме исторической и культурно-образовательной части с музеями и памятниками здесь на набережной можно встретить скейтбордистов и роллеров, увидеть различные таланты жителей, познакомиться с новыми и интересными людьми».

Это городское пространство воспринимается студентами как активная коммуникационная среда.

«Если повезет, то на Плотинке на пробежке можно встретить мэра Екатеринбурга и даже задать ему пару интересующих вопросов (для студента моей специальности это интересно и может стать отправной точкой к будущей карьере)».

Коммуникативный аспект неформального образования особенно подчеркивается студентами как значимый для них. При этом очевидно, что городская среда (ее архитектурные и природные элементы, смысловые контексты, символическая структура и пр.) здесь также является важным элементом коммуникации.

«Salsa Open Air – это некоммерческий проект необычного формата. Каждый вторник, четверг и пятницу в теплое время года с 21.30 и до позднего вечера проходят массовые танцы. Это хорошая возможность попробовать себя в сальсе, даже если вы далеки от этого. Проходит прямо на набережной, поэтому дополнительно можно насладиться закатом».

Событийный аспект городской среды (участие в городских мероприятиях – культурных, образовательных, спортивных и др.) однозначно интерпретируется студентами как элемент самообразования.

«Пожалуй, самое запоминающееся, что я посетила в Екатеринбурге это парад Победы 9 мая. Я была поражена масштабностью и грандиозностью события... В один момент я ощутила всю важность и значимость этого дня. И люди вокруг меня казались чем-то одним целым».

При этом характер событий может быть самым различным, но те смысловые контексты, которые улавливаются молодыми людьми, имеют для них образовательных эффект, являются фактором саморазвития и творчества.

«На Дне города 2016 года мне удалось попасть на концерты “БИ-2”, “Чайф” и “Сансара”. Живая музыка всегда меня вдохновляет и мотивирует творить».

Если событийный контекст городской жизни создает некий комплекс условий для саморазвития, то общественная, в том числе и волонтерская деятельность, рассматриваемая студентами как вид неформального образования, требует от них уже не только пассивного участия, но и специальной личной активности по организации городской среды, событий разного типа и характера.

«Я являюсь волонтером самого крупного и масштабного волонтерского центра на Урале – “Волонтеры Урала”. Вхождение в состав волонтерского центра дало мне огромный опыт в работе с разным контингентом».

том людей, развитие коммуникабельности и мобильности, расширение кругозора.

В конце апреля Екатеринбург принял масштабное международное соревнование “Дельфийские игры - 2017” - уникальное состязание, объединяющее различные виды искусства и способствующее укреплению дружественных и творческих связей между странами... В качестве волонтера я смогла пообщаться со всеми участниками игр. Мне захотелось развиваться в каком-либо виде искусства...».

Самообразование через получение образовательных услуг в общественных организациях города - важная составляющая интеллектуальной жизни екатеринбургских студентов. Особую роль в этом играет общественно-политическая организация Президентский Центр Б.Н. Ельцина.

«Историей здесь пропитано все, причем каких-либо лживых фактов я не заметил, просто информация фильтрована. Можно с удовольствием посмотреть хроники тех лет, которые дадут первоначальное представление, а дальнейшее изучение - это ваше дело. Второй раз я побывал там, когда ходил на документальный фильм “Слишком свободный человек”, который представляли два известных журналиста - Вера Кричевская и Михаил Фишман. Фильм связан с тематикой самого центра, рассказывал историю о жизни Бориса Ефимовича Немцова. Я узнал много нового и подкрепил свои убеждения и позицию. Подобные мероприятия для этого и создаются».

Любопытно, что студенты идентифицируют со значимой для себя образовательной деятельностью и образовательные услуги, получаемые в досуговой сфере (кафе/антикафе, досуговые центры, торговые центры и пр.).

«Анти-кафе “Коммуникатор” - это очень приятное место, как для “посиделок” с друзьями, так и для саморазвития... Если говорить о тех мероприятиях, на которые я хожу, то это клуб английского языка и уроки импровизации. На всех мероприятиях очень весело, никогда никто не скучает, люди, которые их проводят, всегда знают, о чем говорят. Атмосфера в этом заведении очень дружелюбная».

Элементы досуговой деятельности активно привносятся в сферу потребления, чаще всего их совмещение используется в маркетинговых стратегиях торговых предприятий. Более того, инструментом продвижения становятся и предоставляемые образовательные услуги.

«В честь открытия нового ТЦ “Золотое яблоко” приехала Елена Крыгина - топ-визажист, beauty-эксперт, автор блога на YouTube канале. И так, как я являюсь зрителем её канала и мне не безразлична тема макияжа, я без сомнений решила пойти на этот мастер-класс».

В целом надо отметить, что открытое оффлайн-образование активно применяется в качестве средства PR-деятельности организаций разного типа - коммерческих вузов (открытое образование Европейского университета, института медиа, технологий и дизайна «Стрелка» и др.), политических партий и общественных движений, научно-образовательных объединений, коммерческих структур.

«Будучи студентом, я впервые оказался в статусе активного участника собраний в виде форумов, организованных “Альфа-Банком”. Это дало мне обширный информационный толчок в понимании деятельности банковской сферы и её перспектив. Теоретическую часть нам преподавали руководители местных отделений банка. Нам это поможет как будущим специалистам по экономической безопасности».

Альтернативой всем описанным выше моделям неформального образования, которое скорее можно охарактеризовать как фоновое и ситуативное, продолжает оставаться такая его институционализированная составляющая как дополнительное образование. Дополнительное образование в организациях общего и профессионального образования традиционно осуществляется параллельно с обучением в школе, вузе. При этом приезжие студенты скорее предпочитают получать дополнительное образование в вузе, а не в

других организациях, поскольку оно привычно, доступно, является для них важным фактором адаптации к вузу.

«С самого детства я занималась в театральном кружке. Переехав в Екатеринбург, я решила не бросать любимое дело и успешно прошла конкурсный отбор в народный студенческий театр “Старый Дом”. Это стало важной частью моей культурно-образовательной жизни и дало мне возможность развиваться...».

Традиционное институциональное образование в учреждениях дополнительного образования (государственных и частных) является системообразующим фактором для неформального образования в целом, оно разнообразно и многофункционально, его значимость в развитии личности трудно переоценить.

«Школа Искусств сделала из меня – напуганного малыша, который не может определиться, чего он хочет по жизни, интеллектуальную творческую личность с активной жизненной позицией со своими амбициями и целями, со стойкой потребностью в самообразовании. Преподаватели Школы воспитали меня, раскрыли во мне творческие способности, кроме того, они создали все условия для полной реализации моего творческого потенциала, помогли понять, каких высот я хочу достичь в хореографии, и вообще, хочу ли я связать свою жизнь с творчеством».

В сравнении с другими видами неформального образования, осуществляемыми часто ситуативно и существующими в виде фоновой образовательной деятельности, дополнительное образование закладывает у молодого человека основы профессиональной деятельности в области искусства, науки, спорта и др.

Проведенное исследование показало, что студенческая молодежь как городская общность полноценно включена в систему неформального образования города. Процесс его освоения, начиная с детства, юношества, сначала сопутствует формальному образованию. В дальнейшем, в период обучения в вузе, расширяется многообразие видов неформального образования, в которые молодые люди включаются, все более активно осваивая новые модели реализации образовательных практик фоновых типа.

Студенты, меняющие место жительства в связи с поступлением в вуз, в процессе адаптации преимущественно ориентированы на систему дополнительного образования, сформированную при организациях профессионального образования. Также для них, более чем для студентов – местных жителей, характерны такие виды неформального образования, как взаимодействие с социокультурными объектами (памятниками, архитектурными объектами городской среды и др.), событийное самообразование (участие в культурных, образовательных, спортивных и др. городских мероприятиях).

Общие выводы

Современной тенденцией развития города является процесс его усложнения, сочетающий в себе как управляемые, так и стихийные элементы. Стихийная трансформация его символической структуры и изменение функций традиционных институций требуют исследований для понимания развития города как живого, динамично меняющегося организма. Образовательное пространство города, постоянно порождая новые смыслы, изменяет роли образования в жизни современного человека. Современной его тенденцией становится расширение сферы неформального образования, обогащение его новыми функциями, технологиями, стилями и средствами реализации, смещение интереса потребителей к этому виду образования.

Городское образовательное пространство имеет ядро, центр и периферию. Ядро образуют общее и профессиональное образование, центр включает систему дополнительного образования, периферия – различные виды фонового образования, реализуемого в контексте других видов деятельности – социокультурной, социально-политической, социально-экономической.

Если рассматривать эту структуру образовательного пространства сквозь призму диады *формальное – неформальное образование*, то очевидно, что их соотношение присутствует во всех трех слоях, при этом доминанта формального в большей степени присуща ядру, а неформального образования – периферии. С нашей точки зрения, в последнее время активно возрастает интерес городских сообществ к периферийным видам образования.

Структуру пространства неформального образования города можно выявить с помощью комплекса критериев, выбор которых обусловлен сочетанием теоретических и эмпирических методов анализа. В нашем исследовании она рассмотрена сквозь призму видов образовательной деятельности и объектов реализации этой деятельности.

Степень сформированности города как институциональной среды неформального образования является важным фактором его развития. Эффективность управления организационными, нормативными параметрами институциональной среды, обеспечение ее комплексности, полноты, плотности позволит образовательным общностям полноценно включаться в систему неформального образования и эффективно выстраивать индивидуальные траектории развития. Для понимания целей и перспектив управленческой деятельности этого типа необходим комплексный анализ сложившихся социокультурных практик, традиций, стандартов образовательной деятельности и поведения, которые формируют пространство неформального образования, обеспечивая городским сообществам свободу для саморазвития и развития городской среды.

Литература

1. Засыпкин, В.П. Социология педагогического образования [Текст] : монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. – Екатеринбург-Сургут : РИО СурГПУ ; РИО ГУ г. Екатеринбурга, 2011. – 447 с.
2. Засыпкин, В.П. Учительство ХМАО – Югры как социально-профессиональная общность [Текст] : монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина [и др.]. – Тюмень : Аксиома, 2013. – 352 с.
3. Зборовский, Г.Е. Социальные общности и их временных характеристики [Текст] / Г.Е. Зборовский // Известия Уральского федерального университета. – 2014. – № 1. – С. 148-158.
4. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3. – С. 1-12.
5. Лефевр, А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр. – М. : Strelka Press, 2015. – 430 с.
6. Меморандум непрерывного образования Европейского Союза [Электронный ресурс] // Общество «Знание» России. – Режим доступа: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html#up> (дата обращения: 15.06.2017).
7. Парк, Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок [Текст] / Р.Парк // Социологическое обозрение. – 2006. – № 1. – Т. 5. – С. 11-18.
8. Роскош, М.В. Город как система [Текст] / М.В. Роскош // Научный диалог. – 2013. – № 3. – С. 48-57.
9. Rogers, A. Looking again at non-formal and informal education – towards a new paradigm [Electronic resource] / A. Rogers // Available at: <http://infed.org/mobi/looking-again-at-non-formal-and> (accessed: 15.06.2017).

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

SOCIOLOGY WORK AND SOCIAL STRATIFICATION

УДК 316.328.5

ББК 60.54

А.Ю. КАЗАКОВА

**ФЕНОМЕН ЖИЛИЩНОЙ ДЕПРИВАЦИИ
В СОЦИАЛЬНЫХ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
И ИЗУЧЕННОСТЬ
(НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

A.YU. KAZAKOVA

**THE PHENOMENON OF HOUSING DEPRIVATION
IN SOCIAL SCIENCE RESEARCH:
CONCEPTUALIZATION AND KNOWLEDGE
(SCIENTIFIC-ANALYTICAL REVIEW)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства
Калужской области, проект № 16-13-40002 а(р) - «Типы жилищной депривации
населения Калужской области: уровни, источники, последствия»*

Обзор посвящен вопросу самостоятельности феномена жилищной депривации. Представлены количественные статистические результаты анализа места и динамики распространения концепта жилищной депривации в различных областях научного знания. Обозначены персоналии авторов, опирающихся на него в эмпирических исследованиях. Выявлены методологические подходы, на основе которых возможно развертывание и интерпретация концепта жилищной депривации в предметном поле социологии.

The review justifies the autonomy of the phenomenon of housing deprivation. The results of quantitative statistical analysis of space and distribution dynamics of housing deprivation concept in various fields of scientific knowledge are presented. Personalities of the authors using the concept in empirical researches are marked. The main methodological approaches, based on which it is to deploy and interpret the concept of housing deprivation in the subject field of sociology are identified.

Ключевые слова: депривация, жилищная депривация, жилище, концепт, терминология, эмпирические исследования, РИНЦ, мета-анализ.

Key words: deprivation, housing deprivation, housing, concept, terminology, empirical studies, Russian science citation index, metha-analysis.

Феномен жилищной депривации редко становится предметом специального научного анализа, хотя его предпосылки можно увидеть в работах из области социологии семьи и демографии, социологии здоровья, образа жизни. Авторы почти не употребляют это словосочетание, и неясно, можно ли считать само явление особым видом депривации.

Оценке определенности и распространенности концепта, его месту в современном научном дискурсе посвящен данный обзор. Он подготовлен на основе автоматически выведенных из системы РИНЦ по запросам «Депривация», «Жилищная депривация», «Жилище и фрустрация» научных источников. Материалы подвергнуты нами формальному наукометрическому и логико-смысловому анализу. Для восполнения дефицита данных аналогичную процедуру поиска мы применили к ресурсу «Academia.edu.ru».

1. Депривация и ее виды: формальные библиометрические результаты

По запросу «Депривация» 05.07.2016 в РИНЦ обнаружилось 9 987 публикаций начиная с 1982 года и 16 947 цитирующих их публикаций суммарно начиная с 1984 года.

Динамика появления материалов едва ли может быть объяснена только внутренними закономерностями развития самих наук, хотя роль взаимодействия велика, и каждая статья порождает в среднем 1,47 новых статей, цитирующих предыдущую. В публикационной активности угадывается стремление научного сообщества осмыслить феномен нарастающей травмы личностей, сообществ, целых социальных групп. Из темпов относительного прироста следует, что пик культурного шока общество пережило в 1990-е, а с середины 2000-х произошло «свыкание» с жизнью в условиях стресса и различных видов депривации. Но при этом график роста абсолютного количества материалов в системе показывает (рис. 1), что, по сравнению с 1990-ми и 2000-ми годами, когда среднегодовое количество статей составляло 7,25 единиц со стандартным отклонением 6,65, с 2001 года среднегодовое количество взлетело до 618,75 единиц со стандартным отклонением 488,73.

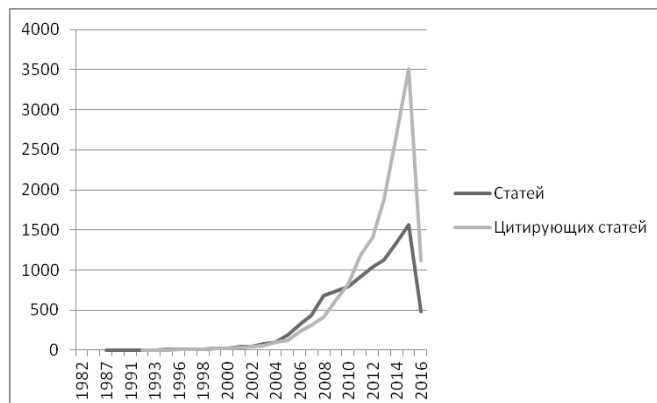

Рис. 1. Распределение по годам публикаций из подборки о депривации

Растущий исследовательский интерес неравномерно распределен в пространстве регионов страны и отдельных научных центров. Москва лидирует во всех областях знания, кроме клинической медицины (больше в Новосибирске), а также биологии/физиологии человека и животных (больше в Санкт-Петербурге).

Первые публикации результатов эмпирических исследований принадлежат области биологии и рассматривают комплекс психофизиологических и социобиологических свойств человека. Р.И. Айзман, создатель научной школы по физиологии развития ребенка, – автор хронологически самой ранней размещенной в РИНЦ работы [2]. Биологический смысл депривации в исследованиях профессора Айзмана – это лишение организма жизненно важ-

ных для него состояний или химических элементов, в результате которого наступает дисфункция тех или иных органов или систем. Чаще всего биолог рассматривает регуляцию почками водно-солевого гомеостаза организма, поэтому «депривация» в его статьях встречается в словосочетании «водная депривация», противоположностью которой является «водная нагрузка» (то есть избыточное насыщение). Интерес к депривации автора второй по счету работы – В.А. Бодрова – был связан с изучением психологических характеристик деятельности, условий труда и рабочего места человека-оператора, а также негативных факторов, снижающих его работоспособность, к числу которых отнесены острое утомление и переутомление, монотония, сенсорная депривация, стресс [9]. Итак, в первых работах узвальное значение термина – «голод», «недостача» (пищи, воды, информации). Позднее диапазон предметно-тематических связей и объем понятия расширяется, и в качестве депривации начинает рассматриваться любая чрезмерность, отклонение не только в сторону дефицита, но и переизбытка [5, с. 93].

Депривации подвергаются как базовые, так и высшие потребности человека [1], что делает ее закономерным объектом изучения и в естественных, и в гуманитарных науках. Термин «депривация» используется в материалах из 55 тематических рубрик. Гуманитарное знание пока отстает в концептуализации данного понятия. Наибольшее количество материалов встречается в рубрике *Клиническая медицина* (113 работ, или 22,3% всех найденных материалов). Далее в порядке убывания следуют: *Биология/Физиология человека и животных* (91 работа; 18,2%); *Народное образование. Педагогика* (87 работ; 17,4%); *Психология* (76 работ; 15,2%); *Медицина и здравоохранение* (73 работы; 14,6%); *Социология* (60 работ; 12,0%).

Группировка публикаций по областям знания позволила выявить области с наименее четкой предметной определенностью концепта депривации и области, где он оформился и получил устойчивую атрибуцию. Мы исключили как нерелевантные, неспецифические для предмета рубрики «География, геология»; «Культура, культурология»; «Строительство и архитектура», «Горное дело», «Военное дело» и др. К ним статьи отнесены лишь по эмпирическому объекту исследования [3, 22, 28], а понятийно-категориальный аппарат, методики и подходы авторов принадлежат психологии или социологии, медицине, социальной защите и социальной работе.

В числе ключевых слов, определяющих основные идеи тех публикаций, где депривация составляет главный предмет изучения или способ теоретической интерпретации изучаемой автором проблемы (1 550 публикаций), встречаются наименования нескольких ее разновидностей, о которых авторы говорят исходя из проблематики их области знания. В естественных науках и граничащих с ними областях психологического знания выделяется сенсорная (с подвидами), пищевая, двигательная депривация, депривация сна, эмоциональная и психологическая депривация. В науках гуманитарных – социальная, коммуникативная (куда можно включить информационную), гендерная, семейная, родительская, образовательная, профессиональная, экономическая, экологическая депривация. Словосочетания «жилищная депривация» среди них нет (рис. 2). Иными словами, авторы не выделяют ее в самостоятельный вид. Не изменилась картина и после того, как мы провели самостоятельную процедуру поиска в РИНЦ по словосочетаниям «жилищная депривация», «депривация по жилью», «депривация по жилищным условиям», «депривация потребности в жилье» (с учетом морфологии). При этом тема депривации в контексте обсуждения жилищных условий (и наоборот, тема жилищных условий в контексте обсуждения того или иного вида депривации) возникает часто: было найдено 536 публикаций (5% от общего количества найденных материалов о депривации) с суммарным числом цитирований 968 (6% от общего количества цитирований статей о депривации).

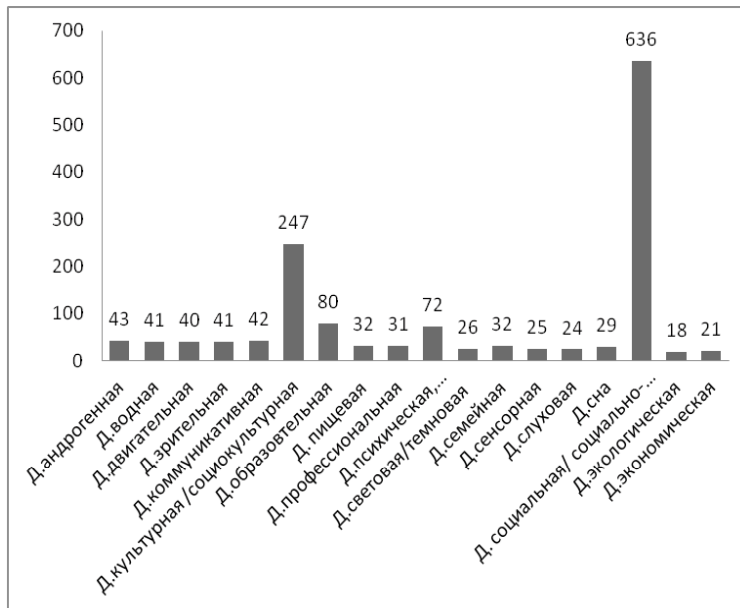

Рис. 2. Частота упоминаний различных видов депривации в составе всех ключевых слов из публикаций в подборке РИНЦ о депривации, ед.

Динамика публикационной активности авторов, пишущих о депривации с учетом состояния жилищной обеспеченности населения и качества жилищных условий, такая же, как и при изучении депривации в целом. Меняется соотношение наук: здесь лидирует социология, на которую приходится и наибольшее количество цитирующих публикаций (рис. 3). Кроме социологии, активный обмен новыми идеями, данными, материалами (отношение количества цитирований к количеству статей) с учетом концепта депривации происходит в истории, философии, экономике.

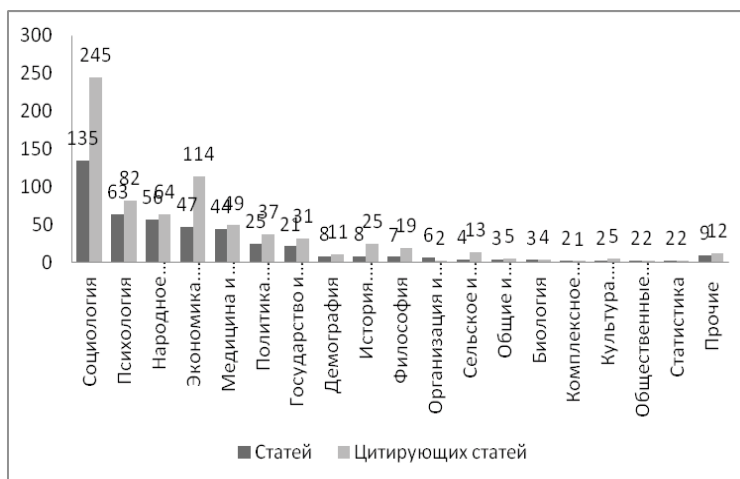

Рис. 3. Соотношение исходных и цитирующих статей в составе публикаций в подборке РИНЦ о жилищной депривации по отраслям знания, ед.

Авторы, занимающие две первые позиции по числу отобранных системой публикаций, – Н.Е. Тихонова (Высшая школа экономики, Москва) и М.С. Астоянц (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону). Обе специализируются на проблемах, формирующих главные доли предметного поля депривации: Н.Е. Тихонова – экономическое неравенство и бедность, М.С. Астоянц – социальное сиротство и искажения социализации в условиях закрытого (интернатного) учреждения, которое в статистических сведениях о жилищных условиях россиян фигурирует в качестве т.н. «институционального жилья». Оба направления, таким образом, пересекаются в теме социальной эксклюзии – причины или следствия депривации.

Но и здесь словосочетание «жилищная депривация» не узואльно, хотя его спорадически употребляет Н.Е. Тихонова [6, 20, 35, 36]. При этом автор, как правило, не рассматривает жилищную депривацию отдельно от проблемы бедности и не дает ей определения. «Во всех рассматриваемых группах бедных выросло <...> число домохозяйств, лишенных личного пространства и снимающих часть квартиры или дома, что также свидетельствует об идущих в их среде процессах люмпенизации – ведь использованная база данных <...> построена с учетом многомерного контроля обеспеченности жильем, и десять лет назад признаки жилищной депривации (не только отсутствие своего жилья, но и проживание в тесноте и т.д., вынуждающие снимать жилье при наличии хоть какого-то собственного) прослеживались в этой группе слабее», – пишет Н.Е. Тихонова в 2008 году, изучая динамику трех слоев бедных, определенных согласно абсолютному подходу, относительно (депривационному) подходу и их пересечению, в котором раскрывается «ядро бедности» [20, с. 23]. Другие приверженцы ресурсного подхода используют выражение «экономическая депривация», или «материальная депривация», и рассчитывают в составе комплексного индекса депривации сводный индекс «лишений, связанных с жилищными условиями» [7], или «домен жилищной обеспеченности» [25].

Возможно, «жилищная депривация» – не более чем авторский окказионализм, позволяющий кратко обозначить сложный комплекс проблем и показателей, связанных с обеспеченностью жильем, его качеством, доступностью жилья, его местоположением и т.д., не прибегая всякий раз к долгим перечислениям. Редкость его использования в литературе может быть закономерным следствием избыточности выделения жилищной депривации в качестве особого феномена, ее ограниченности ролью всего лишь одного из признаков экономической депривации.

Тогда ответ на вопрос о самостоятельности феномена жилищной депривации зависит от наличия или отсутствия у нее специфических признаков, не выводимых прямо из признаков экономической (материальной) депривации как часть из целого, что в свою очередь связано с уровнем согласованности финансового и внефинансовых (в данном случае жилищного) компонентов депривации.

Мы полагаем, что причиной является не отсутствие самого феномена, который следует рассматривать как относительно самостоятельный, а в отсутствии соответствующей отечественной традиции, поскольку за рубежом она довольно четко обозначилась в последнее десятилетие [43]. Эмпирические исследования жилищной депривации мы обнаружили в польской социологической литературе. В частности, в монографии Дария Яроша, профессора Института истории Польской академии наук [45], имеется глава «Депривация жилищных потребностей и массовые социальные процессы» (*Deprywacja potrzeb mieszkaniowych a masowe procesy społeczne*). Соавторы из Испании Луис Айяла и Каролина Наварро в 2004 году опубликовали статью «Многомерные индексы жилищной депривации применительно к Испании» [42], а в 2007 году – «Динамика жилищной депривации» [43]. Ими «обосновывается понятие жилищной депривации как неполноты функционирования этого блага и используется модель латентных переменных, что позволяет преодолеть

традиционные трудности в исследованиях многомерной депривации. Моделирование латентной структуры позволило выявить отдельные показатели жилищной депривации, которые могут быть сгруппированы в единый индекс. Появляется и возможность отнести каждого человека к разным классам в зависимости от уровня и типа лишений. Результаты показывают, что вектор наблюдаемых переменных (наличие горячей воды, отопления, протекающая крыша, сырость стены или пола, гниль в оконных рамах или в полу, переполненность) и корреляции между такими переменными могут быть объяснены одной латентной переменной. Результаты также показывают, что жилищная депривация неравномерно распределена среди населения» [42].

2. Сущность жилищной депривации в естественных и гуманитарных науках: предпосылки концептуализации

В биологии (медицине, психофизиологии) термин «жилищная депривация» не используется вообще, а к анализу депривации обращаются преимущественно в двух случаях: 1) рассматривая процесс функционирования здорового организма в необычных и неблагоприятных условиях измененной пространственно-временной среды; 2) рассматривая генетические и социальные факторы заболеваний, патологий развития, аддикций или, напротив, сбережения здоровья, прежде всего психоэмоционального. В первом случае в предмет входит способность действовать в экстремальных условиях, в том числе сенсорной депривации. Психофизиология здесь смыкается с экспериментальными и прикладными исследованиями в области психологии профессий, инженерной психологии, организационного управления, становясь основой классификации профессий, номенклатуры должностей и профессионально значимых качеств личности [27]. Во втором случае термин «депривация» обозначает отсутствие или ограничение способности видеть, слышать и т.д. вследствие врожденной или приобретенной патологии, то есть как синоним словосочетания «сенсорная депривация», являющаяся фактором иных расстройств [14].

Медики заимствуют из психологии трактовку депривации как особого психоэмоционального синдрома. Так, возможность и необходимость замены стационарной детской хирургии амбулаторной Ю.Г. Дегтярев обосновывает синдромом госпитализма и перечисляет комплекс негативных детских реакций на госпитализацию, которые соответствуют психологической депривации [11, с. 14]. Депривация – эмоциональная, психологическая – процесс, длящееся негативное состояние, субъективная реакция, они противопоставляются вызвавшим их причинам: травме как событию, депривационной ситуации как объективным обстоятельствам. Но возможно и обратное влияние (например, селективная гипотеза психических расстройств у мигрантов [33]).

Возникает понимание множественности деприваций: любая подавляемая потребность выступает не как изолированный фактор дисфункционального состояния, но как взаимосвязанный комплекс расстройств. Одни из них (по аналогии со структурой дефекта в концепции Л.С. Выготского) можно рассматривать как первичные, необратимые (или малообратимые) изменения, вызванные непосредственным воздействием патогенного фактора, чаще биологической природы. Другие – как следствия, обусловленные первичным дефектом, – депривации из-за нарушения социальных контактов, то есть как вторичные, обратимые тем легче, чем позднее они наступили (за исключением возникновения в т.н. «сензитивный период») и чем дальше они отстоят от биологических, генетических, психофизиологических причин [8].

Иллюстрирует эту стадиальность в «накоплении» депривации, в том числе под влиянием жилищных условий, анализ классовых различий в здоровье: «Ресурсы родителей уже сами по себе влияют на качество жизни маленьких детей и создают неравенство между детьми из богатых и бедных се-

мей. Во-первых, от финансовых возможностей родителей зависит то, где и как живет семья. Есть разница, растут ли дети в маленькой, снятой в наем квартире в обедневшем городском квартале или в большом доме с садом в фешенебельном районе <...> различное качество жизни детей из более бедных и более богатых семей значимо и само по себе, но зачастую оно оказывается еще и предпосылкой для дальнейших неравенств <...> родительский выбор жилого района непосредственно влияет на то, из какого социального слоя будут первые друзья их детей. <...> место проживания влияет на выбор школы и на то, какой образовательный уровень будет у школьных товарищей» [12, с. 111-112].

Жилище определяет качество жизни само по себе, и его отсутствие, дефицит, неполнота владения, низкое качество, опасные, неэкологичные материалы, неблагоприятное расположение сами по себе являются компонентами объективной (абсолютной) жилищной депривации, поскольку не позволяют удовлетворять базовые, витальные потребности и наносят прямой ущерб здоровью. Именно этот – первичный – уровень жилищной депривации, с нашей точки зрения, обуславливает ее самостоятельность как биопсихосоциального феномена, и именно медицина обладает наиболее длительной традицией его анализа. Речь идет о социально-гигиенических исследованиях, о комплексе междисциплинарных исследований, которые сегодня называют «экологией человека». Неслучайно в международной классификации болезней 10-го пересмотра в числе эффектов воздействия внешних причин, приводящих к заболеваниям (Т66-Т78), включен раздел Т73 – Проявления других форм неблагоприятного воздействия (депривации). В их числе: Т73.0 – Влияние голода (лишение пищи, голодание), Т73.1 – Влияние жажды (лишение воды), Т73.2 – Истощение вследствие длительного пребывания в неблагоприятных условиях, Т73.3 – Истощение вследствие чрезмерного напряжения сил (перенапряжение), Т73.8 – Другие проявления депривации, Т73.9 – Проявление депривации неуточненное¹.

Становится понятным, почему в медицине термин «жилищная депривация» не употребляется, хотя сам феномен и его признаки рассматриваются часто. Жилищная депривация в естественнонаучной парадигме оказывается объективной, абсолютной и комплексной и в таком качестве может рассматриваться как совокупность частных лишений. Отсутствие чистой питьевой воды, которое включается в число наиболее значимых индикаторов материальной депривации при построении экономических индексов (например, в условиях фавел, проживания в нежилых зданиях и помещениях), дефицит тепла или света (при проживании в подвальных, цокольных помещениях или при экономии на освещении), сенсорная депривация в визуально монотонной и обедненной жилой среде казармы или интерната, конечно, влияют на жителя сильнее, чем аналогичные условия на производстве. Но за исключением постоянства, регулярности и неуловимости воздействия, которыми жилищные условия отличаются от условий рабочего места, биологический эффект световой депривации или депривации сна принципиально не изменит своего качества. Ясно и то, что постоянство и слабость стимулов позволяют квалифицировать жилищную депривацию как «неуточненное воздействие». Психофизиологические проявления субъективной жилищной депривации – негативные эмоциональные состояния, фиксация на тревожных и безнадежных мыслях о неудовлетворительном качестве жилья и бесперспективности будущего, беспокойство и дискомфорт во время пребывания человека дома, (полу)осознанное неприятие жилища как источника плохого самочувствия – независимо от объективно плохого качества жилья медициной могут расцениваться как проявление того или иного типа ойкофобии – фобического тревожного расстройства (F40 по МКБ-10), связанного с боязнью пространств (наиболее известные – агорафобия, клаустрофобия, акрофобия).

¹Классы МКБ-10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkb-10.com/index.php?pid=19313> (дата обращения: 13.12.2016).

Итак, концепт жилищной депривации для естественнонаучной парадигмы попросту избыточен, хотя самому феномену уделяется пристальное внимание, а наиболее продуктивными для понимания его биопсихосоциальной природы являются исследования тесноты как плотности (density) и перенаселенности (crowding).

Как для медиков депривация часто «по умолчанию» есть синоним «сенсорной депривации», так и гуманитариями термин нередко свободно варьируется со словосочетанием «материальная депривация», становясь синонимом «бедности»: «Бедность <...> рассматривается как состояние материальной депривации и определяется различными способами, но чаще всего исходят из минимального стандарта жизнеобеспечения, принятого в обществе. В большинстве государств благосостояния минимальный стандарт включает в себя такие неотъемлемые характеристики жизнедеятельности, как питание и жилье» [32, с. 79].

Такое понимание депривации устойчиво там, где для оценок экономического неравенства применяется «метод лишений» (метод депривации), предложенный П. Таунсендом, где он обозначает любые отклонения от общепринятого жизненного стандарта. При таком подходе появляется возможность количественно оценивать и сравнивать масштабы депривации путем расчета ее коэффициента, или индекса: «Индекс лишения по любой из базовых возможностей человека рассчитывается как доля населения, которая не имеет нормативного уровня обеспечения потребностей, в общей численности потенциальных потребителей таких благ» [31, с. 267]. На основе такого сравнения, критикуя концепцию абсолютной бедности, Н.М. Римашевская отмечает, «что в каждом субъекте Федерации выявляются свои, присущие именно ему, факторы риска бедности, требующие принятия соответствующей социальной программы для преодоления низкого уровня материальной обеспеченности» [30, с. 23]. Указывая на необходимость перехода при определении масштабов бедности и нищеты от критерия прожиточного минимума к критерию минимального потребительского бюджета, обеспечивающего «не только физическое (биологическое), но и социальное воспроизводство человека и семьи» [30, с. 25], Н.М. Римашевская требует учитывать при этом ряд социальных нужд (образование и здравоохранение), а также потребность в минимуме жилищной обеспеченности, особенно в условиях роста расходов на оплату услуг жилищно-коммунального сектора. Но характеристики или упоминания жилищной депривации мы не встречаем и у нее.

Депривация всегда противопоставляется благополучию, что выражается степенью удовлетворенности жизнью, но не тождественно этому показателю, поскольку у депривации есть объективная сторона (подавление потребностей, лишения) и сторона субъективная (депривация связана с фрустрацией и представляет с этой точки зрения сложный симптомокомплекс – синдром) [18]. Кроме чисто субъективной оценки своей ситуации субъектом (удовлетворенность) депривацию следует анализировать и с объективной стороны (качество жизни). Удовлетворенность и качество могут не совпадать. Поэтому применительно к жилью масштаб депривации невозможно приравнять к доле населения с экстремально низкой на фоне популяции в целом удовлетворенностью жилищными условиями.

Категория качества надстраивается над категорией уровня жизни, расширяя ее и усложняя ее структуру за счет включения субъективной составляющей (оценки личностью объективных характеристик ее социального положения) и широкого набора условий жизни, в которых личность пользуется теми или иными благами и ресурсами не только в индивидуальном порядке, но и совместно с другими членами сообщества или группы. Жилищные условия занимают в этом наборе важнейшее место начиная с самых ранних исследований (доклад ООН 1960 г. [38, с. 27]): «В странах Европейского Союза ориентируются на уровень дохода, финансовые различия и степень отказа домашних хозяйств при потреблении (коэффициент депривации), различия в

образовании, здравоохранении, ведении домашнего хозяйства, уровне оказания социальных услуг» [17, с. 6].

Таким образом, качество жизни можно определить как меру удовлетворения разнообразных потребностей; депривацию – как меру их подавления. Возможна депривация и личностей, и социальных групп, в том числе больших. Индивидуальная депривация может возникать ввиду самого факта принадлежности к некой территориально-поселенческой общности (географическое место проживания). Это специально подчеркивает З.И. Калугина, описывая групповую депривацию сельских сообществ из-за отсутствия мест приложения труда и возможности «получать даже минимальный набор социально-бытовых услуг по месту жительства» [13, с. 186].

Тогда процессом, содействующим преодолению макродепривации, будет являться социальная конвергенция территорий, социальная защита отдельных групп. Личность или микрогруппа пытаются компенсировать дефицитный ресурс. Например, Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова показывают, как локальные сообщества восполняют дефицит социально значимых благ и ресурсов [26], в том числе доступ к услугам, практиками трудовой взаимопомощи.

Компенсация может быть как конформной, так и девиантной по форме, как конструктивной, так и деструктивной по своим последствиям, эффективной и неэффективной с точки зрения субъективной личностной удовлетворенности результатами, содействующей или препятствующей общей социальной адаптации субъекта. Отдельные исследователи упоминают социальное поведение, которое выглядит как активный поиск возможности ухудшить свои жилищные условия. Например, речь может идти о стремлении быть помещенными в учреждение социального обслуживания «в результате создавшейся трудной жизненной ситуации, переживаемой многими людьми как тяжелый социально-экономический и социально-психологический кризис» [21, с. 20]. Это вновь говорит об относительности депривации. Во-первых, потому, что одни и те же условия (например, пребывание в интернате) разными людьми переживаются как более или менее дискомфортные. Во-вторых, другими эти же условия могут восприниматься вообще как желательные, удовлетворяя иные подавленные потребности: в бытовом и материальном обеспечении, в защите, в общении. Даже сенсорная депривация или депривация сна, несмотря на весь спектр негативных последствий, включая рост потребности в алкоголе (потребность в гиперактивации поведения и сенсорном насыщении) [10, с. 31], при непродолжительном психотерапевтическом использовании имеет благотворный эффект – тормозящий агрессию и стимулирующий творчество (камеры сенсорной депривации уже вышли на рынок медицинских услуг). В связи с этим Т. Шманкевич выделяет добровольную депривацию, «когда ситуация, при взгляде со стороны определяемая как депрессивная, самими жителями рассматривается не просто как естественная, но и во многом как позитивная, привлекающая неспешным ритмом жизни среди себе равных» [39, с. 204].

Качество жизни личности или группы можно рассматривать как баланс доступных благ, удовлетворенных потребностей и испытываемых лишений в условиях рассогласования статусов, когда «признаки благосостояния могут мирно соседствовать с проявлениями серьезной депривации, что особенно характерно для крайних возрастных групп. Например, проживающая отдельно от родительской семьи молодежь может иметь магнитофоны и мобильные телефоны, но не иметь телевизора или холодильника» [37, с. 122]. Поскольку точкой отсчета оказывается некий культурный стандарт потребления, подчеркивается изменчивость представлений о «нормальной жизни» разных эпох и обществ [30, с. 266]. Получается, что анализ депривации любого вида включает социокультурную составляющую.

3. Объективность жилищной депривации

Трактуя депривации как «лишения и ограничения в общепринятом наборе потребительских благ» [35, с. 32], авторы-социологи одновременно стремятся обозначить унифицированный стандарт, без которого разграничение депривированных и благополучных субъектов вообще обесмысливается. Получается, что культурный стандарт потребления един при неравенстве доступа к благам, которые в него входят, а депривация – объективная ситуация, независимо от природы дефицита.

Обязательно ли значимые блага должны осознаваться как общепринятые? Можно ли считать, что в отсутствии желания получить недоступное нет и депривации? Большинство считает, что да.

Главный признак депривационного состояния у Н.Е. Тихоновой, Н.Н. Давыдовой и других исследователей – устойчивое чувство несправедливости своего положения как на фоне других членов общества, так и на фоне своего собственного положения в динамической перспективе [36]. Именно неизменность неблагополучия на протяжении ряда лет вызывает утрату надежд, чувство бессилия и безысходности. М.Б. Лига выводит границы неблагополучия из сочетания объективных и субъективных индикаторов качества жизни: «Позиция в аспекте «хорошо – хорошо» означает высокий уровень качества жизни. Сочетание критериев «плохо – плохо» образует группу, условно названную «депривация». Группа, в которой объективные жизненные условия оценены «хорошо», а субъективные «плохо», получила название «диссонансная». «Адаптивная» группа населения – в которой объективные жизненные условия оценены «плохо», а субъективная оценка хорошая» [19, с. 45].

Мы, однако, считаем такую схему слишком узкой. Депривация в ней приравнивается исключительно к «ядру эксклюзии», в терминологии Н.Е. Тихоновой [36]. Применительно к жилью это значит, что в схему «впишутся» только бездомные или жители «трущоб» (сочетание абсолютной и субъективной депривации). Теряя параметр депривации относительной, схема не позволит классифицировать положение, например, пенсионеров, имеющих просторное и качественное жилье, требующее избыточных расходов на его содержание или расположенное на депопулированной сельской территории. В обоих случаях пожилой человек испытывает страх и неуверенность в завтрашнем дне («не смогу платить», «скорая не доедет»). Условия интерната, где не позволят ему принимать гостей, поддерживать тот уровень «порядка» или «беспорядка» в помещении, к которому он привык ранее, вообще произвольно менять среду обитания, он может субъективно оценивать как «хорошие». Значит ли это, что депривация отсутствует? Нет, поскольку объективное ограничение в произвольности поведения составляет суть институционального жилья как типа. Возможно, отсутствует фрустрация, если отсутствует запрос, но объективная депривация (например, исключение ролевого варианта «хозяин, принимающий гостей») налицо. И это именно жилищная депривация, то есть такое подавление потребностей, которое детерминировано типом жилья. Если же имеется осознанная потребность в «персонализации» пространства или уединении, то на депривацию живущих в интернате, казарме, общежитии или коммунальной квартире наслаиваются негативные эмоции.

Мы считаем, что депривация имеет место тогда, когда подавление потребности причиняет страдание (субъективная сторона) и имеет вредные последствия (объективная сторона). В нашем примере с пенсионером депривация будет субъективно переживаться сильнее, если до помещения в интернат он был хлебосольным хозяином. Объективно невозможность принимать и(или) посещать гостей сужает круг социальных контактов, становясь ступенью эксклюзии.

Можно ли говорить о жилищной депривации, пусть даже наблюдаются негативные состояния и переживания в условиях субъективно дискомфорт-

ного избытка или дефицита пространства, если сами эти условия выбраны добровольно? Ответ на данный вопрос также вытекает из сказанного выше. Да, если жилищная депривация, абсолютная и относительная, существует объективно, не имеет значения, как ее оценивает человек. «Добровольная депривация» Т. Шманкевич – часть адаптационного процесса. Мигранты, переезжающие из села или других регионов, которые они сочли бесперспективными, в поисках работы или ради качественного образования детей, ради воссоединения с семьей или более высокого культурного потенциала территории-реципиента; студенты, живущие в общежитии, у родственников или снимающие жилье; сезонные работники в период трудовой вахты, безусловно, поддерживают себя мыслью о том, что трудности и неудобства, связанные с жильем, носят временный характер. Но для отдельных категорий населения (в частности, одиноких и социально изолированных групп), сознательное ухудшение жилищных условий (например, обмен жилья с доплатой или добровольное переселение в дом-интернат) становится средством получения доступа к каким-то субъективно более важным благам, которые предоставляют новое место жительства (работа, досуг, общение).

Депривация объективна, если, будучи неосознанной, производит в личности те же изменения, которые производит, если личность осознает факт лишения. Такую ситуацию анализирует М. Астоянц в работе о депривации детства как нарушении «глубинных связей между миром ребенка и миром взрослых, всем остальным окружающим миром» [4, с. 60]. Отсутствие или разрыв широких социальных связей испытывают дети, находящиеся в условиях полной или частичной социальной изоляции и материнской депривации, и синдром госпитализма, который психологи и медики наблюдают у сирот уже в младенческом возрасте [39], как нельзя лучше доказывает наличие универсальных, не зависящих от культурных паттернов «нормальной» социализации, параметров депривации как объективного состояния. В итоге под депривацией ею подразумевается «лишение или недостаточность условий, необходимых для нормальной жизни» [4, с. 60]. Логическим следствием из него является вопрос о том, что не просто считается нормой в какой-то социальной среде в какую-то эпоху, но о том, что является объективной нормой, за пределами которой начинается патология.

Указывая на атрибутивную «привязку» депривации детства к группам социального риска, М.С. Астоянц вместе с тем рассматривает деструктивное воздействие закрытой интернатной социализационной среды независимо от качества человеческого потенциала воспитанников и педагогов. Для нас важно, что среда эта по отношению к воспитанникам выступает еще и как жилища: «...многие из ученых, занимавшихся проблемой депривации <...>, рассматривают ее прежде всего как особое психическое состояние ребенка, возникающее в результате длительного ограничения основных психических потребностей в условиях интернатных учреждений» [4, с. 60]. В числе комплекса черт, свидетельствующих о депривированности ребенка и его семьи, М.С. Астоянц называет постоянный стресс, связанный с непредсказуемостью, сниженной безопасностью, отчужденностью домашней среды. Она цитирует педагогов К. Сборщикову и А. Терентьеву, выделивших три главных фактора депривации детей из наркотизированных семей: отверженность, заброшенность и нарушение границ. Это указывает на важность пространственной организации жилой (домашней) среды и ее способность самостоятельно выступать в качестве мощного дистрессора.

В институциональных условиях интерната к ним добавляются демонстративное поведение, оппозиция, тревожность, сопротивление, хотя при этом снижается отчужденность, растут коммуникативные умения и навыки. Именно коммунальный характер жизни накладывает неизбежный отпечаток на личность ребенка. Драматизм положения ребенка-сироты связан с тем, что весь этот комплекс чаще всего наблюдается одновременно и закладывает модель восприятия себя, пространства и находящихся в нем людей на

всю дальнейшую жизнь. Но ситуация ограничений «потребности в жизненном пространстве» [4, с. 76] характеризует и взрослых людей, испытывающих жилищную депривацию в иных социальных ролях: казарма, общежитие, временка, коммунальная квартира, проживание молодых семей со старшим поколением и пр.

Итак, депривация возникает не только в результате резкого изменения привычной пространственной среды, не только вследствие социального сравнения (которые усугубляют негативное состояние депривированного субъекта, поскольку активизируют когнитивные процессы, связанные с восприятием среды и вынесением ей оценки). Она может присутствовать и у тех, кто с рождения существует в неблагоприятных жилищных условиях, что говорит в пользу ее объективности.

4. Автономность жилищной депривации

Наиболее известной теорией, подтверждающей автономность жилищной депривации по отношению к другим видам материальной, является концепция жилищного класса Д. Рекса, Р. Мура, П. Саундерса и др. Она вытекает из аксиоматичного для современной теории социальной стратификации положения о том, что неравенство основано на множестве измерений, которые совершенно не обязательно должны совпадать. Безусловно, в большинстве случаев и финансовая, и жилищная депривация будут выступать одновременно. Именно глубина и многообразие лишений, их взаимное наложение делают данную проблему настолько острой. Многие исследователи обращают внимание на то, что депривированное по жилью население современной России испытывает именно хроническую депривацию: «Удельный вес числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в общем числе семей остается неизменным на протяжении 2009–2014 гг. и составляет 5%» [41, с. 232].

Но высокий доход при необходимости отдавать его значительную часть на аренду жилья ввиду отсутствия собственного, низкий доход в условиях роста оплаты коммунальных услуг у единственного собственника приватизированной трехкомнатной квартиры как единственного жилья, низкий доход семьи, имеющей «второе жилье», которое можно сдавать в аренду, – это принципиально разные ситуации. Как показывают авторы отечественной монографии, всесторонне рассматривающие взаимодействие жилищного, экономического и социального классов (на примере г. Сыктывкара), для постсоветской России, где основная масса населения получала, а не приобретала жилье, характерна сильная рассогласованность доходов и жилищной обеспеченности, а экономические различия проявляются скорее во внутреннем убранстве квартиры, чем в типе жилища [15]. Эта работа – исключительный в отечественной литературе случай отдельного рассмотрения объективной комплексной характеристики жилищных условий, их субъективной оценки жителями и жилищной депривации как части «жилищного менталитета» обитателей малоценного жилья, которую авторы определяют как «ощущение обделенности» на фоне социального сравнения [15, с. 84]. Жилищная депривация имеет место тогда, когда объективно неудовлетворительные жилищные условия оцениваются как социальная несправедливость: «...отчужденность своего жилищного класса от условий, которые автоматически получают проживающие в других жилищных классах» [15, с. 86].

Значит, следует выделять два уровня жилищной депривации: абсолютная – *недоступность самого жилья* с характеристиками, соответствующими «своему» социально-экономическому классу; относительная депривация – *недоступность только из-за жилья* иных благ или возможностей, доступных «своему» социально-экономическому классу. Обе могут быть только объективными или объективно-субъективными и переживаться более или менее остро.

Первый уровень учитывается и отечественными, и зарубежными исследователями; второй, как мы выяснили, – никем. При построении комплексного индекса депривации тем или иным способом всегда измеряется набор лишений, с которыми субъект сталкивается из-за объективных условий (а не из-за отсутствия соответствующих благ в его «культурном стандарте» потребления). Так, главным показателем качества жилищных условий для Евростата является показатель перенаселенности, который «определяет долю лиц, занимающих перенаселенные жилые помещения, <...> учитываются также <...> иные аспекты жилищной депривации – отсутствие ванны или туалета, текущая крыша или недостаточное освещение жилища. Показатель серьезной жилищной депривации определяется как доля лиц, занимающих жилища, признаваемые перенаселенными, которые дополнительно характеризуются по крайней мере одним из упомянутых выше индикаторов жилищной депривации» [44]. В работе П. Таунсенда набор признаков охватывает не только пространство внутри жилища, но и снаружи (в российском варианте – «внутридомовые» и «придомовые» территории), и тогда обсуждается проблема «инвайронментальной депривации» [46].

В польском статистическом источнике «плохие жизненные условия» характеризуются через объективные признаки размера, качества жилья и прилегающей территории, его субъективную оценку, а также дефицит предметов длительного пользования, дефицит социокультурных практик, связанных с социальными и духовными потребностями, например: *Отсутствие денег на замену обветшавшей мебели, Нет доступа в Интернет по финансовым причинам, Нет стиральной машины, Домохозяйство не может себе позволить хотя бы раз в месяц пригласить родных или друзей на обед, ужин или другое угощение* и т.д. [47, s. 57]. Учет аналогичных аспектов, характеризующих благоприятность или неблагоприятность жизненных условий мы встречаем и в серии работ Н.Е. Тихоновой, посвященных оценке глубины бедности и эксклюзии. Общей чертой методик является измерение лишений, вызванных отсутствием денег.

Но по ряду позиций правомерно фиксировать не только финансовые, но и жилищно обусловленные лишения: мебель и бытовая техника «съедают» жизненное пространство; доступ в Интернет может отсутствовать во всем поселке, деревне и т.д. Учет и финансовых, и внефинансовых источников лишений уточнил бы и общую картину бедности, и общую картину жилищной обеспеченности, и поле их пересечения. Если человек не может стирать белье вовремя и в нужном количестве, его санитарно-гигиенические потребности подавлены. Подавление из-за нехватки денег на покупку стиральной машины – финансово-экономическая депривация. Если деньги есть, но нет возможности разместить в общей кухне или ванной коммунальной квартиры собственную стиральную машину, это жилищная депривация. Если в этих же условиях нет денег на регулярное использование услуг прачечной, это поле пересечения экономической и жилищной материальной депривации или, в терминологии Н.Е. Тихоновой, «ядро эксклюзии». Если в коммунальной квартире нет ванной, которая позволила бы самостоятельно стирать белье вручную, это дополнительный признак жилищной депривации, который вместе с предыдущим определяет ее глубину.

С точки зрения психоэмоционального состояния автономность феномена жилищной депривации по отношению к уровню жизни очевидна. Жилище как среда обитания, как продолжение и выражение «Я» человека не менее важно, чем жилище как особый экономический ресурс. М.В. Осорина связывает начало исследований роли домашнего пространства для личностной идентичности с именем американского психолога У. Джеймса. У. Джеймс «в конце XIX века был первым, кто обнаружил, что для понимания личности важно оценить, что именно в этом мире человек считает «собой» <...>. Для описания структуры личности Джеймс ввел понятия «материального Я», «социального Я» и «духовного Я». <...> В пределы собственного материально-

плотского «Я» многие взрослые люди включают <...> и дом со всем содержанием. <...> Людями границы территории переживаются, прежде всего, как пределы владений и зоны личного или группового влияния» [26]. Субъективную сторону жилищной депривации последовательно разрабатывает (не используя соответствующего словосочетания) С.К. Нартова-Бочавер (ВШЭ, Москва). В ее работах о психологической суверенности неприкосновенность тела, территории и вещей – залог личностной непрерывности, защищенности, базового доверия к миру [24]. Ею же внедрена релевантная для изучения социально-психологической стороны жилищной депривации методика «оценки дружественности жилища» [23]. Она позволяет учесть не только степень удовлетворенности основных потребностей (такую методику, разработанную Д.Я. Райгородским, успешно применяла А.В. Крылова, моделируя на основе оценки множественной депривации разноуровневых потребностей студентов благоприятную культурно-образовательную среду вуза [16]), но и образ жилья, включая эмоциональные характеристики его функциональных возможностей, описываемых четырьмя комплексными шкалами: Прагматичность, Развитие, Стабильность, Защищенность.

Выводы

На вопрос о том, существует ли жилищная депривация как самостоятельный феномен, мы считаем возможным дать ответ: «Да, существует». Этот феномен комплексный, включающий социоэкономический, социально-психологический и социокультурный компоненты, и даже психофизиологический синдром.

Методологически его самостоятельность обосновывается: в естественных науках – фобическими расстройствами и пограничными состояниями, связанными с пространством; в социальных науках – концепцией «жилищного класса».

В естественнонаучной картине мира феномен жилищной депривации давно занял прочное место и хорошо изучен как предиктор ухудшения соматического и психического здоровья. Вместе с тем его осмысление осуществляется путем аналитического дробления патогенных компонентов среды, качество которых не меняется в зависимости от социальных функций, которые осуществляются в данной среде (жилые, производственные, досуговые и пр.), и потому обособления концепта не происходит.

В социальных науках неблагоприятные жилищные условия, пространство домашней жизненной среды традиционно выделяются как часть условий, конституирующих бедность и нищету, или как дополнительные факторы, сопутствующие дистрессоры социальной депривации групп, живущих в режиме многомерного и постоянного социального исключения. Поэтому отдельные составляющие жилищной депривации в социологической и психологической литературе достаточно подробно описаны, но сам комплекс почти не привлекал внимания отечественных исследователей и мало изучен западными.

Концепт жилищной депривации еще не сформирован; его специфика, внутренние составляющие и связи между ними, условия, при которых неудовлетворенность перетекает в устойчивую депривацию, краткосрочные и долгосрочные эффекты не определены. Он требует четкой операционализации в ряду: объективная депривационная ситуация – объективные последствия для человека на организменном и личностном уровне – осмысление ситуации – осмысление последствий – способы преодоления/компенсации и их доступность. В качестве перспективы дальнейших исследований это ставит вопрос о тех типах депривационных ситуаций, в которых жилье является терминальной или инструментальной ценностью, о компонентах качества окружающей среды, которые способны компенсировать неудовлетворенность жилищными условиями.

Литература

1. Авчинникова, С.О. Деятельность специалиста социальной работы по формированию здорового стиля жизни клиентов: анализ содержания и функций [Текст] / С.О. Авчинникова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2010. – Т. 3. – № 2. – С. 61–70.
2. Айзман, Р.И. Возрастные особенности интеграции механизмов регуляции водно-солевого гомеостаза в онтогенезе человека [Текст] / Р.И. Айзман // Новые исследования по возрастной физиологии. – 1982. – № 2. – С. 62–68.
3. Антипенко, З.З. Вахтовый метод работы: современные реалии, проблемы, перспективы (на примере нефтегазовой отрасли) [Текст] / З.З. Антипенко, В.В. Коробейников, В.М. Быков // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2013. – № 1. – С. 20–24.
4. Астоянц, М.С. Дети-сироты в России: личностные характеристики ребенка в условиях депривации [Текст] / М.С. Астоянц // Вестник Евразии. – 2004. – № 3. – С. 58–88.
5. Бармасов, А.В. The biosphere and the physical factors. Light pollution of the environment [Текст] / А.В. Бармасов, А.М. Бармасова, Т.Ю. Яковлева // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. – 2014. – № 33. – С. 84–101.
6. Бедность и бедные в современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2014. – 304 с.
7. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению [Электронный ресурс] / М.А. Можина [и др.]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19177274/>; <http://studik.net/zhile-imushhestvo-i-deprivaciya-2> (дата обращения: 14.02.2017).
8. Беседина, М.В. Образовательная среда как фактор эмоциональной депривации, влияющей на соматическое здоровье подростков [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... к.пс.н. / М.В. Беседина. – МГППУ, 2004. – Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/disers/besedina/BESEDINA.HTM> (дата последнего обращения: 11.12.2016).
9. Бодров, В.А. Работоспособность человека-оператора и пути ее повышения [Текст] / В.А. Бодров // Психологический журнал. – 1987. – Т. 8. – № 3. – С. 107–117.
10. Влияние социально-демографических и личностных факторов на мотивы употребления алкоголя у подростков и молодых людей мужского пола [Текст] / А.В. Копытов [и др.] // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2012. – № 2 (38). – С. 30–33.
11. Дегтярев, Ю.Г. Возможности амбулаторной хирургии в детском возрасте [Текст] / Ю.Г. Дегтярев // Медицинский журнал. – 2015. – № 3 (53). – С. 13–18.
12. Зидлик, М. Воспроизводство социального неравенства в биографиях [Текст] / М. Зидлик // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива ; под ред. В. Воронкова, М. Соколова ; пер. с нем. К. Тимофеевой. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 111–122.
13. Калугина, З.И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий [Текст] / З.И. Калугина // Регион: Экономика и Социология. – 2007. – № 1. – С. 186–198.
14. Кокорева, Е.Г. Влияние различных видов депривации на развитие детского организма [Текст] / Е.Г. Кокорева, Е.В. Елисеев // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12–2. – С. 279–287.
15. Кротов, П.П. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели [Текст] / П.П. Кротов, М. Буравой, Т.С. Лыткина. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО Российской АН, 2003. – 99 с.
16. Крылова, А.В. Преодоление депривации у студентов в образовательном процессе [Текст] / А.В. Крылова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 4. – С. 133–139.
17. Ларина, Т.Н. Обоснование системы статистических показателей качества жизни сельского населения [Текст] / Т.Н. Ларина // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. – 2014. – № 2. – С. 3–9.

18. Левитов, Н.Д. Фрустрация как один из видов психологических состояний [Текст] / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. - 1967. - № 6. - С. 118-129.
19. Лига, М.Б. Социологическое исследование качества жизни населения [Текст] / М.Б. Лига // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. - 2008. - № 2. - С. 40-45.
20. Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? [Текст] // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН / под общ. ред. М. Горшкова и Н. Тихоновой. - 2008. - № 5. - С. 4-80.
21. Морозова, Е.В. «Школа социальной жизни» как перспективная психосоциальная реабилитационная технология [Текст] / Е.В. Морозова // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. - 2012. - № 3. - С. 19-26.
22. Наберушкина, Э.К. Доступность городской среды для инвалидов [Текст] / Э.К. Наберушкина // Социологические исследования. - 2010. - № 9. - С. 58-64.
23. Нартова-Бочавер, С.К. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. - 2015. - № 4. - Т. 36. - С. 71-83.
24. Нартова-Бочавер, С.К. Психологическое пространство личности [Текст] : монография / С.К. Нартова-Бочавер. - М. : Прометей, 2005. - 312 с.
25. Овчарова, Л.Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д.э.н. / Л.Н. Овчарова. - М., 2011. - Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2001297-p5.html> (дата обращения: 14.02.2017).
26. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых [Электронный ресурс] / М.В. Осорина. - Режим доступа: <http://экоферачеловека.рф/d/399698/d/m.v.-osorinasekretnyy-mir-detey.pdf> (дата обращения: 16.02.2017).
27. Проект единой классификации профессий гражданской и военной сфер деятельности и номенклатуры профессионально важных качеств специалистов [Текст] / Г.М. Зараковский [и др.] // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. - 2004. - № 2. - С. 19-31.
28. Психосоциальные факторы как предикторы нарушений психической адаптации у лиц, занятых стрессогенной профессиональной деятельностью [Текст] / Л.И. Вассерман [и др.] // Сибирский психологический журнал. - 2008. - № 29. - С. 47-52.
29. Реутов, Е.В. Сети взаимопомощи в региональном сообществе [Текст] / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова // Регион: Экономика и Социология. - 2011. - № 2. - С. 137-157.
30. Римашевская, Н.М. Социальные нормативы как государственные гарантии в условиях финансово-экономического кризиса [Текст] / Н.М. Римашевская // Уровень жизни населения регионов России. - 2009. - № 10-11. - С. 23-31.
31. Сидорчук, И.Б. Критерии бедности и показатели ее определения [Текст] / И.Б. Сидорчук // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. - 2009. - Т. 22 (61). - № 2. - С. 260-271.
32. Сизова, И.Л. Бедность и борьба с бедностью в государствах благосостояния: современное состояние и перспективы [Текст] / И.Л. Сизова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. - 2007. - № 2. - С. 78-85.
33. Слободенюк, Е.Д. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях [Текст] / Е.Д. Слободенюк, Н.Е. Тихонова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. - 2011. - № 33. - С. 5-27.
34. Смирнова, Д.А. Психозы (шизофрения) через призму феномена миграции [Текст] : по материалам XXII Европейского конгресса психиатрии (1-4 марта 2014 г., Мюнхен, Германия) / Д.А. Смирнова // Психиатрия и психофармакотерапия. - 2014. - Т. 16. - № 5. - С. 4-20.
35. Тихонова, Н.Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества [Текст] / Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова, И.П. Попова // Социологические исследования. - 2004. - № 6. - С. 120-130.

36. Тихонова, Н.Е. Феномен городской бедности в современной России [Текст] / Н.Е. Тихонова. - М. : Летний сад, 2003. - 408 с.
37. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России [Текст] / Н.Е. Тихонова // Мир России. - 2003. - № 1. - С. 36-84.
38. Чугунова, Н.В. Уровень жизни населения Белгородской области в изменяющейся России. Доходы населения в контексте уровня жизни [Текст] / Н.В. Чугунова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2006. - № 1. - С. 27-33.
39. Шманкевич, Т.Ю. На краю города: от различий к сегрегации [Текст] / Т.Ю. Шманкевич // Вестник Евразии. - 2003. - № 4. - С. 185-206.
40. Шутилина (Корнева), А.А. Формирование сенсорной и двигательной депривации у воспитанников детских домов как предпосылка антивитального поведения [Текст] / А.А. Шутилина (Корнева), К.В. Терре, О.А. Сагалакова // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. - 2015. - № 4-2. - С. 66-68.
41. Экономика недвижимости / сост. И.В. Чижанькова, Н.В. Булей, Н.Ф. Бондалетова. - М. : Перспектива, 2016. - 324 с.
42. Ayala L. Multidimensional indices of housing deprivation with application to Spain [Text] / L. Ayala, C. Navarro. - URL: http://econpapers.repec.org/paper/hpewpaper/y_3a2004_3ai_3a12.htm (date of access: 16.12.2016).
43. Ayala, L. The dynamics of housing deprivation [Text] / L. Ayala, C. Navarro // Journal of Housing Economics. - № 16. - 2007. - P. 72-97.
44. Dane statystyczne dotyczące mieszkalnictwa. - URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Housing_statistics/pl#Jako_C5.9B.C4.87_mieszka.C5.84 (date of access: 15.02.2017).
45. Jarosz, D. Mieszkanie się należy ... Studium z peerelowskich praktyk społecznych [Text] / D. Jarosz. - Warszawa : ASPRA-JR, 2010. - 388 s.
46. Townsend, P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of Household Resources and Standards of Living [Electronic resource] / P. Townsend. - Harmondsworth : New York; Victoria; Ontario; Auckland; Penguin Books Ltd, 1979. - URL: <http://www.poverty.ac.uk/system/files/townsend-book-pdfs/PIUK/piuk-whole.pdf> (date of access: 21.11.2016).
47. Ubóstwo w Polsce w świetle badań GUS. - Warszawa : Zakład wydawnictw statystycznych, 2013. - 72 s.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.23

М.Х. ИШКИНИНА

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПЕРЕД РАБОТНИКАМИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

М.КН. ISHKININA

**SOCIAL RESPONSIBILITY OF ORGANIZATIONS
TO EMPLOYEES: FORMATION FACTORS
AND REALIZATION FEATURES
IN PRESENT-DAY CONDITIONS**

В статье представлен анализ факторов, определяющих формирование и развитие социальной ответственности организаций перед работниками. На основе эмпирических данных исследован уровень современного состояния и особенности реализации организациями социальной ответственности, выявлены проблемы, сдерживающие ее повышение в современных условиях.

The analysis of factors determining formation and development of social responsibility of organizations to employees is presented in the article. The present situation level and features of organizations realization of social responsibility has been researched on the empirical data. The problems preventing its increase in present-day conditions are also identified.

Ключевые слова: социальная ответственность, социальная ответственность организаций перед работниками, социальное партнерство, государственное регулирование социально-трудовых отношений, договорное регулирование социально-трудовых отношений, социальная отчетность, социальная политика.

Key words: social responsibility, social responsibility of organizations to employees, social partnership, state regulation of social-labor relations, contractual regulation of social-labor relations, social accountability, social policy.

В современных условиях интенсификация рыночных отношений расширение и углубление мировых хозяйственных связей предъявляют хозяйствующим субъектам повышенные требования в области подготовки квалифицированных кадров, обеспечения их социальных потребностей и создания достойных условий для трудовой деятельности и воспроизводства человеческого капитала. Сказанное представляет наибольшую актуальность для производственных организаций, обеспечивающих потребности реальной экономики и одновременно являющихся наравне с государством важным субъектом социальной политики в масштабах всей социоэкономической системы.

Проблемы социальной ответственности бизнеса, организаций, крупных транснациональных корпораций являются предметом изучения различных наук: экономики, социологии, философии, юриспруденции, этики, в рамках каждой из которых рассматриваются особенности ее формирования и проявления.

С каких бы позиций не рассматривалась категория «социальная ответственность», обоснована необходимость ее реализации как непереносимое условие достижения социально-экономической устойчивости и общественного развития. Необходимо отметить комплексность применяемых научных подходов к исследованию проблем ответственности хозяйствующих субъектов. Так, ответственность как философская категория возникает на основе зависимости субъекта от иных взаимодействующих сторон, как этическая – представляет собой важное нравственное внутреннее качество индивида, обеспечивающее его личностное совершенствование, с точки зрения пра-

ва ответственность характеризуется позитивной и негативной сторонами в соответствии с необходимостью соблюдать установленные правовые нормы и нести определенное наказание в случае отклонения и их невыполнения. С позиции экономической науки утвердилось понятие корпоративной социальной ответственности, предполагающей добровольное принятие и выполнение организациями обязательств как в рамках законодательства, так и за его пределами перед внутренними и внешними заинтересованными сторонами [15, с. 22-25].

Социология оперирует деятельностным подходом в изучении данного феномена, определяя его формирование на основе взаимодействия и взаимозависимости индивидов: «...взаимодействие людей существует всюду, где один или одни люди влияют на поведение других или другого; и наоборот, взаимодействия нет, если поведение одного или одних людей не зависит от поведения другого или других» [10, с. 19]. В процессе осуществления хозяйственной деятельности социальная ответственность возникает и проявляется у организации по отношению к многочисленным субъектам взаимодействия, среди которых – государство в лице налоговых и надзорных структур, внебюджетных фондов, потребители, партнеры, поставщики, средства массовой информации, местное сообщество. Одной из главных сторон, по отношению к которой у организации формируется внутренний вид ответственности, являются работники, благодаря которым реализуется производственный процесс.

В современных условиях формирование социальной ответственности организаций перед работниками определяется особенностями рыночных условий хозяйствования. Высокая степень либерализации социально-трудовых отношений и минимальное участие в нем государства предъявляют повышенные требования организациям в области проявления социальной ответственности перед работниками. Для организаций работники являются ключевой стороной взаимодействия, влияющей на эффективность их деятельности. Об этом свидетельствует идентификация персонала в данном качестве 96,6% респондентами-работодателями. Кроме того, 94,8% организаций характеризуют работников наиболее подверженными влиянию их деятельности [2, с. 45].

Однако социальная ответственность организаций большинством работников оценивается как недостаточная для развития и воспроизводства их трудового потенциала: по результатам социологического исследования «Трудовые ресурсы, занятость и человеческое развитие», проведенного Академией наук Республики Башкортостан (при участии автора), 62,9% опрошенных считают, что сегодня работодатель не несет перед ними никакой ответственности, 82,3% – что трудно найти работу с достойной заработной платой, безопасными условиями труда и хорошим социальным пакетом [17, с. 161].

Формирование социальной ответственности во многом определяется нормативным пространством, создаваемым государством в сфере социально-трудовых отношений. Многоуровневость регулирования социально-трудовых отношений включает регулирование на международном уровне специализированными организациями, определяющая роль среди которых принадлежит Международной организации труда, на национальном – на уровне Российской Федерации (федеральные законы, кодифицированные акты, постановления и распоряжения Правительства РФ и др.), на региональном (законы и нормативные правовые акты субъектов РФ) и локальном (нормативные правовые акты на уровне организации) и предполагает возможность адаптации соответствующих правовых инструментов регламентации социальной ответственности к социально-экономическим и политическим условиям конкретной территориальной единицы, а также расширение содержания имеющихся нормативных установок на нижестоящих уровнях с учетом приоритетности вышестоящих. Что, в частности, относится к содержанию коллективного договора как важнейшего инструмента регламентации социальной ответственности

ности перед работниками, ориентированного на конвенции и рекомендации МОТ, положения трудового законодательства Российской Федерации, и вместе с тем учитывающего особенности финансово-экономической деятельности организации, ее кадрового потенциала, социальной ориентации.

Основной проблемой, препятствующей повышению социальной ответственности, является отсутствие системы стимулирующих механизмов, установленных законодательной и нормативно-правовой базой, прежде всего в рамках налогового законодательства, способных поддержать организации с высокой социальной нагрузкой и мотивировать остальных на подобную деятельность. К сожалению, социальная ответственность не получила должного признания и институционализации в российской практике. Несмотря на имеющиеся подвижки в области развития методической базы социальной ответственности, предпринимаемой Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, ее региональными структурами, Ассоциацией менеджеров России, Российским союзом промышленников и предпринимателей, ее регламентация продолжает носить рекомендательный добровольный характер, как и механизм предоставления нефинансовой отчетности. Это не означает, что российские организации не проявляют социальную ответственность, зачастую крупные государственные корпорации должным образом реализуют социально ответственную политику по отношению к своим работникам. Данный факт сдерживает ее развитие на большинстве крупных и средних производственных организаций, не говоря о малом предпринимательстве, для которого вопросы расширения социальной ответственности перед работниками представляются противоречащими их основной хозяйственной деятельности.

Отдельные точечные мероприятия для стимулирования руководства организаций к повышению социальной ответственности предпринимаются на уровне государственных структур. Так, принятый в 2013 году Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» предусматривает изменение в сторону уменьшения страхового тарифа для уплаты в Пенсионный фонд России для организаций, занимающихся улучшением условий труда. Однако, как отмечают представители Федерации независимых профсоюзов России, методические недостатки данного закона позволяют руководству «законно» завышать уровень оценки условий труда для уплаты пониженных процентов [6].

Одновременно недостаточно эффективными представляются санкционные инструменты воздействия на недобросовестных руководителей. Низкие размеры штрафов порой позволяют руководству организаций порой игнорировать установленные нормы в сфере труда, о чем свидетельствуют многочисленные нарушения прав работников, выявленные в ходе проверок организаций контрольно-надзорными органами. Это касается, в первую очередь, обеспечения безопасных условий труда на рабочем месте, своевременной и в полном объеме выплаты заработной платы, организации режима работы и отдыха, выполнения пунктов коллективного договора и др. (табл. 1 (**источник:** сост. автором по: [5])).

Эти данные коррелируют с результатами социологического опроса «Трудовые ресурсы, занятость и человеческое развитие»: 60% работников отметили, что условия их труда не изменились и ухудшились, у 51,1% заработная плата осталась прежней или сократилась, у 30,3% заработная плата немного выросла, но они этого повышения не ощутили. Вразрез положениям Трудового кодекса 21,2% работников задерживалась заработная плата, 10,2% – выплачивалась не полностью, 5,7% – выдавалась товарами, продукцией [4, с. 314].

Согласно данным Роструда, в 2014 году фактическая продолжительность рабочей недели соответствовала законодательно установленной для 85,1% занятых по основному месту работы (от 31 до 40 часов), для 4,9% она составляла от 41 до 50 часов, для 1,9% – от 51 и более [14].

Сведения о количестве проведенных контрольно-надзорными органами проверок и выявленных нарушений в сфере труда в 2016 году

<i>Наименование показателя</i>	<i>Значение показателя, ед.</i>	<i>Итого (в %)</i>
Общее количество проверок	136064	-
Общее количество нарушений	478929	100
из них по вопросам:		
коллективных договоров и соглашений	2958	0,6
трудовых договоров	58680	12,3
рабочего времени и времени отдыха	19332	4,0
оплаты и нормирования труда	112226	23,4
гарантий и компенсаций	15332	3,2
проведения медицинских осмотров работников	21688	4,5
обучения и инструктирования работников по охране труда	51379	10,7
обеспечения работников средствами индивидуальной защиты	28331	5,9
соблюдения установленного порядка проведения оценки условий труда на рабочих местах	15768	3,3
расследования, оформления и учета несчастных случаев на производстве	9247	1,9
по другим вопросам	143988	30,2

По данным исследования Агентства «Контакт», по 35–40 часов в неделю трудится лишь четверть опрошенных, у 38% 9-часовой рабочий день, 29% трудятся по 10–12 часов в день, 3% – более 60 часов в неделю. Кроме того, 29% опрошенных работников выполняют сверхурочную работу регулярно, 18% – раз в неделю, 13% – раз в месяц. При этом повышенную оплату труда получают лишь 12% опрошенных, 75% ее не имеют [9, с. 58].

Вразрез трудового законодательства 51,1% работников задерживаются на работе по вечерам, 14,2% – работают сверхурочно без оплаты. Половина опрошенных работников (50,6%) работают в выходные дни [17, с. 314]. О грубейшем нарушении Трудового кодекса Российской Федерации свидетельствуют факты, когда несовершеннолетние работают наравне со взрослыми (имеется ввиду продолжительность рабочего дня), а их труд предприятие оплачивает как за неполный рабочий день.

Предприятия часто не учитывают особенности организации режима работы для отдельных категорий работников: продолжительность рабочего дня для несовершеннолетних, беременных женщин, а также порядок предоставления отпусков им и лицам, занятым на работах с вредными и опасными условиями труда [3, с. 3].

Аналогична ситуация во внепроизводственной сфере отношений: 72,4% работников ни разу не обучались на курсах повышения квалификации по своей специальности, 88,0% – на другую специальность, 71,6% – не проходили обучение по месту работы. Недостаточно развитой представляется социальная поддержка работников организаций: негосударственным пенсионным обеспечением охвачены лишь 16% опрошенных, добровольным медицинским страхованием – 30,8%, медицинским обслуживанием – 38,3%. Только 14,5% работникам организации оплачивают проезд до места работы и питание, 8,7% – предоставляют дотации на отдых, 3,2% – займы на приобретение жилья, 3,8% – оплачивают занятия спортом [17, с. 198].

Сказанное дает основание характеризовать в целом уровень социальной ответственности организаций как низкий, не обеспечивающий основополагающие трудовые права работников и вместе с тем недостаточный для воспроизводства и развития человеческого капитала.

Разумеется, отдельные крупные государственные производственные организации, акционерные общества с участием государства несут повышенные социальные обязательства перед своими работниками. Например, на предприятиях Республики Башкортостан наработана практика предоставления работникам социальных льгот и гарантий, выходящих за пределы законодательства.

Для занятия спортом сотрудников, членов их семей, детей из близлежащих районов республики в ООО «Газпром трансгаз Уфа» функционируют 11 спортивно-оздоровительных комплексов, построено 11 открытых хоккейных площадок. Осуществляет деятельность собственный лечебно-диагностический центр, укомплектованные современным оборудованием медицинские пункты. Реализуются программы льготного ипотечного кредитования, в соответствии с которыми работникам и пенсионерам предоставляются дотации на возмещение процентов по ипотеке [12].

ПАО «Уфимское моторостроительное производственное объединение» предоставляет сотрудникам карту социального пакета (дополнительно выделяемые средства для каждого работника объединения, которые по своему усмотрению можно использовать для оплаты услуг санатория-профилактория, услуг спортивного клуба им. Н. Гастелло, Дворца культуры «Моторостроитель»), бесплатные комплексные обеды, путевки в санатории-профилактории, детские оздоровительные лагеря, реализует программы ипотечного кредитования [13].

АО «Транснефть-Урал», учитывая географическую удаленность филиалов и неравноценный уровень медицинского обслуживания в населенных пунктах, ежегодно организует расширенные лабораторно-диагностические медицинские обследования с выездом высококвалифицированных специалистов. В рамках программы медицинского обслуживания работает передвижной стоматологический кабинет и диагностическая лаборатория. Для занятий физической культурой и спортом работников предприятие арендует спортивные залы, предоставляет сотрудникам путевки для оздоровления в санаторно-курортных учреждениях Республики Башкортостан, Челябинской и Курганской областей, Черноморского побережья, детям сотрудников – в детские оздоровительные центры.

Вместе с тем уровень удовлетворенности работников такими направлениями трудовой деятельности как условиями труда, режимом работы, профессиональными возможностями превышает 50-70% (табл. 2 (источник: сост. автором по: [17, с. 127])). Низкая удовлетворенность оплатой труда во многом обусловлена психологическими причинами. Кроме того, многочисленные исследования подтверждают приоритет фактора размера заработной платы в вопросах трудоустройства: для 32% опрошенных намерение сменить работу определяется низкой оплатой труда против 7% – плохими условиями и организацией труда [7].

Таблица 2

**Удовлетворенность работников отдельными направлениями
трудовой деятельности, в % к числу опрошенных**

Вариант ответа	Наименование направлений			
	Оплата труда	Условия труда	Режим труда	Профессиональные возможности
Вполне удовлетворен	23,6	63,8	72,5	56,1
Не вполне удовлетворен	49,7	29,0	22,6	34,1
Совсем не удовлетворен	23,1	5,9	3,9	6,8
Затрудняюсь ответить	3,6	1,4	1,0	3,0

В целом данное противоречие обусловлено, на наш взгляд, низкими требованиями самих работников к организации производственного процесса и отдельных его аспектов, согласных в условиях социально-экономической нестабильности работать на любых предлагаемых руководством организаций условиях. Это подтверждается результатами опроса, в ходе которого 66,6% работников считают, что на сегодняшний день трудно устроиться на работу в соответствии с Трудовым кодексом, 83,5% – трудно найти работу по специальности [17, с. 161].

Специалистами по корпоративной социальной ответственности отмечается, что отечественные компании в большинстве реализуют базовые модели социальной ответственности в рамках закона. Выполнение же сверх установленных социальных обязательств перед работниками является зачастую разовым мероприятием, не интегрированным в общую стратегию организации и преследующим цель повышения лояльности властей в лице государственных структур [18, с. 107–110].

В современных условиях возрастает значимость инструментов социального партнерства, основанных на договорном принципе регулирования деятельности сторон трудового взаимодействия, устанавливающих их права и обязанности посредством конструктивного сотрудничества в переговорном процессе. Это относится к повышению роли деятельности трехсторонних комиссий на федеральном, региональном, территориальном уровнях, повышению эффективности коллективного договора как инструмента поддержки интересов наемных работников, усилению позиций профессиональных союзов. Стоит отметить, что отсутствие их законодательной инициативы на федеральном уровне, зависимость от руководства на локальном уровне не позволяет должным образом реализовывать деятельность по представительству и защите социально-трудовых прав работников. Незрелость договорных инструментов подтверждается сокращением охвата работников коллективными договорами с 76,4% в 2009 году до 67,9% в 2013 году. Более 400 тыс. работников предприятий остаются вне действия коллективных договоров. Известно, что они отсутствуют на большинстве малых и средних предприятий, у индивидуальных предпринимателей, предприятий частной и смешанной форм собственности, где не сформированы представительные органы работников [1].

Снижается уровень доверия работников к профсоюзам: более 70% работников отметили, что профсоюзы играют все меньшую роль в организациях [17, с. 161]. В результате за 2011–2015 годы профсоюзное членство в Республике Башкортостан снизилось на 203,7 тыс. человек, или на 25%, количество первичных профсоюзных организаций уменьшилось на 1063 единицы [16, с. 5].

Соответствующие проблемы в виде несформированности на муниципальном уровне в слабой интеграции в систему представительства интересов работодателей также сдерживают развитие социального партнерства на жесточайших уровнях социально-трудовых отношений [8, с. 10].

К факторам, определяющим развитие социальной ответственности в современных условиях, является также деятельность СМИ, государственных надзорных структур, способных придать огласке факты нарушений организаций в трудовой сфере либо, наоборот, поделиться успешной практикой социально ориентированной деятельности организаций.

Развитие социальной ответственности определяется также институционализацией социальной отчетности. На сегодняшний день приняты многочисленные стандарты и руководства в области социальной ответственности и отчетности (Глобальный договор ООН, Social Accountability 8000, ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности», руководство по социальной отчетности GRI, ICCSR-08260008000 (CSR) и др.), носящие рекомендательный характер [4, с. 28–29].

Институционализация обязательной к применению социальной (нефинансовой) отчетности для организаций с учетом их отраслевой специфики, размеров, организационно-правовых форм, подкрепленная механизмами мониторинга и контроля, по нашему мнению, могла бы положительно отразиться на развитии социальной ответственности организаций.

Рассмотренные факторы условно можно определить как внешние, связанные с организационными, институциональными, экономическими и правовыми условиями развития социальной ответственности. Кроме них наиболее значимым представляется такой внутренний фактор, как моральные качества современных руководителей, оказывающий не меньшую значимость на ее развитие. Речь идет прежде всего об их честности, порядочности, справедливости, самоидентификации с трудовым коллективом, заботе о нем, чувстве долга перед работниками за повышение качества их трудовой жизни, обеспечение достойных условий труда, справедливой заработной платы, развитие их профессиональных качеств и поддержку в социально-бытовой сфере. Необходимо отметить, что социально-экономические реформы переходного периода на фоне утверждения рыночной идеологии во многом способствовали утрате данных качеств большинством руководителей организаций, когда на первый план вышли личные интересы по повышению прибыли любыми способами, нередко реализуемые в ущерб интересам и социальным потребностям работников.

Таким образом, дальнейшее развитие социальной ответственности организаций перед работниками представляется возможным благодаря совместным усилиям основных субъектов труда: государства, профсоюзов и организаций в лице их представителей, способным создать институциональные условия для повышения социальной ответственности, стимулировать руководителей к соблюдению и расширению социальных обязательств перед работниками, а также укрепить позиции представительных органов работников по защите их социально-трудовых прав.

Литература

1. Выступление министра труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Л.Х. Ивановой на заседании РТК по регулированию социально-трудовых отношений «О состоянии коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений в республике» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://mintrudrb.ru/press/reports/4401> (дата обращения: 17.05.2017).
2. Доклад о социальных инвестициях в России – 2014: к созданию ценности для бизнеса и общества [Текст] / Ю.Е. Благов [и др.]; под общ. ред. Ю.Е.Благова, И.С. Соболева. – СПб. : Авторская творческая мастерская (АТМ Книга), 2014. – 144 с.
3. Новицкая, Н. Нарушений меньше не становится [Текст] / Н. Новицкая // Действие. – 18.11.2013. – № 41 (1044). – С. 3.
4. Ответственная деловая практика в зеркале отчётности / Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчётов: 2012-2014 годы выпуска [Электронный ресурс] / Л.В. Аленичева [и др.]. – М. : РСПП, 2015. – 136 с. // Сайт Российского союза промышленников и предпринимателей – Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/e/3/e3d081206376ede84e097a798928c699.pdf> (дата обращения: 23.03.2017).
5. Отчет о работе государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации за 2016 год [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы по труду и занятости – Режим доступа: <https://www.rostrud.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?ID=549754> (дата обращения: 16.05.2017).
6. Письмо Председателю Правительства Российской Федерации Медведеву Д.А. по методике СОУТ [Электронный ресурс] // Сайт Федерации профсоюзов Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://www.fprb.ru>

- occupational-safety-and-the-environment/special-assessment/?ELEMENT_ID=12339 (дата обращения: 07.06.2017).
7. Пора менять работу? : Пресс-выпуск № 2826 от 30.04.2015 г. [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. - Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115241> (дата обращения: 26.04.2016).
 8. Программа «Достойный труд в Республике Башкортостан до 2025 года» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. - Режим доступа: http://mintrudrb.ru/upload/docs/prog_dosttrud.pdf (дата обращения: 20.05.2017).
 9. Ракоги, В. К вопросу о модернизации [Текст] / В. Ракоги // Человек и труд. - 2011. - № 11. - С. 57-59.
 10. Сорокин, П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет [Текст] / П.А. Сорокин ; Ин-т социологии. - М. : Наука, 1994. - 560 с.
 11. Социальная ответственность [Электронный ресурс] // Сайт АО «Транснефть-Урал». - Режим доступа: <http://www.usmn.transneft.ru/development/social> (дата обращения: 04.09.2015).
 12. Социальная ответственность [Электронный ресурс] // Сайт ООО «Газпром трансгаз Уфа». - Режим доступа: <http://ufa-tr.gazprom.ru/social> (дата обращения: 08.04.2016).
 13. Социальная политика [Электронный ресурс] // Сайт ПАО «УМПО». - Режим доступа: <http://www.umpro.ru/Page463.aspx> (дата обращения: 08.04.2016).
 14. Статистический бюллетень «Обследование населения по проблемам занятости - 2014» [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm (дата обращения: 27.05.2016).
 15. Султанова, Л.И. Социальная ответственность в условиях глобализации: социально-философский анализ [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Л.И. Султанова. - Уфа, 2010. - 148 с.
 16. Сунагатуллин, А. Главное - укрепление профсоюзной структуры [Текст] / А. Сунагатуллин // Действие. - 04.03.2016. - № 9 (1162). - С. 5.
 17. Труд, занятость и человеческое развитие : Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан [Текст] / под общ. ред. Р.М. Валиахметова [и др.] - Уфа : Восточная печать, 2015. - 360 с.
 18. Цветкова, Б.Л. Социальная ответственность бизнеса в современных российских условиях [Текст] : дис. ... канд. социол. наук / Б.Л. Цветкова. - Н.-Новгород, 2004. - 178 с.

УДК 316.75
ББК 60.563.01

А.А. ЕФАНОВ

**К ВОПРОСУ ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ
СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЛИЯНИЯ
МОРАЛЬНЫХ ПАНИК НА ОБЩЕСТВО**

A.A. YEFANOV

**TO THE ISSUE OF SOCIAL CHANGES AMBIVALENCE
AS THE RESULT OF MORAL PANICS INFLUENCE ON SOCIETY**

В статье проводится социологическое обоснование амбивалентности социальных изменений в результате влияния моральных паник на общество. Доказывается, что моральные паники могут приводить не только к деструктивным, но и конструктивным социальным последствиям. Выделяется ряд функций моральных паник. По итогам проведенного исследования делается вывод, что моральные паники выступают в качестве фактора социальных изменений.

The article provides a sociological evidence of social changes ambivalence as the result of moral panics influence on society. It is proved that moral panics can lead not only to destructive, but also constructive social consequences. There is a number of moral panics functions defined. The author concludes that moral panics function as a factor of social changes.

Ключевые слова: моральные паники; социальные изменения; амбивалентность; функции; социальный процесс; СМИ; общество.

Key words: moral panics; social changes; ambivalence; functions; social process; mass media; society.

В современном технологически развитом обществе с каждым годом меняется отношение к человеку как к социокультурному феномену. Предпосылки дегуманизации социума сложились в результате усиления роли масс и ослабления индивидуального начала в исторических и социальных процессах. Рассуждая о природе дегуманизации, один из основоположников концепции массового общества Х. Ортега-и-Гассет приходит к выводу, что «деление социума на «элиту» и «массу» не совпадает ни с социальными классами, ни с общей иерархией» [7, с. 312]. Вместе с тем утрата роли личности и усиление влияния медиатизации – главного тренда XXI века – на функционирование современного неоинформационного общества актуализируют проблему изучения социальных изменений и инспирирующих их явлений. Моральные паники как продукт масс-медийных технологий сегодня являются «движущей силой социальных изменений» [6, с. 447].

Осуществляя социологическое конституирование процессуальности развития моральных паник в ранее проведенных исследованиях, было определено, что данный феномен современного общества понимается как «процесс циклических социальных изменений, возникающих вследствие аффективной реакции индивидов на серию взаимосвязанных явлений, объединенных общим либо сходным проблематизируемым условием, как угроза разрушения устойчивой системы нравственных норм и духовных ценностей» [3, с. 44]. При этом в ходе изучения моральных паник возник вопрос о необходимости квалификации социальных последствий, их дифференциации на конструктивные и деструктивные. Предметом рассмотрения настоящего исследования является социологическое обоснование амбивалентности социальных изменений в результате влияния моральных паник на общество.

Так, с позиций деятельностного подхода моральные паники представляют собой «совокупность социальных действий, хаотично либо сознательно выстроенных в определенную систему, принимающую форму деятельно-

сти» [1, с. 40]. Если рассматривать деятельность как основообразующий элемент для формирования моральной паники, то для любой деятельности в интерпретации различных участников процесса могут быть характерны нарушения, именуемые дисфункциями. Применяя теорию структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона к определению моральных паник, можно заметить, что данное явление характеризуется наличием как дисфункций латентной природы, последствия от которых остаются трудно оцениваемыми и зачастую приводят к социальным изменениям стихийного характера, так и эвфункций – преобразований, трансформирующих социальную структуру с учетом реалий современной действительности, тем самым обеспечивая жизнеспособность общества.

В контексте философии безопасности В.С. Поликарпов выделяет ответственность, власть и нравственность как «единство и взаимодействие порядка и хаоса». По мнению автора, именно с ними «в ходе деятельности общественного человека, отлитой в целый ряд разнообразных технологий и пронизанной информационными потоками, сопряжены способы производства и способы разрушения» [9, с. 18]. Моральная паника формируется на основе конфликта интересов собственности, власти и нравственности, когда в зависимости от конкретной ситуации представители различных групп и общностей могут давать диаметрально противоположные оценки социальным изменениям, выделяя конструктивное либо деструктивное начало.

С позиций конфликтологического подхода А.В. Дмитриев указывает на двойственную природу конфликта: разрушение и очищение. Согласно точке зрения ученого, конфликтность «считается естественным и нормативным состоянием любой социальной системы», а конфликт обладает не только деструктивным, но и конструктивным потенциалом, при этом «позитивные функции конфликта (сигнальная и др.) выполняют, разумеется, не все конфликты, а лишь относящиеся к интересам, ценностям, идентичностям, не затрагивающим основ, на которых строятся отношения» [11, с. 220]. Позиция А.В. Дмитриева близка к научным убеждениям Л. Козера, делающего пояснение, что «свободно структурированные группы и открытые общества, в целом допуская конфликты, создают защиту против тех из них, которые угрожают базовому консенсусу и тем самым сводят к минимуму опасность разногласий, затрагивающих коренные ценности» [4, с. 47]. Наибольшие риски для общества представляют так называемые затянувшиеся социальные конфликты, инспирируемые посредством медиа и основанные на аксиологической природе, – социальные прецеденты, подобные моральной панике.

Первые предположения об амбивалентности моральных паник встречаются у интеракциониста С. Коэна, который подразделяет явления на «позитивные» и «негативные». При этом «полезность» моральной паники заключается в привлечении внимания к насущным, «реальным» социальным вопросам. По утверждению ученого, акцентуация внимания на социально значимых явлениях и процессах, порождающих моральную панику, заставляет преодолеть «пассивность и безразличие в общественных массах, которые со своего молчаливого согласия признают человеческую жестокость и страдания» [12, р. 85].

Рассматривая моральную панику в контексте социологии морали, К. Томпсон замечает, что она не сводится только к вопросу дерегулирования и увеличения «вседозволенности», а скорее ведет к разработке новых форм регулирования, поскольку ее особенностью является «борьба за изменения в культурной жизни и требования морального регулирования» [14, р. 136].

Данная позиция получает развитие в рамках концепции «общества риска». Изучая моральные паники, Ф. Фуреди утверждает, что реакции социума на некое стереотипизированное явление играют положительную роль, поскольку эти «извержения социального беспокойства, хотя и искажают картину, но могут быть индексом изменений общественной осведомленности» [13, с. 50]. К примеру, моральная паника 1990-х годов в отношении СПИДа сде-

лала британцев более ответственными в вопросах секса, частично реставрировала пуританизм.

Обоснование истинности тезиса об амбивалентности моральных паник можно также найти в рамках подхода социальной дезорганизации Ч. Кули, У. Томаса и Ф. Знанецкого, в основе которого заложена мысль о том, что дезорганизация является «неотъемлемой частью процесса социального изменения» [5, с. 135]. Противодействуя дезорганизации, отдельные социально устойчивые группы дают начало для возникновения нового процесса – социальной реконструкции, – в течение которого происходит строительство новых, социально «адаптированных» (с учетом прошлого опыта) моделей поведения общества и трансформация существующих институтов. Моральная паника, выступая в качестве фактора социальных изменений, преобразует систему нравственных норм, духовных ценностей и установок индивидов с учетом реалий современной действительности.

Таким образом, рассмотрение моральных паник в контексте социогуманитарных исследований (с позиций конфликтологического подхода, философии безопасности, деятельностного подхода, структурного функционализма, интеракционистского подхода, социологии морали, концепции «общества риска» и подхода социальной дезорганизации) обуславливает выделение ряда **функций**: 1) информационной; 2) сигнализирующей; 3) коммуникативной; 4) активизирующей; 5) адаптационной; 6) интегративной.

На основании данных функций можно раскрыть **амбивалентность социальных изменений** в результате инспирирования моральных паник:

- а) конструктивных:
 - повышение уровня информированности среди населения;
 - переосмысление социальной действительности;
 - консолидация общества;
 - разработка новых форм социального регулирования;
 - укрепление социальных границ;
- б) деструктивных:
 - намеренное искажение картины социальной действительности;
 - разрыв связей между социальными группами и общностями;
 - поиск «врага», стигматизация «виновника»;
 - распрстранение карательных методов решения проблемы;
 - усиление тревог и страхов в обществе.

Подтвердить данный тезис можно на примере моральной паники в отношении педофилии. С 2009 по 2013 годы в СМИ (преимущественно в поле телевидения) регулярно появлялись сообщения об учителях-педофилах и маньяках, орудующих по городу и насилующих малолетних детей (табл. 1).

Таблица 1

**Освещение проблемы педофилии в эфире федеральных телеканалов
(по результатам контент-анализа)**

Канал	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Первый канал	5	26	32	45	22
ВГТРК («Россия 1», Россия 24»)	93	154	229	265	253
НТВ	8	18	55	132	232

Медиаконтролеры оперировали риторикой опасности с использованием следующих речевых фигур: *учитель-педофил*, *пенсионер-педофил*, *маньяк-убийца*, *держит в страхе*, *опытный насильник* [2, с. 1807]. Несмотря на то что данные статистики Главного информационно-аналитического центра МВД РФ свидетельствовали о постепенном снижении количества преступлений против половой неприкосновенности детей (табл. 2) [10], «успех» моральной паники объяснялся выбором объекта – ребенок и угроза его растления. Конституирование явления происходило посредством активного об-

суждения прецедентов в медийном поле со стороны политических акторов. А в 2011 году депутаты Государственной думы одобрили химическую кастрацию педофилов.

Таблица 2

**Преступность в отношении половой неприкосновенности детей
(по данным Главного информационно-аналитического центра МВД РФ)**

<i>Год</i>	<i>Количество преступлений</i>
2009	4746
2010	3617
2011	3978
2012	1852
2013	1324

Что касается социальных изменений, то в результате намеренного искажения картины социальной действительности в обществе выработались репрессивно-караательные установки по отношению к педофилам. Согласно данным опроса ВЦИОМ, в 2011 году «большинство россиян считают педофилию преступлением, заслуживающим наказания (83%)», а «идея химической кастрации педофилов, чья вина доказана в судебном порядке, находит поддержку подавляющего большинства респондентов (89%)» [8]. Конструктивными последствиями моральной паники можно считать переосмысление социальной действительности, повышение уровня информированности. Индивиды знали о подобных прецедентах, а потому корректировали свои поведенческие установки. Примат инстинкта самосохранения приводит к интенсификации бдительности.

Совокупность теоретических и эмпирических результатов исследования позволяет сделать вывод, что социальные изменения, возникающие в результате влияния моральных паник на общество, характеризуются амбивалентностью. Эксплицируются как деструктивные (намеренное искажение картины социальной действительности; разрыв связей между социальными группами и общностями; поиск «врага», стигматизация «виновника»; распространение карательных методов решения проблемы; усиление тревог и страхов в обществе), так и конструктивные последствия (повышение уровня информированности среди населения; переосмысление социальной действительности; консолидация общества; разработка новых форм социального регулирования; укрепление социальных границ).

В этой связи моральные паники порождают ряд изменений как внутри структуры отдельной общности, так и в отношениях между социальными группами. Выступая в качестве **фактора социальных изменений**, моральные паники преобразуют систему нравственных норм, духовных ценностей и установок индивидов с учетом реалий современной действительности.

Обоснование тезиса, что моральные паники представляют собой совокупность социальных действий, оказывающих амбивалентное влияние на общество, подтверждает ранее выдвинутую гипотезу об их процессуальной природе. Дальнейшее изучение серии подобных явлений в контексте социологической науки поможет дополнить концепцию моральных паник как социального процесса.

Литература

1. Ефанов, А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений [Текст] : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / А.А. Ефанов. – Саранск, 2016. – 179 с.
2. Ефанов, А.А. Парадигмы развития современных моральных паник [Текст] / А.А. Ефанов // В мире научных открытий. – 2014. – № 3.4 (51). – С. 1803-1815.

3. Ефанов, А.А. Социологическое обоснование процессуальности развития моральных паник [Текст] / А.А. Ефанов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2. – С. 39-45.
4. Козер, Л. Функции социального конфликта [Текст] / Л. Козер ; пер. с англ. О. Назаровой ; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 208 с.
5. Контексты современности – II [Текст] : хрестоматия / сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 188 с.
6. Мертон, Р.К. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р.К. Мертон. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 592 с.
8. Педофилия: преступление и наказание [Текст] // ВЦИОМ, 2011. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111920> (дата обращения: 02.12.2015).
9. Поликарпов, В.С. Философия безопасности [Текст] / В.С. Поликарпов. – СПб. – Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2011. – 108 с.
10. Преступность в отношении детей [Текст] // Официальные данные Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, 2014. – Режим доступа: http://riss.ru/demography/demography-science-journal/6363/#_ftnref2 (дата обращения: 14.03.2016).
11. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение [Текст] / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М. : Новый хронограф, 2010. – 256 с.
12. Cohen, S. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers [Text] / S. Cohen. – London : Routledge, 2011. – 282 p.
13. Furedi, F. Culture of Fear. Risk-Taking and the Morality of Low Expectation [Text] / F. Furedi. – London : Continuum, 2002. – 205 p.
14. Thompson, K. Moral panics [Text] / K. Thompson. – London : Routledge, 1998. – 165 p.

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА SOCIOLOGY OF REGION

УДК 316.347(571.56-13)
ББК 60.545.1(2 РОС. ЯКУ)

T.C. ЕРМОЛАЕВ | **СТРАТЕГИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОГО ОСВОЕНИЯ ЮЖНОЙ ЯКУТИИ**

T.S. ERMOLAEV | **STRATEGIES OF INTER-ETHNIC INTERACTION
IN NEW DEVELOPMENT OF SOUTHERN YAKUTIA**

В статье предпринята попытка изучения комплекса исторических, социально-экономических, этнокультурных и этнополитических факторов как критериев динамики этносоциальных процессов для повышения эффективности управления межнациональными отношениями в ареале исследования. В результате полевых изысканий выявлены особенности и факторы этносоциальной напряженности в модельном регионе, проблемные зоны взаимодействия локальных акторов в условиях нового этапа промышленного освоения.

The article attempts to study the complex of historical, social and economic, ethno-cultural and ethno-political factors as criteria for dynamics of ethno-social processes to increase the efficiency of management of inter-ethnic relations in the field of study. As a result of field researches features and factors of ethno-social tension in the model region and problem areas of interaction of local actors at the new stage of industrial development are determined.

Ключевые слова: Южная Якутия, реиндустриализация, этносоциальные процессы, этнические группы, социальная напряженность, риски, межэтническое взаимодействие.

Key words: Southern Yakutia, reindustrialization, ethno-social processes, ethnic groups, social tensions, risks, inter-ethnic interaction.

Активное освоение минерально-сырьевых ресурсов территории Якутии остается одним из приоритетов экономической политики России в новом столетии. Исконное население региона, оказавшись в эпицентре промышленного освоения, не имеет адекватных механизмов выражения и реализации своих интересов. Существующие политико-правовые инструменты во многом противоречивы, декларативны и не могут преодолеть доминирование интересов промышленности. Учитывая возрастающую сложность взаимоотношений общества, государства и бизнеса, подходы к построению работоспособного механизма социального партнерства, необходимо искать на основе интеграции интересов всех субъектов взаимодействия сквозь призму их взаимной социальной ответственности.

Одним из динамично развивающихся регионов страны с 1920-х годов становится юг Якутии в связи с открытием здесь крупнейшего на тот момент в стране месторождения золота. Интенсивное промышленное строительство привело к перераспределению трудовых ресурсов республики, к формированию обширной зоны со смешанным в этническом отношении населением, вызвало быструю урбанизацию. Представители различных социальных и эт-

нических групп в короткое время освоили рабочие профессии, стали субъектами формирующегося индустриального образа жизни и активно вступали в межэтнические контакты. Это стало причиной многих неординарных явлений в социальной и межэтнической сферах. Одним из них является процесс формирования политетничного регионального сообщества в условиях малых городов и рабочих поселков юга республики и появление своеобразного «плавильного тигеля» в ходе грандиозного строительства Южно-Якутского территориально-производственного комплекса (ЮЯТПК) и последующей его эксплуатации. В настоящее время южноякутский регион отличается сложной системой межэтнических и межконфессиональных отношений, интенсивными миграционными процессами, провоцирующими повышенную социальную напряженность [1, с. 28].

Этносоциальные риски присутствуют во всех сферах общественной жизни и носят универсальный, неспецифический характер, что позволяет говорить о комплексном характере рассматриваемой проблемы, её порождении системным кризисом и росте социальной напряженности в обществе, приводящими к всплеску ксенофобии и национализма, которые «подпитываются» бытовой дискриминацией по национальному, религиозному, культурному признакам. Этносоциальные риски не представляют собой обособленную сферу регулирования, обусловленную эндогенными факторами, а конструируются различными политическими и экономическими агентами под воздействием последствий экономических реформ, региональной, миграционной и этнокультурной политики на уровне субъекта РФ.

Под Южной Якутией понимается территория двух муниципальных образований: «Нерюнгринский район» и «Алданский район», где по состоянию на 1 января 2016 г. проживает 116 404 чел. [7]. Выделение Южно-Якутского региона в указанных границах определяется уникальным сочетанием на его территории богатейших минеральных ресурсов, развитой транспортной инфраструктуры и наличием квалифицированных трудовых ресурсов. По данным Всероссийской переписи населения (2010 г.), абсолютно преобладающим по численности этносом на территории МО «Нерюнгринский район» и МО «Алданский район» являются русские – 98 303 чел. (76,5%), далее расположились украинцы – 6 669 (5,1%) и якуты – 3629 (2,8%). Кроме этого, здесь проживают коренные малочисленные народы Севера – эвенки (2,5%) и эвены (0,3%), а также представители более ста народов России и зарубежных стран [2]. Другой отличительной особенностью народонаселения региона является значительный удельный вес городских жителей: по состоянию на 1 января 2016 г. – 112 226 чел. (96,4%) [9].

Между тем следует констатировать регрессивную динамику в общей численности населения региона. Так, с 2002 по 2016 (на 1 января) годы общая численность населения в Нерюнгринском районе снизилась с 89 796 до 75 973 человек, или на 16%; эта тенденция коснулась и Алданского района – с 49 346 до 40 431 человек (на 18 %) [4]. Данное явление произошло прежде всего за счет выезда за пределы региона представителей славянских народов (русские, украинцы, белорусы) и одновременного увеличения количества мигрантов из Центральной Азии и Закавказья. Также постоянно растет численность татар и бурятов, удельный вес остальных народов в составе населения колеблется.

Рост относительных показателей при снижении абсолютной численности городского населения проявляет вектор внутрорегиональной миграции – перемещение жителей сельских населенных пунктов в городские поселения региона. Учитывая, что в селах проживают в основном представители коренных народов Севера, односторонний характер их миграционной убыли, в основном молодежи, существенно меняет состав сельского населения и угрожает этнодемографической безопасности малочисленных эвенков и эвенов и, соответственно, воспроизводству их идентичности, языков и культуры. Также отмечается снижение демографического потенци-

ала региона: значительно сократилась доля детского населения, что объясняется переходом от традиционного к современному типу рождаемости; растет удельный вес старших возрастных групп, что свидетельствует о начавшемся процессе общего старения населения монопоселений Южной Якутии. Сложившаяся ситуация стимулирует рост миграционного обмена с другими регионами России и странами ближнего зарубежья, преимущественно с государствами Центральной Азии, что приводит к трансформации этнодемографического состава населения региона, обострению межэтнической конкуренции, лоббированию экономических интересов разнообразных этнических групп в ущерб интересам регионального сообщества и, соответственно, росту антимигрантских настроений в обществе.

Существующие противоречия в сфере трудовой миграции связаны с тем, что работодатели не признают принципа приоритетного трудоустройства местного населения, подготовки рабочих кадров по востребованным профессиям, в результате чего значительная часть мигрантов занята на работах, которые могли бы занять постоянные жители региона. Последние требуют, чтобы прогнозирование и привлечение рабочей силы осуществлялось в контексте ее экономической целесообразности и защиты внутреннего рынка труда. Это предполагает найм исключительно высококвалифицированных кадров и только в тех отраслях, где эффект их работы существенно выше результативности местных трудовых ресурсов. Использование труда мигрантов на муниципальном уровне и отдельных предприятиях региона должно быть предметом согласования с профсоюзами, в соглашения и коллективные договоры должны включаться нормы, которые определяют взаимоотношения работодателей, профсоюзов и органов исполнительной власти при привлечении рабочей силы извне. В целом, результаты полевых исследований акцентируют недостаточный уровень согласования интересов и социальной ответственности власти, бизнеса и общества, регулирования международной и внутренней миграции, связанной с поиском работы.

Рынок труда в Нерюнгринском районе представлен экономически активным населением, численность которого на 1 января 2016 года составляет 46 448 человек (61% населения) [6]. Цифры свидетельствуют о весьма существенном сокращении доли трудоспособного населения – по сравнению с 1989 г. она сократилась в 1,8 раза. Значительно уменьшилась доля населения моложе трудоспособного возраста (это объясняется переходом от традиционного к современному типу рождаемости); существенно увеличилась доля населения в группе старше трудоспособного возраста, что связано с общим старением населения; численность населения в трудоспособном возрасте, достигнув максимума в 1989 г., неуклонно снижается (табл. 1 (источник: сост. по: [10])).

Основными тенденциями на рынке труда республики являются увеличение предложения рабочей силы при одновременном уменьшении спроса и омоложение контингента безработных. При повышенном уровне общей безработицы в республике (7,6% против 6,1 по России по методике МОТ) каждый пятый безработный региона моложе 25 лет [5]. При этом в наихудших условиях оказались молодые мужчины в промышленных периферийных городах (Нерюнгри, Алдан, Ленск). Это свидетельствует об исчерпании потенциала индустриального роста в местах традиционного промышленного освоения третьего этапа.

Среднесписочная численность работников организаций и предприятий составила в 2016 г. 22,7 тыс. чел. Из них самой многочисленной группой являются работающие в сфере добычи полезных ископаемых – 5 108 чел. (25,8%), на втором месте – работающие в сфере образования – 3 265 чел. (12,1%). Далее следуют работники транспорта и связи – 2 474 (9,7%); здравоохранения и социальных услуг – 2 434 (8,4%); производства электроэнергии, газа и воды – 2 021 (7,9%); государственного управления – 1 750 (6,1%); строительства – 1 652 (5,5%) [8].

Таблица 1

Возрастной состав населения за 1989-2016 гг.

Пол	Все население	В том числе			Все население, в %	В том числе		
		моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста		моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста
Перепись 1979 г.								
м	57453	16552	39821	1005	100	28,8	69,3	1,7
ж	31031	8491	22283	215		27,4	71,8	0,7
ж	26422	8061	17538	790		30,5	66,4	3,0
Перепись 1989 г.								
м	120157	41110	76218	3829	100	34,2	63,4	2,4
ж	61178	21027	39576	575		34,4	64,7	0,9
ж	58979	20083	36642	2254		34,1	62,1	3,8
Перепись 2002 г.								
м	89796	20947	62324	6514	100	23,3	69,4	7,1
ж	43253	10722	30641	1884		24,8	70,8	4,4
ж	46543	10255	31683	4630		22,0	68,1	9,9
1 января 2011 г.								
м	82588	15868	55681	11039	100	18,7	67,4	13,4
ж	39600	8161	28674	2765		20,6	72,4	7,0
ж	42988	7707	27007	8274		17,9	63,0	19,2
1 января 2016 г.								
м	75973	15486	46448	14039	100	20,3	61,1	18,4
ж	36302	7900	24519	10156		21,8	67,5	28,0
ж	39671	7586	21929	3883		19,1	55,3	9,8

Конкуренцию обостряет деградация экономики региона: продажа и жесткая реструктуризация градообразующих предприятий («Якутуголь», «Нерюнгринская ГРЭС», «Алданзолото»); ликвидация крупных промышленных предприятий (ДСК «Якутуглестрой», Нерюнгринский ремонтно-механический завод, Чульманская ГРЭС, Беркакитский железнодорожный узел, Южно-Якутская геологоразведочная экспедиция); «замораживание» освоения Эльгинского угольного месторождения и других инвестиционных проектов на территории Южной Якутии на фоне мирового экономического кризиса и отсутствие практики жесткого государственного контроля за приобретением и легализацией объектов собственности и средств производства (речь идет о залоговых аукционах по приватизации объектов муниципальной собственности (городской рынок, магазины, кинотеатр, производственные и нежилые помещения), оборудования и материальных ценностей ликвидирующихся промышленных предприятий (ДСК «Якутуглестрой», «Нерюнгринский пищекомбинат», производственные базы и склады Беркакитского железнодорожного узла и др.)¹.

Этносоциальные риски конструируются различными политическими (ЛДПР) и общественно-политическими движениями (ДПНИ во главе с С. Юрковым), отдельными представителями власти (депутат Ил Тумэна О.Н. Жукова) и экономическими агентами (пришедшие в регион крупные бизнес-структуры, использующие вахтовый метод освоения ресурсов и игнорирующие интересы регионального сообщества; субъекты малого и среднего биз-

¹Данные факты приведены в транскрибах глубинных интервью, значительная часть которых до сих пор не стала предметом пристального внимания соответствующих органов, а статистика в этой сфере носит закрытый характер.

неса, структурированные по этническому признаку и усиливающие межэтническую конкуренцию).

Анализ глубинных интервью позволил выделить следующие факторы межэтнической напряженности, формирующие этносоциальные риски:

1) фактическое отсутствие механизмов контроля и учета миграционных потоков на муниципальном уровне;

2) депрессивное состояние большей части населения в связи с дефицитом четких ориентиров развития монопоселений и жесткой реструктуризации градообразующих промышленных предприятий;

3) отсутствие системной национальной политики на региональном и федеральном уровне;

4) неосведомленность населения о реальной ситуации в социально-экономической сфере региона;

5) недостаточный уровень толерантности и культуры межнационального общения, связанный с более низким образовательным уровнем населения промышленных районов по сравнению с общереспубликанскими показателями;

6) противостояние региональных властных элит (администрация г. Нерюнгри – районная администрация с участием поселковых органов власти) и корпоративных структур («угольщики»-«энергетики»-«железнодорожники») на фоне растущего недоверия населения;

7) низкая ответственность СМИ, связанная с совершенно недостаточным вниманием к межнациональным проблемам в региональном сообществе;

8) создание повышенного фона этнорелигиозной напряженности в ключевом для российского ТЭК регионе в связи со значительным ростом миграции из Центральной Азии [1, с. 36].

На основании интерпретации мнений экспертного сообщества следует выделить наиболее проблемные зоны взаимодействия власти, бизнеса и локального сообщества: отсутствие понимания территории как совокупности интересов локальных акторов и механизмов их согласования, базирующееся на стереотипах ведомственного мышления и патерналистских устоях общественного сознания; отсутствие единой «дорожной карты» для становления и развития социального партнерства как перспективного инновационного института регулирования межэтнического взаимодействия; опасность «корпоративной колонизации» со стороны крупных бизнес-структур («Мечел», «Транснефть», «Евраз», «Полюс Золото», «РусГидро», «Трансстрой»), концентрирующих огромные инвестиционные ресурсы наряду с высоким потенциалом лоббирования нужных им решений в государственных структурах и способных вести добычу природных ресурсов на северных территориях без учета интересов местного населения.

Прежде всего следует обратить внимание на два узловых фактора, из которых вытекают особенности этносоциальных процессов в Южной Якутии на современном этапе.

Фактор первый: Южная Якутия – первый исторический плацдарм индустриализации республики и, пожалуй, наиболее развитый промышленный кластер региона. Через территорию Южной Якутии проходит уже третья волна промышленного освоения северного края из четырех, здесь накоплен уникальный исторический опыт индустриального развития. Стремительное освоение месторождений золота и других минеральных ресурсов, экстенсивное индустриальное развитие региона в условиях командно-административной системы превратило республику в крупнейший сырьевой придаток экономики Советского Союза. Самыми характерными чертами первых трех волн промышленного освоения Якутии являлись точечная очаговость, жесткая ведомственность и хроническое отставание социальной инфраструктуры.

Фактор второй: с точки зрения этносоциологии Южная Якутия представляет своего рода уникальный плавильный тигель, создавший изумительный интернациональный сплав энтузиазма, трудового героизма и патриотизма.

ма, который до сих пор сохранился в исторической памяти жителей Южной Якутии и является той фундаментальной скрепой, обеспечивающей стабильность в данном геопространстве.

На основании изучения исторического опыта промышленного освоения региона и обобщения экспертных мнений можно выделить следующие особенности этносоциальных процессов, которые продуцируют в той или иной степени формирование этносоциальных рисков:

1. Своеобразная пространственная, информационная, культурная «анклавность» территории, во многом характерная для монопоселений, но имеющая под собой геополитический подтекст (наиболее рельефно он проявился в период суверенизации республики, когда два наиболее индустриально развитых района Якутии – Мирнинский и Нерюнгринский – объявили о своем намерении выйти из ее состава).

2. Перманентный эпицентр социальной напряженности в республике, связанный с продажей и жесткой реструктуризацией градообразующих предприятий («Якутуголь», «Нерюнгринская ГРЭС», «Алданзолото»); ликвидацией крупных промышленных предприятий (ДСК «Якутуглестрой», РМЗ, Чульманская ГРЭС, Беркакитский железнодорожный узел); «замораживанием» освоения Эльгинского угольного месторождения и других инвестиционных проектов на территории Южной Якутии на фоне мирового экономического кризиса, провоцирующим применением вахтового метода в старательских артелях, при строительстве нефтепровода ВСТО, Инаглинского угольного комплекса в условиях массовой безработицы среди местного населения, регулярными манифестациями нерюнгринских пенсионеров по поводу начисления «северного стажа». В апреле 2015 г. Минэкономразвития России изменил категорию по г. Нерюнгри на «моногород с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения» (ранее была категория «моногород со стабильной социально-экономической ситуацией») [3].

3. Основной «миграционный коридор» республики ввиду наличия на территории региона развитой транспортно-логистической инфраструктуры (Малый БАМ, АЯМ), вызывающий серьезную психоэмоциональную нагрузку на сознание местного населения, рост мигрантофобии и интолерантных установок по отношению к приезжим, которое базируется в большей степени на защитной реакции, страхе утраты этничности, своей культуры, привычной среды обитания. В последнее время усилилась внутрорегиональная миграция. Локальную пространственную мобильность в регионе необходимо стимулировать и направлять, для этого потребуются механизмы социальной мотивации людей. Но элементы мотивационной системы пока находятся на уровне идей. Ситуация с человеческим капиталом работников в региональной экономике, при которой большая их часть находится в положении либо частичной декартификации, либо общей деградации (маргинализации), может характеризоваться как крайне опасная для перспектив модернизации региона.

4. Профилирование сфер региональной экономики по этническому признаку, обостренное стагнацией промышленных предприятий, отсутствием практики жесткого государственного контроля за приобретением и легализацией объектов собственности и средств производства, что приводит к изменению межнационального баланса населения региона и лоббированию интересов одной этнической группы в ущерб другой. Материалы полевых исследований позволили оформить и структурировать зоны межэтнической конкуренции: угольная промышленность – представители славянского населения (русские и украинцы); строительство и ремонт – представители народов Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии; торговля – представители народов Северного Кавказа и Закавказья, Узбекистана с усиливающимся татаро-башкирским компонентом; система образования, культуры и здравоохранения – представители славянских народов и коренного населения.

5. Стремительное «старение» населения монопоселений Южной Якутии, связанное со спецификой промышленного освоения и социальными трансформациями постсоветского периода, что привело к резкому сокращению трудоспособного населения вследствие иммиграции и роста численности старших возрастных групп и существенно снизило демографический потенциал региона. Вместе с тем подрастает второе поколение нерюнгринцев, родившихся здесь. Они считают себя якутянами и обладают желанием принести пользу по месту жительства. И этот потенциал необходимо использовать.

Основой антиконфликтогенного менеджмента должна стать модернизация региона путем его реиндустриализации на новой технологической базе. Именно системный подход является основным в стабилизации региональной ситуации. Для построения эффективной управленческой модели необходима точная идентификация основных проблем, порождающих напряжения и конфликты. «Корпорацией развития Южной Якутии» – основным оператором по реализации Стратегии развития региона – выделены три группы проблем, препятствующих развитию региона: *нехватка финансирования; слабость инфраструктуры; недостаток квалифицированных кадров*. Они не могут быть решены традиционными управленческими действиями. Поэтому модернизационный проект для региона должен иметь мобилизационный характер.

Среди социокультурных проблем, препятствующих модернизации региона выступают: *отсутствие модернизационных ориентаций в массовом сознании; отсутствие интереса у молодежи к индустриальному труду, нарастающая клерикализация всех сторон жизни общества*.

Южная Якутия нуждается не просто в проекте экономического развития, а в модернизационном проекте, включающем социальную, политическую и культурную модернизацию.

В разработке региональных и корпоративных стратегий определяющим остаётся отраслевой подход. Конкурентоспособный стратегический план может быть разработан только в многостороннем и конструктивном диалоге бизнеса, власти и общества. Это скорее договор общественного согласия, в соответствии с которым власти, предприятия и общественные организации принимают на себя определенные обязательства. Его разрабатывают и реализуют все участники, влияющие на развитие территории, с учетом интересов и при участии различных государственных и негосударственных субъектов.

Анализ показал, что между бизнесом, обществом и государством пока не сложились партнерские отношения. Реальная ситуация характеризуется в регионе отсутствием последовательной поддержки со стороны государства гражданских инициатив и нежеланием учитывать общественное мнение в принятии решений. Региональный бизнес слабо принимает идеологию социальной ответственности. Ключом к решению возникающих проблем может стать только переход на рельсы инновационного мышления. Только тогда территория перестает выступать в качестве абстрактного пространства и объекта нормативно-государственного воздействия; она предстает не как запас и объединение технических и людских ресурсов, а как активная единица, черпающая свой потенциал развития в локальных ресурсах в широком смысле этого слова. Ситуативная стратегия социальной ответственности формулируется при реализации конкретных проектов, где формируется свой особый пул заинтересованных сторон со своими уникальными запросами.

Литература

1. Ермолаев, Т.С. Межэтническая ситуация в Южной Якутии в зеркале экспертного мнения [Текст] / Т.С. Ермолаев // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия) : сб. науч. статей. Вып. 2. – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2016. – С. 28-51.

2. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс] URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010 (дата обращения: 15.03.2017).
3. Моногорода [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/govworks/468/events> (дата обращения: 15.11.2016).
4. Нерюнгринский район: население. Алданский район: население [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 27.04.2017).
5. Республика Саха(Якутия): потенциал и перспективы развития - М., 2008. - С. 28.
6. Рынок труда и занятость населения [Электронный ресурс] URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population. (дата обращения: 07.04.2017).
7. Среднегодовая численность населения по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population. (дата обращения: 20.03.2016).
8. Среднесписочная численность работников организаций [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 15.07.2015).
9. Численность населения по районам республики [Электронный ресурс] URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBInet> (дата обращения: 23.03.2016).
10. Материалы переписей населения 1989, 2002: Статсборник - 2005, № 268/7768. Возрастно-половой составнаселения РС(Я). - Якутск, 2006 [Электронный ресурс] http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/municipal_statistics (дата обращения: 23.11.2016).

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
И БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

**THEORY AND METHODOLOGY
OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT
AND BIOLOGICAL PROBLEMS
OF EDUCATIONAL SPACE SECURITY**

УДК 37.013.77:613.6.02
ББК 88.8

Е.А. БАГНЕТОВА

**ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА
ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ**

E.A. BAGNETOVA

**FACTORS OF PROFESSIONAL STRESS
OF EDUCATORS IN GENERAL EDUCATION SCHOOLS**

В статье рассматриваются результаты изучения показателей психологического и функционального состояния педагогов. Выявлено, что на формирование высокого уровня профессионального стресса оказывают влияние объективно существующие сложности современного педагогического труда, а также субъективные особенности отношения педагогов к проблемам трудового процесса. Показатели функционального состояния педагогов связаны с развитием хронического стресса, физиологического дискомфорта и психосоматического механизма защиты от стресса.

In the article the results of study of psychological and functional state of educators are under discussion. It was revealed that formation of high-level professional stress is influenced by objectively existing complexity of modern pedagogical work as well as subjective features of educators' attitude to problems of working process. Indicators of functional state of educators are connected with development of chronic stress, of physiological discomfort and of psychosomatic stress protection mechanism.

Ключевые слова: педагог, профессиональный стресс, здоровье, эмоциональное выгорание, условия труда.

Key words: educator, professional stress, health, burnout, working conditions.

Здоровье и качество жизни педагогических работников, как и во многих других профессиональных сферах, в значительной степени зависят от условий, организации, содержания труда и других особенностей деятельности. Однако многочисленные исследования показывают, что стрессовые факторы в образовательной среде, будучи всегда широко распространенными, в последние десятилетия стали особенно масштабными. Профессия российского педагога по многим своим составляющим относится сегодня к одному из наиболее психогенных, интеллектуально и эмоционально напряженных видов деятельности [1, с. 6; 3, с. 4].

Постоянно меняющиеся требования к структуре, содержанию и организации труда педагогов, в чем-то разумные, в чем-то откровенно неэффективные, часто существенно осложняют условия профессиональной деятельности, так как любое новшество требует времени для его освоения, что в значительной степени отвлекает время педагога от полноценной работы с учащимися. Наиболее разрушающее влияние на психическое состояние оказывают не сами по себе изменения как таковые (многие из которых востребованы временем и необходимы), а их бесконечная череда, увеличивающаяся и без того большой поток формальностей по сопровождению учебно-воспитательного процесса. И, к сожалению, стало повсеместной нормой введение изменений без их предварительной проверки на целесообразность, безопасность для физического и психического здоровья всех участников образования.

В некоторых регионах России современный учебный процесс протекает в сложных климатоэкологических условиях, когда сам факт проживания человека в таком месте свидетельствует о наличии повышенных рисков здоровью. Так, ежедневная профессиональная деятельность педагогов Ханты-Мансийского автономного округа, относящегося к Среднему Приобью, проходит на фоне постоянного влияния гипокомфортных природных и антропогенных воздействий, предъявляющих существенные нагрузки к адаптационным системам организма.

В цели нашего исследования входила оценка функционального состояния сердечно-сосудистой системы и интегральная диагностика профессионального стресса педагогов, включающая определение стресса по условиям и организации труда, переживанию острого и хронического стресса, личностным и поведенческим деформациям, удовлетворенности социальным климатом и вознаграждением за труд.

Показатели психического состояния учителей изучались с помощью комплекта психодиагностических тестов. Вычислялся общий индекс профессионального стресса и его отдельные составляющие по 35 показателям. Оценка профессионального стресса в целом и по его отдельным шкалам интерпретировалась в 5 вариантах: низкий, умеренный, выраженный, высокий, предельно высокий. К благополучным зонам относятся «низкий» и «умеренный» уровни стресса. Состояния, характеризуемые как выраженный, высокий и предельно высокий стресс, являются неблагоприятными и требуют мер по оптимизации психического состояния.

Для изучения функционального состояния сердечно-сосудистой системы (далее ССС), отражающего успешность адаптации к различным условиям жизни и деятельности (включая климатоэкологические и профессиональные), определялся индекс функциональных изменений (далее ИФИ), который, как комплексный показатель, позволяет осуществить оценку функционирования системы кровообращения с учетом роста-весовых и возрастных соотношений. Для интерпретации выявленных функциональных состояний обследованных использовалась следующая шкала: до 2,10 баллов – удовлетворительная адаптация ССС; от 2,11 до 3,20 – напряжение адаптационных механизмов; от 3,21 до 4,30 – неудовлетворительная адаптация; более 4,31 – срыв адаптации.

В исследовании участвовали 119 педагогов женского пола в возрасте от 25 до 60 лет двух общеобразовательных школ г. Сургута. Результаты представлены на 80 участников. Критерием исключения из исследования являлось наличие диагностированных патологий функциональных систем организма и острых воспалительных заболеваний, несоответствие ответов при психологическом тестировании критериям правдивости по шкале лжи. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи пакета статистических программ «Statistica 8.0» и «Биостатистика 4.03» с учетом нормальности распределения выборки. Анализ взаимосвязей переменных осуществлялся методом линейного корреляционного анализа Пирсона (r). Исследование

обсервационное, аналитическое, одномоментное. Выборка стратифицированная, простая, случайная. Заполнение опросных бланков проводилось на условиях строгой конфиденциальности и добровольном согласии обследованных.

Результаты исследования показали, что из 35 рассматриваемых показателей профессионального стресса (далее ПС) и психоэмоционального состояния педагогов не выявлено ни одного, соответствующего низкому или умеренному уровню формирования. Все они отвечали выраженному, высокому или предельно высокому уровню развития. Так, высокий уровень стресса у учителей выявлен по оценке условий и организации трудового процесса, по субъективной оценке, профессиональной ситуации в целом, по сформированности личностных и поведенческих деформаций. Переживание острого и хронического стресса также оценивается высоким уровнем. Общий индекс профессионального стресса (ОИПС) у педагогов высокий. В оценке вознаграждения за труд и степени удовлетворенности социальным климатом в коллективе выявлен выраженный уровень стресса.

Более детальное рассмотрение всех составляющих ПС выявило сформированность выраженного уровня стресса по удовлетворенности условиями, содержанием и организацией трудового процесса. Высоким уровнем развития стресса характеризуются такие особенности профессиональной деятельности, как интенсивность трудовых нагрузок; разнообразие, сложность и значимость решаемых задач; когнитивная напряженность и контроль исполнения заданий. Выраженный уровень стресса сформирован по физическому дискомфорту, эмоциональной напряженности, трудностям в общении и затруднениях в поведении. Предельно высокий уровень стресса выявлен в оценке общего самочувствия педагогов.

Исследование показателей психоэмоционального состояния педагогов выявило высокий уровень тревоги, астении, психосоматических защитных реакций и выраженный уровень сформированности различных нарушений сна, проявлений агрессии и депрессивных состояний.

Личностные и поведенческие деформации у педагогов нашли отражение в выраженном уровне сформированности типа личности А («стресскоронарный» тип), поведенческих факторов риска (опасные для здоровья формы реагирования на стрессовые ситуации и трудности), невротических реакций. Синдром эмоционального выгорания соответствует высокому уровню развития.

Дальнейшее исследование показало, что на формирование общего индекса профессионального стресса (далее ОИПС) оказывает влияние степень удовлетворенности педагогами особенностями трудового процесса, так как коэффициент корреляции ОИПС с показателем выраженности стресса по шкале «Условия и организация труда» составил $r = 0,49$. На ОИПС влияет уровень стресса по субшкале «Обратная связь» (что предполагает недостаток информации о качестве проделанной работы, в частности обратной связи по позитивным моментам своей деятельности, $r = 0,58$) и «Автономность исполнения» (предполагающую недостаточную возможность проявлять инициативу, самостоятельно планировать выполнение работы, необходимость жестко следовать предписанным правилам и инструкциям, $r = 0,50$). На формирование общего индекса профессионального стресса также воздействует степень неудовлетворенности вознаграждением за труд ($r = 0,53$), уровень конфликтности в коллективе ($r = 0,60$).

Высокий уровень профессионального стресса у педагогов связан не только с объективно присутствующими сложностями трудовой деятельности, но также в значительной степени с индивидуальными психоэмоциональными состояниями. Так, на развитие ОИПС у педагогов оказывает существенное влияние эмоциональная напряженность ($r = 0,83$), уровень тревожности ($r = 0,66$), депрессии ($r = 0,75$), астении ($r = 0,65$), когнитивная напряженность ($r = 0,60$) психосоматические реакции ($r = 0,60$) и индивидуальные поведенческие факторы риска ($r = 0,55$). На развитие перечисленных состоя-

ний оказывают влияние как объективные (все современные стрессогенные особенности профессиональной деятельности педагога), так и субъективные (индивидуальные стиль реагирования на разнообразные стрессоры) факторы.

Стресс по шкале «Субъективная оценка профессиональной ситуации», диагностированный в коллективах как высокий, складывается из восприятия учителями профессиональных задач как очень сложных ($r = 0,73$), значимых ($r = 0,73$), слишком разнообразных по своему содержанию ($r = 0,60$) и таких, за которые они несут серьезную личную ответственность. Рост уровня стресса по данной составляющей профессиональной деятельности также связан с неудовлетворенностью педагогами вознаграждением за труд ($r = 0,38$), повышением уровня эмоционального выгорания ($r = 0,38$) и агрессии ($r = 0,30$).

Выраженность у сотрудников педагогических коллективов психосоматических реакций связана с ростом острого ($r = 0,67$) и хронического стресса ($r = 0,80$), неудовлетворенности личными достижениями ($r = 0,46$), эмоциональной напряженности ($r = 0,56$), депрессивных состояний ($r = 0,64$), профессионального выгорания ($r = 0,48$), невротических реакций ($r = 0,64$), различных нарушений сна ($r = 0,44$). Склонность к проявлению психосоматического механизма защиты от стресса также оказалась связана с возрастом ($r = 0,38$) и стажем работы в системе образования ($r = 0,41$).

Сформированность предельно высокого уровня стресса по шкале «Общее самочувствие» связана с присутствием у педагогов острого ($r = 0,78$) и хронического стресса ($r = 0,64$); развитием таких состояний, как эмоциональная напряженность ($r = 0,61$), профессиональное выгорание ($r = 0,47$), неудовлетворенность личными достижениями ($r = 0,42$).

Выявлены взаимосвязи между показателями профессионального стресса и возрастными характеристиками учителей. Так, с увеличением возраста сотрудников уменьшается уровень стресса по интенсивности трудовых нагрузок ($r = -0,31$), особенностям содержания труда ($r = -0,37$), удовлетворенности вознаграждением за труд ($r = -0,3$), социальной конфликтности ($r = -0,27$) и сформированности типа личности А ($r = -0,31$).

Оценка функционального состояния сердечно-сосудистой системы педагогов выявила следующее распределение: у 15% педагогов – удовлетворительная, 70% – напряженная, 15% – неудовлетворительная адаптация. Рост показателя ИФИ связан с переживанием хронического стресса ($r = 0,32$) и физиологического дискомфорта ($r = 0,32$), выраженностью психосоматического механизма защиты от стресса ($r = 0,51$), невротических реакций ($r = 0,29$), депрессии ($r = 0,28$) и черт типа личности А ($r = 0,30$).

Ввиду того, что полученным результатам можно доверять (так как по шкале лжи у включенных в исследование педагогов не наблюдалось несоответствия ответов критериям правдивости или каких-либо искажений), возникает необходимость дальнейшего поиска и анализа причин обнаруженного высокого уровня профессионального стресса, свидетельствующего о неблагоприятной адаптации педагогов к существующим условиям трудовой деятельности. Выявленные предельно высокий уровень стресса по субшкале «Общее самочувствие» и высокий уровень стресса по выраженности психосоматических защитных реакций указывают на серьезные риски не только успешности профессиональной деятельности, но и состоянию здоровья педагогов. Полученные данные подтверждаются результатами исследования функционального состояния сердечно-сосудистой системы обследованных, по результатам которого только у 15% учителей ИФИ соответствует удовлетворительному показателю. Выявилась связь между психосоматическим механизмом защиты от стресса и стажем работы в системе образования ($r = 0,41$). Профессиональные задачи, которые педагогам приходится решать, оцениваются ими как очень сложные, значимые, разноплановые и ответственные.

Происходящие в течение последних лет постоянные изменения требований к структуре и содержанию труда педагогов имеют прямое отношение к развитию профессионального стресса, так как, постоянно сменяя друг дру-

га, эти изменения не оставляют возможности спокойно к ним адаптироваться и получить позитивный опыт, что является существенным фактором возрастания психического напряжения. В психологических опросниках, позволяющих определить причины развития стресса у профессионалов различных сфер деятельности, присутствует вопрос, выявляющий наличие в обследуемом учреждении инноваций за последние полгода, при положительном ответе на который риск развития профессионального стресса существенно возрастает. Современные педагоги находятся в активной инновационной деятельности не полгода, а уже не один десяток лет. Работа в режиме непрекращающихся перемен неизбежно вызывает состояние утомления, создает ощущение хронической нестабильности, угрозы потери жизненно важных интересов и ценностей. Исследования различных состояний работника в связи с изменениями в сфере профессиональной деятельности свидетельствуют о том, что постоянно изменяющиеся условия существования провоцируют негативные изменения в психике человека (снижают самооценку, повышают уровень тревожности) [2, с. 1].

Огромное количество отчетной деятельности педагогов (по своему объему уже давно достигшей абсурдного размера), высокий уровень мотивации и ответственности наших учителей на фоне проживания в гипокомфортных условиях северного региона оказываются дополнительными факторами риска в сложившейся ситуации. Такие особенности профессионально-педагогической деятельности провоцируют развитие негативных психических состояний у педагогов.

Кроме внешних стрессогенных факторов на уровень профессионального стресса, конечно, влияет и персональная способность каждого члена коллектива сохранять уравновешенное психоэмоциональное состояние. Практически любые составляющие профессиональной деятельности могут быть источником стресса при неверном их оценивании [2, с. 28]. Индивидуальные реакции на сложные ситуации во многом зависят от личностных характеристик сотрудников и привычного стиля реагирования на стресс. В связи с этим в профилактические направления деятельности образовательных учреждений необходимо включать мероприятия, направленные на повышение стрессоустойчивости педагогов.

Литература

1. Багнетова, Е.А. Образ жизни и профессиональные факторы риска здоровью педагога [Текст] / Е.А. Багнетова. – Сургут : РИО СурГПУ, 2017. – 100 с.
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: дидактика и профилактика [Текст] / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб. : Питер, 2008. – 336 с.
3. Колитова, А. Человек и время в ситуации социальной нестабильности [Электронный ресурс] / А. Колитова // On-Line библиотека. – 1997. – Режим доступа: <http://www.xserver.ru/user/chivs> (дата обращения: 31.05.2017).
4. Сабина, Н.Н. Профилактика профессиональных рисков педагогов в условиях инновационной деятельности образовательного учреждения [Текст] : автореф. ... дис. канд. пед. наук / Н.Н. Сабина. – СПб., 2012. – 24 с.

УДК 159.9
ББК 88.252в6

А.Э. ШЕРБАКОВА

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ОЛИМПИАДЫ
ПО ОСНОВАМ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

A.E. SHCHERBAKOVA

**PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL
CHARACTERISTICS OF PARTICIPANTS OF HEALTH
AND SAFETY OLYMPIAD**

В статье представлены результаты исследования эмоционально-волевых качеств личности и свойств нервной системы участников городского этапа Всероссийской олимпиады по основам безопасности жизнедеятельности. Впервые проанализирована взаимосвязь исследуемых характеристик с результатами теоретического и практического этапов олимпиады. Установлена взаимосвязь психофизиологических особенностей и эмоционально-волевых качеств с результатами олимпиадных испытаний.

The article presents the results of research in the sphere of emotional and volitional personality qualities and nervous system properties of all-Russian health and safety Olympiad members at municipal stage. It's the first time that correlation between the characteristics under study and the results of the Olympiad theoretical and practical stages has been analyzed. The correlation between psychophysiological characteristics and emotional and volitional qualities and the Olympiad test results has been stated.

Ключевые слова: эмоционально-волевые качества, свойства нервной системы, школьники, олимпиада, основы безопасности жизнедеятельности.

Key words: emotional and volitional qualities, nervous system properties, students, Olympiad, health and safety.

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по основам безопасности жизнедеятельности (далее ОБЖ) является традиционным для школ г. Сургута. В соответствии с положением о проведении школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников в г. Сургуте, основной целью данного мероприятия является поддержка интеллектуально одаренных, талантливых детей, развитие творческих способностей и интереса к научно-исследовательской деятельности учащихся. Муниципальный этап олимпиады состоит из двух туров индивидуальных состязаний участников (теоретического и практического). Один из существующих в научной литературе подходов определяет олимпиаду как экзамен повышенного уровня, ставящий своей целью проверку сверхнормативных знаний [1, 7].

Особый интерес представляет изучение влияния врожденных свойств нервной системы, способности к достижению цели волевыми усилиями на результаты олимпиады.

Нервная система каждого человека отличается определенными индивидуальными особенностями, которые являются врожденными и неизменными в течение всей жизни человека. Эти особенности, открытые известным отечественным ученым И.П. Павловым, называются свойствами нервных процессов. Существуют три основных свойства нервных процессов: сила, уравновешенность и подвижность.

Сила нервных процессов проявляется как работоспособность нервной системы. Это возможность нейронов длительное время находиться в состоянии возбуждения или в состоянии торможения. Организм с *сильной нервной системой* обладает высокой работоспособностью: человек с таким организмом может достаточно долго осуществлять без отдыха активную и плодотворную деятельность. Организм со *слабой нервной системой*, напротив, неспособен к длительной активности.

Уравновешенность нервных процессов – это соотношение силы процесса возбуждения и силы процесса торможения. Если сила обоих процессов одинаковая, то нервная система является уравновешенной. Человеку с *уравновешенной нервной системой* легко контролировать свое поведение, нервные процессы такого человека сменяют друг друга точно и своевременно в соответствии с условиями текущей ситуации. А если сила одного из процессов больше, чем сила другого, то нервная система является неуравновешенной.

Подвижность нервных процессов определяется легкостью смены одного нервного процесса другим. Нервная система человека может быть: а) подвижной, если процессы легко сменяют друг друга; человеку с *подвижной нервной системой* легко переключаться с одного вида деятельности на другой; б) инертной, если смена одного процесса другим происходит с относительно большими временными затратами; человеку с *инертной нервной системой* переключение внимания с одного предмета на другой и переключение организма и психики с одного вида деятельности на другой дается нелегко [2, 5].

Волевые качества имеют сложное системное строение. Вертикальная структура волевых качеств состоит из трех слоев: нейродинамические особенности, волевое усилие и личностные факторы. В психологии воли есть данные о связи различных волевых качеств с особенностями нервной системы (по И.П. Павлову). То, как люди реагируют на сложности, в определенной степени связано со скоростью и силой психических реакций. Воля обуславливает способность личности произвести свободный выбор, являющийся актом практического осуществления воли. Обладая волей и сознанием, человек осуществляет выбор линии действия и пытается предвидеть возможные результаты, осознанно стремясь к ним. Воля может либо сдерживать активность, либо способствовать осуществлению деятельности [6, 8].

Целью нашего исследования являлось изучение нейродинамических особенностей и эмоционально-волевых качеств участников олимпиады по ОБЖ 10-11 классов и их взаимосвязи с результатами олимпиадных испытаний. Исследование проводилось 24-25 ноября 2016 года на базе БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет» в период проведения городского этапа Всероссийской олимпиады по ОБЖ в г. Сургуте. Обследовано 46 учащихся 10-11 классов, участников олимпиады (29 юношей и 17 девушек).

Исследование было выполнено на компьютерном комплексе НС-Психотест (ООО «Нейрософт», г. Иваново). Для изучения волевых свойств характера была использована экспресс-методика «Эмоционально-волевые качества» (ЭВК), состоящая из 10 вопросов. По результатам подсчитывалась итоговая сумма, которая может иметь следующие значения: крайне низкое, низкое, среднее, выше среднего, высокое.

Для изучения психофизиологических свойств нервной системы применяли экспресс-методику «Сила нервной системы», «Уравновешенность нервной системы», «Подвижность нервной системы». Каждая методика включала 10 вопросов. Сила нервной системы описывалась следующими значениями: сила, имеется сила, неопределенно, имеется слабость, слабость; уравновешенность нервной системы – неопределенный, умеренный и уравновешенный; подвижность нервной системы – подвижность, имеется подвижность, неопределенно, имеется инертность, инертность.

Среднее значение подвижности нервной системы участников олимпиады указывает на «наличие подвижности» ($5,44 \pm 0,28$ у.е.). Уравновешенность и сила нервной системы по средним значениям юношей и девушек соответствует «неопределенному» типу ($5,71 \pm 0,27$ и $5,29 \pm 0,23$ у.е. соответственно).

Среднее значение эмоционально-волевых качеств соответствовало значению «выше среднего» ($6,09 \pm 0,3$ у.е.). Это указывает на то, что степень эмо-

циональной устойчивости и развития волевых качеств у юношей и девушек – между средним и высоким значениями, т.е. есть предрасположенность испытывать стенические эмоции и чувства; уровень саморегуляции и устойчивости к неблагоприятным условиям жизнедеятельности, обуславливающий способность личности к психологической адаптации, – между средним и высоким значениями.

Распределение участников олимпиады по степени выраженности свойств нервной системы позволило установить, что у 48,28% юношей и 29,41% девушек «имеется сила» нервной системы и «неопределенное» проявление этого свойства у 47,06% и 31,03% юношей и девушек соответственно. Среди юношей 3,45% имели «слабую» нервную систему. Девушек со слабой нервной системой среди участников олимпиады не выявлено.

Установлено «умеренное значение» уравновешенности нервной системы у 62,07% юношей и 52,94% девушек. Девушек с уравновешенной нервной системой не выявлено, тогда как среди юношей уравновешенность диагностирована у 20,69%.

Наиболее распространенное значение подвижности нервной системы у 70,59% юношей и у 41,38% девушек – «имеется подвижность». Инертность нервной системы выявлена у 6,9% юношей.

По результатам анализа эмоционально-волевых качеств школьников установлено, что у большинства участников олимпиады диагностировались высокие (31,03% и 17,65% юношей и девушек соответственно), выше среднего (31,03% и 52,94% юношей и девушек соответственно) и средние значения (27,59% и 23,53% юношей и девушек соответственно) эмоционально-волевых качеств. По мнению психологов, это проявляется высоким уровнем саморегуляции и устойчивости к неблагоприятным условиям жизнедеятельности, обуславливающим высокую способность личности к психологической адаптации.

Крайне низкие значения эмоционально-волевых качеств выявлены у двоих юношей (3,45%), общие результаты которых составили менее половины от максимально возможного числа баллов. Крайне низкие значения указывают на высокую вероятность наличия нарушений саморегуляции и отсутствие устойчивости к неблагоприятным условиям жизнедеятельности, обуславливающих психологическую дезадаптацию личности.

При помощи вычисления коэффициента корреляции были выявлены некоторые взаимосвязи нейродинамических особенностей и эмоционально-волевых качеств с результатами олимпиадных испытаний теоретического и практического этапов. Отмечено наличие прямых корреляционных связей эмоционально-волевой сферы со свойствами нервной системы. Подвижность нервной системы имеет слабую обратную корреляционную связь с результатами олимпиады как теоретического, так и практического этапов. Это может быть связано с необходимостью сосредоточиваться, удерживать внимание на выполнении заданий от начала до конца. У призеров олимпиады (1-3 места) «имеется сила», «имеется подвижность» нервной системы, уравновешенность нервной системы имела «умеренный уровень». Эмоционально-волевые качества победителей олимпиады по ОБЖ имели значения «выше среднего». Среди призеров 2 девушки (1 и 3 место) и 1 юноша (2 место). Среднее значение общего результата в баллах составило 137 и 130 у девушек и юношей соответственно, что позволяет сделать вывод о том, что девушки лучше справились с поставленными задачами на муниципальном этапе Всероссийской олимпиады по ОБЖ.

Проведенное нами исследование позволило выявить индивидуальные психофизиологические и личностные особенности участников олимпиады по показателям свойств нервной системы и эмоционально-волевых качеств. Среди участниц олимпиады отсутствовали девушки со слабой, уравновешенной, инертной нервной системой.

Нами установлено, что результаты олимпиадных испытаний имеют как прямые, так и обратные корреляционные связи с итогами олимпиады по ОБЖ в г. Сургуте. Полученные результаты исследования психофизиологических особенностей учащихся 10–11 классов могут быть учтены при отборе и подготовке к олимпиаде по ОБЖ в образовательных организациях г. Сургута с целью повышения качества и результативности выполнения олимпиадных заданий.

Литература

1. Аюбов, Э.Н. Об итогах проведения олимпиады по безопасности жизнедеятельности среди учащихся общеобразовательных организаций [Текст] / Э.Н. Аюбов, И.В. Жданенко, С.В. Невелева // Технологии гражданской безопасности. – 2015. – № 4 (46). – С. 16–22.
2. Боровская, Н.В. Психологические и психофизиологические факторы ленивости учащихся // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70–2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-psihoferiologicheskie-factory-lenosti-uchaschihsya> (дата обращения: 11.06.2017).
3. Голубева, Э.А. Общая и дифференциальная психофизиология: взаимовлияние научных школ Б.М. Теплова и Е.Н. Соколова [Текст] / Э.А. Голубева // Вестник Московского университета. – Сер. 14, Психология. – 2010. – № 4. – С. 32–56.
4. Кавокин, А.И. Дифференциальная оценка типологических особенностей проявления свойств нервной системы у подростков [Текст] / А.И. Кавокин, [и др.] // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 5. – С. 155–161.
5. Каменская, В.Г. Свойства нервной системы и темперамента в структуре индивидуально-типологических особенностей человека [Текст] / В.Г. Каменская, Е.Е. Алексеева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 202–209.
6. Таротенко, О.А. Место эмоционально-волевых свойств в процессе принятия решения в юношеском возрасте [Текст] / О.А. Таротенко // Омский научный вестник. – 2007. – № 5 (59). – С. 143–145.
7. Филатова, О.М. Предметные олимпиады как элемент внешней оценки качества образования: проблемные аспекты (на примере олимпиады школьников по основам безопасности жизнедеятельности) [Текст] / О.М. Филатова, О.Н. Пономарёва // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1096–1099.
8. Чумаков, М.В. Психофизиологические основания волевых качеств личности [Текст] / М.В. Чумаков // Человек. Спорт. Медицина. – 2005. – № 4. – С. 71–74.

УДК 394.3(571.122)
ББК 63.521(= 665.1)-73

В.И. ПРОКОПЕНКО

ТРАДИЦИОННЫЕ СОСТЯЗАНИЯ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ НАРОДА МАНСИ

V.I. PROKOPENKO

TRADITIONAL COMPETITIONS IN THE SYSTEM
OF MODERN PROCESS OF PHYSICAL EDUCATION
OF THE YOUNGER GENERATION OF MANSI PEOPLE

Автор представляет в статье как малоизвестный, так и неизвестный до настоящего времени в отечественной и в зарубежной научной литературе этнографический материал, связанный с традиционными состязаниями мансийского народа.

In this article the author presents little-known as well as unknown in Russian and foreign scientific literature ethnographic material concerning traditional competitions of Mansi people.

Ключевые слова: манси, традиционные состязания, быстрый бег, гонки на собачьих упряжках, гонки на лодках, скачки верхом на лошадях, стрельба из лука и ружья, метание копья, ножа и топорика в цель.

Key words: Mansi, traditional competitions, fast run, sled dog racing, boat racing, horse racing, archery and rifle sport, javelin, knife and axe throwing.

У каждого северного этноса одним из компонентов традиционного физического воспитания в широком понимании этого процесса являлись традиционные состязания. Для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, которые жили, да и сейчас живут в экстремальных климатических условиях (продолжительная суровая и снежная зима, низкий температурный режим, сильные ветра, нехватка кислорода, недостаток ультра-фиолетовых лучей, сложный рельеф, неимоверно энергоемкие традиционные промыслы и мн. др.) спасительным средством были многовековые традиционные состязания, как одно из эффективных средств трудовой и физической подготовки, а затем и совершенствования этих процессов. Если мы внимательно посмотрим на традиционные состязания народа манси, то увидим прямую закономерность и тесную связь между физическими упражнениями и традиционными трудовыми процессами, то ли это охотника, рыбака, оленевода или коневода. Палитра традиционных средств физического воспитания манси достаточно обширна. Она складывается из физического и психического закаливания, традиционных игр, состязаний, силовых единоборств и упражнений и др. К сожалению, надо констатировать, что проблемы традиционного физического воспитания манси еще недостаточно отражены в научных исследованиях.

В отечественной научной литературе встречаем единичные и незначительные сведения о традиционных состязаниях манси. В основном они касаются гонок на лодках. Так, Н. Чернецов [2, с. 142] описывает гонки на лодках, которые он наблюдал у манси в Северной Сосьве. Находим мы описание гонок на лодках у манси на реке Ляпин в работе И.Н. Гемуева [1, с. 166]. Соревнования на лодках описывает и Н.И. Новикова [4, с. 183], которые она наблюдала во время мансийского праздника «*касне порат*» у ляпинских манси. Незначительное количество (всего 4) традиционных мансийских состязаний описаны в работе В.П. Красильникова [3, с. 40-42]. В мансийском романе-сказании авторов Г. Сазонова, А. Коньковой [10, с. 122-123] определен

перечень традиционных состязаний манси, которые проводились ими на мансийских игрищах – стрельбу из лука в цель, метание охотничьих копий в цель, метание (кидание) охотничьих ножей в цель и метание боевого топорика в цель. В своих работах (публикациях) авторы не дают четкого описания этих состязаний, а приводят только некоторые составляющие названных состязаний. В более ранней нашей работе [9], мы уже давали описание некоторых традиционных состязаний народа манси, которые были нами выявлены в процессе изучения этого вопроса. Таким образом, анализ отечественной научной литературы показал нам, что традиционным состязаниям народа манси не было уделено со стороны учёных должного внимания, что существенно снижает историко-этнографическую ценность и значимость для народа манси, а также достоверность этого этнокультурного пласта в системе традиционной культуры этого народа. О этнопедагогической значимости для народа манси знаний о традиционном физическом воспитании, в том числе и состязаний, которые ранее у них бытовали, мы в свое время уделили достаточное внимание [8].

В данной работе, мы попытались в какой-то степени восполнить этот пробел и представить описание традиционных состязаний народа манси, которые существовали у них в недалеком будущем и многие из которых вполне могут быть возрождены и стать в одном ряду с современными национальными видами спорта этого северного этноса. Автор в этой статье использовал, как свой полевой материал, который базируется на этнографических исследованиях проведенных в 1993 году в Ханты-Мансийском автономном округе, так и литературный. В то же время, необходимо заметить, что многие из нижеуказанных состязаний (по литературным источникам) были автором доработаны (с позиции уточнения правил их проведения и др.) и представлены в том виде, в каком их можно использовать в настоящее время.

Для охотника манси важным было во время гона диких оленей быстрый и в то же время длительный бег, а скоротечный быстрый бег использовался ими в тех случаях, когда олень был раненный и его надо было быстро нагнать. В связи с этим у манси бытовало такое состязание как быстрый бег по пересеченной местности – «Хотьют молях хайты». Проводилось это состязание в любое время года. Участвовали в нем как молодежь (юноши и девушки), так и взрослые. Оговаривалась дистанция и препятствия на её направление. Перед стартом все участники выстраивались вдоль линии старта. По команде старшего, они начинали бег по дистанции, преодолевая всевозможные препятствия, встречающиеся по пути бега – ручьи, кочки, бревна, валежник, болото и др. Достигнув определенного места (обогнув его или коснувшись рукой), поворачивали в обратную сторону. Победителем становился тот участник, который первым преодолел финишную линию. Такой бег с преодолением всевозможных препятствий на своем пути, способствовал выработке многих качеств охотника – развивал выносливость, скорость бега, ловкость, смекалку и воспитывал волю к достижению цели, что так важно было для промысловика.

В прошлом у манси самым распространенным средством передвижения в зимнее время были собачьи упряжки. На собачьих упряжках манси возили рыбу из тех мест, где лошади было трудно пройти. В зимнее время манси практиковали и состязания – гонки на собачьих упряжках – «Ампыт хотьют сартын ёхты». В состязаниях участвовали молодежь и взрослые мужчины. Собачья упряжка «уамп» состояла из 4-5 собак, которые запрягались в небольшие нарты-сани «сунн». Количество участвующих упряжек произвольное. Состязания проводились на ровной снежной площадке или на заснеженном льду реки. Дистанция гонок – 200-300 м. Перед стартом, все упряжки располагались у линии старта. Гонщик-каюр перед стартом сидел на нарте и сдерживал упряжку, чтобы её собаки не заходили за линию старта. Перед тем как всем участникам начать гонку, вперед по дистанции пускалась собака «амп», которая начинала бежать к месту финиша, где находился

её хозяин и её ждала долгожданная пища. Через небольшое время давался старт упряжкам. Упряжки, подгоняемые криком каюрами бросались вдогонку за впереди бегущей собакой. Победителем оказывалась та упряжка, которая первой преодолевала финишную линию. Эти состязания способствовали развитию силы, выносливости у собак, координации и ловкости каюра и профессионального мастерства управлять собачьей упряжкой.

Существовал у манси, проживающих в селе Шугур и несколько видоизмененный вариант этой гонки [5]. Назывались эти состязания у шугурских манси - Кто обгонит на собаках («Хунар эльпольд уамп»). Эти состязания были популярны среди мальчиков-подростков. Местом проведения состязаний была наезженная конскими санями дорога. Упряжка состояла из 3-х собак. В упряжку запрягались охотничьи собаки - лайки. Нарта была значительно меньшего размера по отношению к оленней. Количество участвующих упряжек в заезде от 2-х до 4-х. Дистанция гонки 4 км (2 км в одну сторону и обратно). Старт и финиш были в одном месте. Перед стартом гонщики сидели на нарте, в руках у них были пруты для подгонки собак. Перед началом гонки, упряжки заезда выстраивались у линии старта. Перед тем как начать гонку, по дистанции пускалась собака. Как только собака начинала свой бег, вслед стартовали упряжки. Задача гонщиков упряжек - обогнать все упряжки и приехать на финиш первым. Чья упряжка приходила на финиш первой, становилась победительницей заезда или состязаний. Это говорило о том, что собаки этой упряжки были самыми выносливыми, а гонщик умелым наездником. Такая гонка способствовала развитию силы и выносливости собак, координации и ловкости гонщика, а также умение управлять собачьей упряжкой.

В летнее время, как было выше отмечено разными авторами, манси проводили состязания на воде, которые в основном были связаны с гонками на лодках или на обласах. Этот вид состязаний у манси был широко распространен. Наши исследования и литературные сведения говорят о том, что у разных манси были и различные состязания в гонках на лодках.

Так, одним из таких состязаний была гонка на лодках-«осиновках» - *Нявлалаункве хапыл*. Это небольшая лодочка, выдолбленная из ствола осины. Поэтому манси и называли её «осиновка». Соревновались манси в этой гонке попарно. Если участников состязаний было немного, то стартовали все гонщики в одном заезде, как бы финальном. Участвовали в гонках на осиночках молодежь и взрослые манси. Местом проведения был любой водоем - река, озеро. Длина дистанции определялась самими участниками. Чаще всего она зависела от ширины водоема или установленного на водоеме буя. Каждый участник мог состязаться только на своей «осиновке». Перед тем как начать состязаться, все лодки кормой располагались на мелководье (задняя часть лодки, т.е. почти на берегу. Сами же гонщики перед стартом находились в лодке, весло лежало перед ними поперек лодки. Старт давался по условленному сигналу. Два или несколько человек после сигнала начать гонку отталкивали её от берега. Гонщики, стоя в лодке и работая веслом, должны были доплыть до условного места или берега водоема, развернуться и вернуться к месту старта лодок. Кто первым приплывал, тот становился победителем гонки на осиночках.

Другой вид гонок на лодках на территории Западной Сибири в Северной Сосье наблюдал известный исследователь вогул (манси) В.Н. Чернецов [2, с. 142]. В этих состязаниях принимало участие только мужское население. Проводились гонки на реке. В гонке также участвовало 2 лодки. В каждой из них находилось по 6 гребцов и один рулевой. Каждый гребец, в руках имел однолопастное весло *тул*. Состязания проводились в вечернее время. Дистанция гонки определялась по договоренности. Гонщикам надо было доплыть до определенного места - берега, застрявшей в реке коряги и т.д. достигнуть его или обогнуть это место и грести к месту старта лодок. Для манси характерным было то, что в состязаниях по гребле, гребцы, находящиеся

в лодках, гребут стоя в лодке, что наблюдалось и в этих состязаниях. Перед стартом лодки участников располагались на берегу, у воды. По команде старшего проводившего эти состязания, гребцы сталкивали свои лодки на воду, заскакивали в них и начинали стоя в лодке грести. Дойдя до определенного места на дистанции, огибали его и начинали вести гонку в обратном направлении, т.е. к финишу, строго кормой вперед.

По сведениям И.Н. Гемуева [1, с. 166], манси, проживающие в с. Ляпин, т.е. ляпинские манси, устраивали гонки на лодках по реке Ляпин в день посещения *Торум-кана*. Гонка велась до того места, где когда-то находилось святилище *Хонт-торум*. О проведении этих состязаний заранее оповещалось и многие команды гребцов из разных селений заранее готовились принять участие в них. Участвовали в гонках на лодках только мужчины. Количество команд-гонщиков в состязаниях не ограничивалось. В лодке находилось 6 гребцов, а на носу каждой лодки сидел музыкант, который воодушевлял гребцов своей игрой на *сангультапе*. Каждый участник гонки греб однолопастным веслом, стоя в лодке. Команда гребцов лодки, достигшая первой святилище *Хонт-торум*, т.е. финиша, становилась победительницей. Ей поручалась почетная роль везти на святилище жертвенное животное. Существовала у ляпинских манси и другая гонка на лодках, которую наблюдала Н.И. Новикова [4, с. 183]. Ляпинские манси, перед тем как ехать в низовья рыбачить, устраивали на реке Ляпин праздник – «*касне порат*» – соревнования на гоночных *посхап* лодках. Этот праздник проходил у манси в начале июня и приурочивался к «*лям щоритан порат*» – времени, когда цветет черемуха. Состязательная часть праздника проводилась в первой половине дня. Участвовали в этих гонках только мужчины. В этих состязаниях манси совершенствовали навыки молодых рыболовов-гребцов. Количество участвующих команд-гонщиков в соревнованиях не ограничивалось, в каждой лодке располагалось по 6 человек. Гонку гребцы вели стоя в лодке, однолопастными веслами. Дистанция гонки определялась по договоренности. Перед тем как стартовать, лодки всех участников располагались на берегу реки, гонщики находились около своих лодок. Когда давался старт гонки, команды-гребцов быстро сталкивали свои лодки на воду, заскакивали в них и начинали активно грести. Команда первой достигшая места финиша, становилась победительницей. Значит, её гребцы мастерски владели навыками коллективной гребли на лодке.

Не меньший интерес вызывают и другие традиционные состязания манси, как, например, скачки верхом на лошадях. К сведению, среди родственных народов манси и ханты такие состязания были присущи только манси. Проводились эти состязания в летнее время года. Для этих состязаний манси специально отбирали быстрых и выносливых лошадей *лув*, которые назывались у них *вогулка*, т.е. мансийская порода лошади. Принимали участие в соревнованиях хорошо подготовленные наездники – подростки, молодежь и взрослое мужское население. Количество участников не ограничивалось. Каждый наездник состязался на своей лошади. Дистанция скачек составляла 1 км, проходила она по ровной дороге. Места старта и финиша, чаще всего совмещались, т.е. были в одном месте. По команде проводившего состязания давался старт. Задача наездников – умело вести гонку и постараться прийти к финишу первым. Достигнув середины дистанции, наездники поворачивали лошадь в обратную сторону и продолжали скачки. Чья лошадь приходила к финишу первой, тот наездник становился победителем состязаний. Обычно победитель скачек получал специальный приз.

У манси было также много состязаний, связанных со стрельбой из лука: на дальность полета стрелы – *Ёвт тармыл элн патлуптанкве*, стрельба из лука вверх – *Нял пахтх*. Существовали и различные варианты этих стрельб [5, 10]. Популярны были у манси состязания в стрельбе из лука в цель, т.е. в мишень. Достаточно интересным состязанием являлась стрельба из лука в мишень, что было распространено среди манси села Шугур Кондинского рай-

она [5]. Это состязание импровизировало у детей настоящую охоту на то или иное животное. Состязание способствовало развитию и совершенствованию «скрадывания» зверя, меткости выстрела по цели, охотничьей ловкости и сноровки, воспитывало у участников терпение и выдержку. Проводилось это состязание у леса. Чаще всего такое состязание устраивали дети, подростки, иногда участвовали и взрослые. Количество участников-«охотников» не ограничивалось. Каждый участник-«охотник» имел свой лук и стрелы. Для стрельбы выбирали мишень *нос* – пень или ставили чурку, условно назвав эту мишень каким-либо «зверем» (медведь, волк, лисица, соболь, олень, лось). От мишени отмеряли в разные стороны расстояние в 10-15 м, которое согласовывалось с участниками-«охотниками», и проводили вокруг мишени линию стрельбы. Стрельба в мишень велась только с этой линии. Очередность «охоты на дикого зверя» участниками-«охотниками» определялась с помощью жеребьевки. Количество выстрелов, которые «охотник» должен был сделать по мишени из лука не более 3-5. Оно согласовывалось участниками-охотниками до начала состязания.

Охотник, который начинал «охоту» на дикого зверя, недалеко от линии стрельбы выбирал себе место, с которого он будет вести свою «охоту» на «зверя». Затем он начинал «подкрадываться» к мишени-«зверю» тем способом, который использует охотник во время настоящей охоты на того или иного зверя (он должен проделывать именно те охотничьи действия, которые проделывает охотник при подкрадывании, например, к медведю или к оленю и т.д.). Достигнув линии стрельбы, он должен выпустить из лука оговоренное количество выстрелов, стараясь попасть в «зверя». Кто больше других участников-«охотников» состязаний попадал в мишень-«зверя», тот становился победителем.

Манси, проживающие в селе Шугур Кондинского района, раньше любили состязаться в стрельбе не только из лука, но и из охотничьих ружей [5]. Эти состязания способствовали развитию и совершенствованию меткой и ювелирной стрельбы, показывали профессионализм того или иного охотника. Проводились они в весеннее время по большой воде, в тихую погоду на берегу реки. Местом стрельбы являлся берег реки. Манси при этих состязаниях особое внимание уделяли безопасности как самих участников, так и болельщиков. Участниками состязаний являлись только те охотники, которые имели уже достаточно большую охотничью практику. Каждый охотник производил выстрелы из своего ружья. Очередность стрельбы определялась по договоренности между участниками состязаний. Стрелок подходил к месту стрельбы со своим ружьем, заряжал его и приступал к стрельбе. Стрельба велась в сторону реки, по водной глади. Задача стрелка заключалась в следующем: надо было выстрелить в сторону водной глади реки так, чтобы выпущенная пуля летела по водной глади, пробивая её, т.е. как бы отскакивая от неё и затем попадала в берег реки. Победитель состязаний определялся болельщиками, стоящими на берегу реки на основании количества «отскоков» выпущенной пули от водной глади реки. Чем больше раз пуля отскакивала от поверхности воды, тем большим охотничьим профессионализмом обладал тот или иной стрелок-охотник.

Весьма интересные состязания народа манси отмечены в работе Г. Сафонова, А. Коньковой [10, с. 122-123], о которых мы выше упоминали. Эти состязания весьма специфичны и в тоже время их состязательная направленность напрямую связаны с профессиональной деятельностью промысловика. Как отмечают авторы [10], в прошлом, манси устраивали в летнее время игрища, так называемы «мужские игры». На этих игрищах они проводили и ряд состязания. Надо заметить, что мы не наблюдали у родственных народу манси ханты аналогичных состязаний [6, 7]. Перед тем как дать описание этих состязаний, автор статьи предупреждает читателей, что это авторская реконструкция нижеописанных 3-х состязаний, проводимых на мансийских

игрищах. К сожалению, Г. Сазонов, А. Конькова [10] в своей работе только называют эти 3-и вида оригинальных состязаний, а как они проводятся, об этом не пишут. Итак, одним из таких состязаний являлось метание охотничьих копий *овта* в цель. Проводилось это состязание на ровной лесной поляне. Участвовали молодежь и взрослые мужчины. Количество участников не ограничивалось. Метали боевое охотничье копье. Мишенью служила натянутая лосиная шкура. Копье участники состязаний метали в мишень с расстояния 20 сажень, т.е. где-то с 40 м. Каждый участник метал свое боевое охотничье копье. Количество бросков участник мог совершить 3 раза. Очередность метания копья определялась с помощью жеребьевки или счета.

Участник со своим боевым охотничьим копьем подходил к линии метания, подготавливался к его броску и с силой совершал бросок в сторону мишени. Если он не смог попасть с первого броска копья в мишень, производил второй, третий бросок. Если ему удавалось или наоборот не удавалось поразить копьем мишень, в состязание включался следующий участник. Победителем становился тот участник, который смог за меньшее количество бросков копья поразить мишень.

Другой вид состязаний, который проводился на этих же мансийских игрищах – это «Метание (кидание) охотничьих ножей в цель» [10, с. 122-123]. Участвовали в нем молодежь и мужчины, которые владели этим искусством метания охотничьих ножей в цель. Количество желающих участвовать в этих состязаниях не ограничивалось. Каждый, кто принимал участие в этих состязаниях, метал в цель свой охотничий нож. Количество бросков не более 3-х. Мишенями служили чучела уток, тетеревов или силуэты зверей, а также берестяные маски злых духов. Расстояние бросание ножей в цель равнялось примерно 15 сажень, т.е. чуть больше 30 м. Мишень обычно поднималась над землей на высоких жердях. Очередность метания охотничьих ножей в цель определялась с помощью жеребьевки или счета. Участник подходил к линии броска, вытаскивал охотничий нож с ножен, прицеливался и производил рукой мощный бросок в цель. Задача бросавшего нож – попасть, т.е. вонзить его в чучело. Если участник попадал или не смог попасть с трех попыток, состязаться выходил следующий участник. Количество попаданий охотничьим ножом в мишень фиксировалось, как проводившим эти состязания, так и самими участниками состязаний. Победителем состязаний становился тот участник, который смог за меньшее количество бросков охотничьим ножом, поразить цель или смог ее поразить подряд 3 раза.

Последнее состязание по метанию на мансийских «мужских играх» – это «Метание боевого топорика в цель» [10, с. 122-123]. Участвовала в нем мансийская молодежь и взрослые мужчины, которые имели определенный навык метания боевого топорика. Количество участников в этом виде состязания не ограничивалось. Каждый участник метал только свой боевой топорик. Мишенями служили, чаще всего, силуэты зверей, которые расставлялись на высоких пнях или берестяные маски злых духов. Расстояние броска топорика в мишень равнялось 20 сажень, т.е. чуть больше 40 м. Очередность метания боевого топорика в мишень участниками, определялась с помощью жеребьевки или счета. Участник подходил со своим топориком к линии броска и с замахом назад мощно посылал топорик в цель. Задача бросавшего – попасть лезвием топорика в цель. Если он попадал с первого броска, он заканчивал броски и на смену ему в сектор метания выходил следующий участник. Если участник не попадал с первого раза, он продолжал совершать оставшиеся две попытки. Победителем становился тот участник, который смог поразить цель лезвием боевого топорика.

Все вышеописанные нами состязания по метанию охотничьего копья, охотничьего ножа и боевого топорика способствовали развитию и совершенствованию у мансийских промысловиков мышц всего тела, а также совершенствовали профессиональные качества охотника – точность и силу броска охотничьих атрибутов (копья, ножа и топорика), которые всегда были при

охотнике. А профессиональная точность поражения цели указанными охотничьими атрибутами, давали ему уверенность и выдержку во время охотничьего промысла.

Представленный в данной статье перечень традиционных состязаний народа манси этим не заканчивается. У манси существовало много всевозможных силовых единоборств и силовых физических упражнений [5]. Таким образом, мы вполне уверенно можем сказать, что традиционные состязания должны занять достойное место в системе современного процесса физического воспитания подрастающего поколения народа манси, а также перейти из разряда традиционных в разряд современных соревнований этого народа.

Литература

1. Гемуев, И.Н. Легенды и были таёжного края [Текст] / И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев, А.И. Соловьев. - Новосибирск : Наука, 1989. - 176 с.
2. Источники по этнографии Западной Сибири [Текст]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. - 284 с.
3. Красильников, В.П. Игры и состязания в воспитательном процессе финно-угорских и самодийских народов : учеб. пособие [Текст] / В.П. Красильников. - Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2004. - 85 с.
4. Новикова, Н.И. Традиционные праздники манси [Текст] / Н.И. Новикова. - М. : Институт этнологии и антропологии СО РАН. - М. : Наука, 2005. - 407 с.
5. Полевые исследования автора в 1993 году, в места проживания народа манси в ХМАО // Архив автора.
6. Прокопенко, В.И. Ханты: Этнопедагогика физического воспитания [Текст] / В.И. Прокопенко. - М. : Народная педагогика, 1994. - 140 с.
7. Прокопенко, В.И. Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры [Текст] : учеб. пособие / В.И. Прокопенко. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. - 296 с.
8. Прокопенко, В.И. Этнопедагогическая значимость для народа манси традиций физического воспитания [Текст] / В.И. Прокопенко // Мат. Всерос. науч.-практ. кон. «Физкультура и спорт в современных условиях: состояние, тенденции и перспективы». - Омск : СибГАФК, 2000. - С. 31-35.
9. Прокопенко, В.И. Народные игры и национальные состязания манси [Текст] / В.И. Прокопенко // Физическое воспитание детей и молодежи в 21 веке : мат. Всерос. науч. кон., г. Якутск. ЧГИФК. - 2003. - С. 53-58.
10. Сазонов, Г. И лун медлительных поток... [Текст] : роман-сказание / Г. Сазонов, А. Конькова. - Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во. - 1990. - С. 122-123.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Багнетова Елена Александровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры медико-биологических дисциплин и безопасности Сургутского государственного педагогического университета

Bagnetova Elena Aleksandrovna - Ph.D., Education, Associate Professor, Associate Professor, Department of Biomedical Sciences and Safety, Surgut State Pedagogical University

E-mail: e.bagnetova@gmail.com

Гаврилина Татьяна Олеговна - аспирант, Гуманитарный университет, г. Екатеринбург

Gavrilina Tatiana - Postgraduate, University for the Humanities, Yekaterinburg

E-mail: 2280320@mail.ru

Зборовский Гарольд Ефимович - доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Zborovskiy Garold Yefimovich - Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Ермолаев Терентий Степанович - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

Ermolaev Terentiy Stepanovich - Ph.D., History, Researcher of Institute of Humanities Research and the North Minorities Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: tererm@mail.ru

Ефанов Александр Александрович - кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики, Оренбургский государственный педагогический университет

Yefanov Aleksandr Associate - Ph.D., Sociology, Associate Professor of the Department of Journalism, Orenburg State Pedagogical University

E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Ишкинина Марина Халимовна - главный специалист-эксперт Министерства труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан, выпускник аспирантуры Башкирского государственного университета

Ishkinina Marina Khalimovna - Chief Specialist-Expert of the Ministry of Labour and Social Protection of Population of the Republic of Bashkortostan, Recent Graduate of the Bashkir State University

E-mail: ishkinina_marina@mail.ru

Казакова Анна Юрьевна - кандидат социологических наук, докторант Северо-Кавказского Федерального университета, доцент кафедры философии и культурологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского»

Kazakova Anna Yurievna - Ph.D., Sociology, Doctoral Student, North-Caucasus Federal University, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Kaluga state University named after K.E. Tsiolkovsky

E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Каташинских Варвара Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Katashinskikh Varvara Sergeevna – Ph.D., Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Management of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: Varvarass@bk.ru

Мельниченко Станислав Валериевич – магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Melnichenko Stanislav Valerievich – Master Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: stanislavwonders@gmail.com

Прокопенко Виктор Иванович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории проблем физического воспитания и этнопедагогики Сургутского государственного педагогического университета

Prokopenko Viktor Ivanovich – Ph.D., Education, Professor, Chief Research Associate at the Physical and Ethnic Education Laboratory affiliated to Surgut State Pedagogical University

E-mail: ProkopeViktor@yandex.ru

Щербакова Александра Эдуардовна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры медико-биологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности Сургутского государственного педагогического университета

Shcherbakova Aleksandra – Ph.D., Biology, Senior Lecturer, Department of Biomedical Sciences and Safety, Surgut State Pedagogical University

E-mail: la_lune-4@bk.ru

Шуклина Елена Анатольевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета

Shuklina Yelena Anatolyevna – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first Russian president B.N. Yeltsin, Chief Researcher of the Laboratory of Regional Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: shuklina_elena@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ

Правила направления, рецензирования и опубликования материалов в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает, рассматривает и рецензирует научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников» (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 20 марта 2009 г., регистрационный № 13561), с изменениями, внесёнными приказами Министерства образования и науки Российской Федерации от 11 августа 2009 г. № 294 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 2 октября 2009 г., регистрационный № 14958), от 16 ноября 2009 г. № 603 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 8 декабря 2009 г., регистрационный № 15408), от 10 января 2012 г. № 5 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 1 февраля 2012 г., регистрационный № 23091) и от 20 февраля 2015 г. № 114 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 21 апреля 2015 г., регистрационный № 36946) **только по следующим отраслям науки и группам специальностей научных работников:**

- **13.00.00 – педагогические науки** (13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры; 13.00.08 Теория и методика профессионального образования);
- **07.00.00 – исторические науки** (07.00.02 Отечественная история);
- **22.00.00 – социологические науки** (22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы).

Периодичность: издание выходит 6 раз в год и распространяется в России.

Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения и публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным научным сообществом (Committee of Publication Ethics), а также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.

Направление научных статей в редакцию и их рецензирование

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы.

Передача автором материалов в издание рассматривается редакцией и автором как добровольная и безвозмездная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета». В случае, если материалы для публикации передаются автором на иных условиях, эти условия должны быть отражены в сопроводительном письме.

Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличию всех сопроводительных документов. Научные статьи с грамматическими, стилистическими и техническими дефектами, а также с погрешностями в оформлении списка литературы и ссылок на источники редакцией не рассматриваются.

Основаниями для включения статьи в журнал являются:

- выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.

К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей с выводом о целесообразности опубликования статьи.

Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала – до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (*небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами*) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Рукописи и тексты на электронных носителях авторам не возвращаются. Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора. Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.

Сроки публикации определяются по мере комплектования журнала.

Требования к материалам и рукописям

Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах) **отдельными файлами** направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».

В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- учёная степень (*полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований*);
- учёное звание;
- должность и место работы (*без сокращений*);
- адрес с почтовым индексом;
- контактные данные: телефоны (*рабочий, домашний, сотовый*), адрес электронной почты.

Правила оформления рукописи статьи

Электронная копия

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *doc*. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman. Размер кегля - 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ - 1 см. Междустрочный интервал - полуторный. Выравнивание по ширине. Все поля - 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

В начале статьи **обязательно** указываются **индексы УДК и ББК** (с выравниванием по левому краю).

Структура текста:

- информация об авторе/авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по правому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем - до 8 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом) на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется);
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова»). Указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи;
- литература.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Список литературы

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок.

Вводимые в аннотацию и текст статьи сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т. д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, *например*: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, *например*: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21].

В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой – номер страницы, с которой взята цитата. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, *например*: [3, с. 29–28; 5, 12].

Список литературы (входит в общий объем статьи) обозначается словом «Литература», размещается в конце статьи и количественно должен быть представлен этично.

Литература оформляется с соблюдением ГОСТ 7.1-2003, *например*:

Боголюбов, А.Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением [Текст] / А.Н. Боголюбов, А.Л. Делицын, М.Д. Малых // Вестник Московского университета. Сер. 3, Физика. Астрономия. – 2001. – № 5. – С. 23–25.

Вишняков, И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / И.В. Вишняков. – М., 2002. – 234 с.

Добродомов, И.Г. История одной идеи В.Н. Сидорова [Текст] / И.Г. Добродомов // IX Житниковские чтения: Развитие языка: стихийные и управляемые процессы : материалы Всерос. науч. конф., г. Челябинск, 26–27 февр. 2009 г. / И.Г. Добродомов. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 3–13.

Игнатъева, Т.М. Педагогическое управление [Текст] / Т.М. Игнатъева. – М. : Флинта, 2006. – 198 с.

История России [Текст] : учеб. пособие для студентов всех специальностей / В.Н. Быков [и др.] ; отв. ред. В.Н. Сухов. – 3-е изд., перераб. и доп. / при участии Т.А. Суховой. – СПб. : СПбЛТА, 2007. – 231 с.

Коменский, Я.А. Сочинения [Текст] : в 2 т. Т. 1. Великая дидактика / Я.А. Коменский. – М. : Просвещение, 1982. – 446 с.

Никитин, П. Мониторинг в образовании [Текст] / П. Никитин, М. Мирошниченко // Учительская газета. – 2001. – 12 окт. – С. 3.

Особенности вариабельности ритма сердца у больных артериальной гипертонией со структурными признаками гипертензивной энцефалопатии [Текст] / Н.Л. Афанасьева [и др.] // Сибирский медицинский журнал. – 2009. – № 4. – Вып. 2. – С. 31–35.

Sporber, D. Relevance [Text] / D. Sperber, D. Wilson. – New Jersey : Blackwell Publishing, 1995. – 327 p.

Электронный ресурс:

Астафьева, О.Н. Культурология. Теория культуры [Электронный ресурс] : учеб. пособие / О.Н. Астафьева. – Электрон. текстовые дан. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 487 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/15386>. – Загл. с экрана.

Зербино, Д. Научное творчество: неразгаданный феномен [Электронный ресурс] / Д. Зербино. – Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/SCIENCE/nauchnoe_tvorchestvo_nerazgadannyy_fenomen.html (дата обращения: 29.04.2015).

Марголис, А.А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров [Электронный ресурс] / А.А. Марголис // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2014/2/Margolis.phtml> (дата обращения: 15.02.2015).

Таблицы. Рисунки. Диаграммы. Иллюстрации

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля – 8 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как рисунки, так и таблицы следует пронумеровать (если их несколько). В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, *например*: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье, должны быть чёрно-белыми, чёткими. Конкретные технические условия, которым должны удовлетворять представляемые рисунки, сообщаются дополнительно по запросу автора.

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т. д.

ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Авторам опубликованных материалов предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант издания можно получить, оформив подписку.

Более подробно с утверждёнными правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в «Вестнике Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления статей и прилагаемых материалов, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

РУДНЕВА Ольга Викторовна, кандидат филологических наук

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент

ВАТОПОРИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, доцент

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, доцент,
Заслуженный деятель науки ХМАО – Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор,
академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Surgut State Pedagogical University, Principal

The Editor-in-Chief:

RUDNEVA Olga Viktorovna, Ph.D., Philology

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Ph.D., Sociology, Associate Professor

VATOPORIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic)

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor